
PK 4
X 39

ωq·

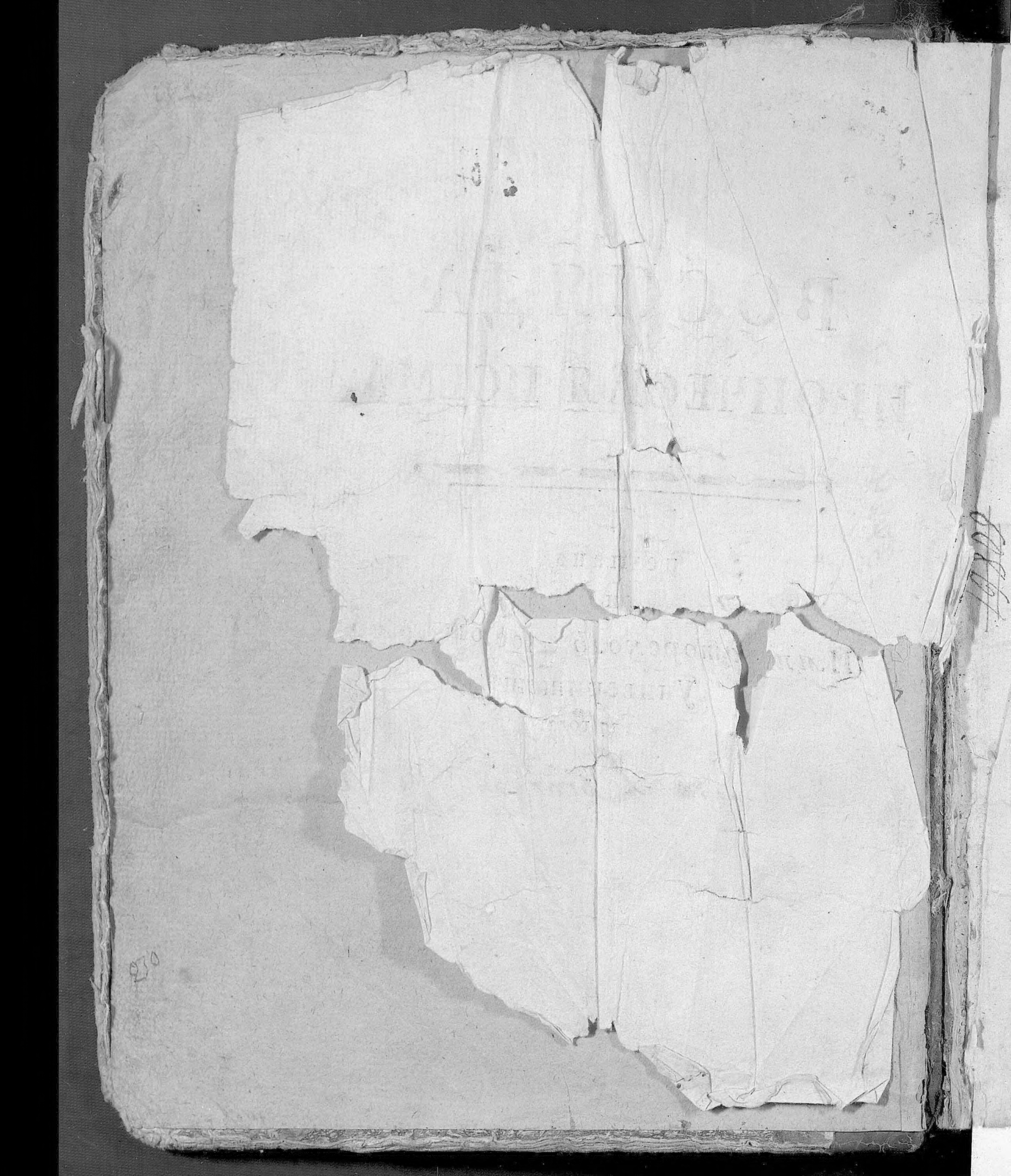
аднв

РОССІЯДА

ИРОИЧЕСКАЯ ПОЕМА.

печатана
при
Имп аторскомъ Московскомъ
Университетѣ
177… года.

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШЕЙ, ДЕРЖАВНѢЙШЕЙ,

ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНѢ

ИМПЕРАТРИЦѢ,

ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ

ВТОРОЙ,

САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССIЙСКОЙ

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ!

Во дни премудраго царствованія ВАШЕГО принесенный новый плодъ Россійскимъ Парнассомъ, посвящаю ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ; сіе, жертва есть искренній моея благодарности, возпаленной Высочайшими щедротами ВАШИМИ по глубинѣ моего сердца. Да удостоится сіе малое жертвоприношеніе животворительнаго позрѣнія ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, не столько ради моего долговремяннаго труда, сколько ради вѣрноподданническаго усердія, съ которымъ оный ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ посвящается.

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

Всеподданнѣйшій рабъ

Михайла Херасковъ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРЕДИСЛОВІЕ.

Россійское государство, въ самыя отдаленныя времяна, которыя намъ древнія Историки извѣстными учинили, было сильно; сосѣдамъ страшно; у многихъ народовъ уважаемо; и ни единой Европейской державѣ, славою, силою и побѣдами, по тогдашнему государствъ состоянію, не уступало; а пространствомъ своимъ, всѣ прочія, какъ и нынѣ, превосходило. Но послѣ Великаго Князя Владимира, разсторженіе Россіи на разныя владѣнія; удѣльныя княжества, междоусобія, неустройства, и властолюбіе размножившихся Князей, время отъ времяни въ безсиліе ее приводить начинали; а наконецъ позорному игу сосѣдственныхъ Ордъ подвергли. Съ того времяни угасла прежняя Россійская слава, и въ цѣломъ свѣтѣ едва извѣстною она учинилась; она подъ своими развалинами будто безчувственна близъ трехъ вѣковъ лежала. Сіе жалостное и позорное состояніе, въ которое Россію утѣсненіе отъ Татаръ и само-

властіе оныхъ погрузило; отторженіе многихъ княжествъ, прочими сосѣдами у нее похищенныхъ; неспокойство внутреннихъ ея мятежниковъ, вовсе изнурявшихъ свое отечество; сіе состояніе къ совершенному паденію ее уклонило; и простерлось до времянъ Царя Іоанна Васильевича Перваго, вдругъ возбудившаго Россію, уготовавшаго оную къ самодержавному правленію, смѣло и отважно свергшаго иго Царей Ордынскихъ, и возставившаго спокойство въ нѣдрахъ своего государства. Но царство Казанское при немъ еще не было разрушено; Новогородцы еще не вовсе укрощены были; сосѣдственныя державы должнаго уваженія къ Россіи еще не ощутили. Сія великая перемѣна, въ какую сіе государство перешло изъ слабости въ силу, изъ уничтоженія въ славу, изъ порабощенія въ самовластіе; сія важная и быстрая перемѣна произошла при внукѣ Царскомъ Іоаннѣ Васильевичѣ Второмъ, который въ сей поемѣ воспѣвается.

По сему, царствованіе Іоанна Васильевича Втораго, можно поставлять среднею чертою, гдѣ Россія до самаго бѣдственнаго состоянія достигнувъ, паки начала оживотворяться, возрастать, и возвращать прежнюю славу, близъ трехъ вѣковъ отъ нее удаленную. Когда вообразимъ въ

мы-

мысляхъ нашихъ государство, совсѣмъ разстроенное; отъ всѣхъ сосѣдственныхъ державъ угнѣтенное; внутренними безпокойствами истощаемое; несогласіемъ многоначальства волнуемое; иновѣрцамъ порабощенное; собственными вельможами разхищаемое: когда все сіе вообразимъ, и представимъ себѣ младаго Государя, самодержавную власть пріемлющаго; неустройства въ отечествѣ прекращающаго; сильныхъ и страшныхъ непріятелей державы своей поправшаго; многоначальства изкореняющаго; мятежниковъ во внутренности владѣнія укротившаго; отторженныя сосѣдами грады возвращающаго, и цѣлыя государства своей коронѣ присовокупившаго; несогласіе и гордость бояръ обуздавшаго; благоразумныя законы подающаго; воинство въ лучшій порядокъ приводящаго: не почувствуемъ ли уваженія, толь великаго духа къ Государю? Таковъ былъ Царь Іоаннъ Васильевичь!

Иностранныя писатели сложившія индѣ нелѣпыя басни о его суровости, по многимъ знаменитымъ его дѣламъ, великимъ мужемъ его нарицаютъ. Самъ ***ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ***, за честь поставлялъ, въ мудрыхъ предпріятіяхъ, сему Государю послѣдовать. Исторія затмѣваетъ сіяніе его славы, нѣкоторыми ужасными повѣствованіями, до крутаго

нрава его относящимися: вѣрить ли толь несвойственнымъ великому духу повѣствованiямъ? оставляю Историкамъ на размышленiе. Впрочемъ безмѣрныя Царскiя строгости, по которымъ онъ Грознымъ проимянованъ, ни до намѣренiя моего, ни до времяни, содержащемъ въ себѣ цѣлый кругъ моего сочиненiя, вовсе не касаются.

Воспѣвая разрушенiе Казанскаго царства, со властiю державцевъ Ордынскихъ, я имѣю въ виду успокоенiе, славу и торжественную побѣду всего Россiйскаго государства; знаменитыя подвиги, не одного Государя, но всего Россiйскаго воинства; и возвращенное благоденствiе не одной особѣ, но всему отечеству: почему сiе творенiе и названо *Россiядой*. Представляю младаго Монарха изъ мрака слабостей въ сiянiе славы облекшагося; сего Монарха, о которомъ и Г. Ломоносовъ, въ краткой Россiйской Лѣтописи утверждаетъ, что Царь по смерти первой своей супруги Грознымъ учинился; и что злословiя бояръ, на подобiе крутой бури, нравы его возмутили; чему должно было приключиться гораздо послѣ взятiя Казани. Прославляю совокупно съ Царемъ, вѣрность и любовь къ отечеству служившихъ ему Князей; его вельможей и

всего

всего Россійскаго воинства. Важно ли сіе приключеніе въ Россійской исторіи? Истинныя сыны отечества, обозрѣвъ умомъ бѣдственное тогдашнее Россіи состояніе, сами почувствовать могутъ; достойно ли оно Епопеи? Моя поема сіе оправдать долженствуетъ.

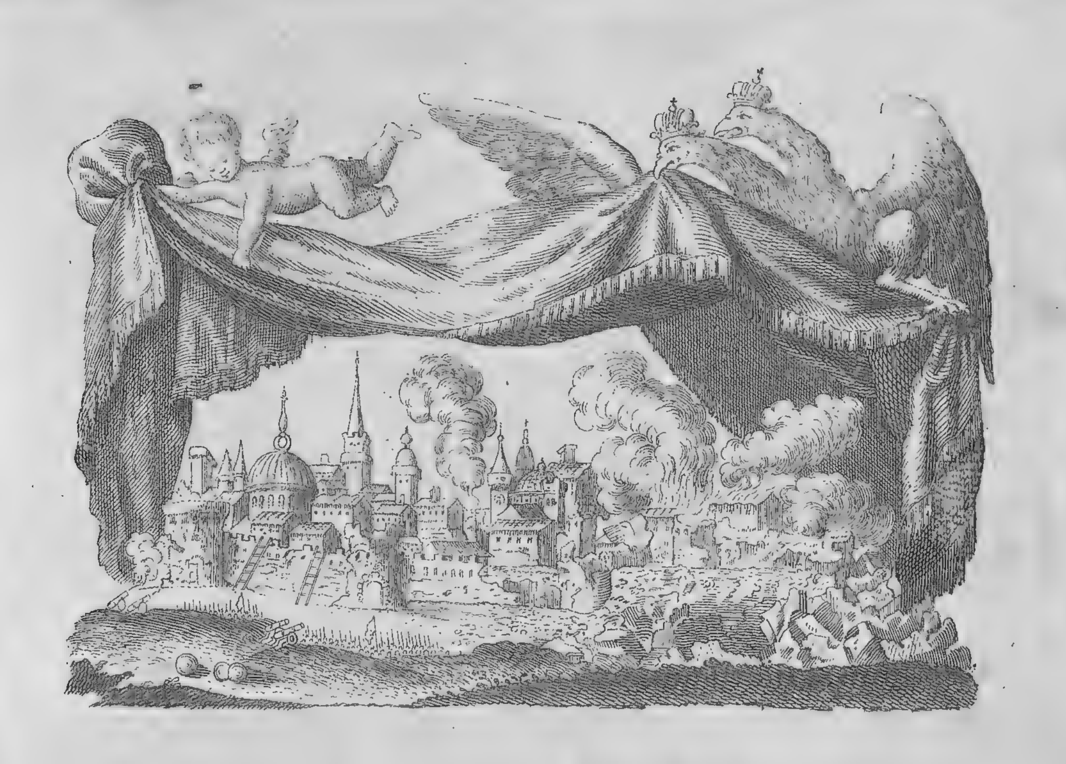
Издавая въ свѣтъ сей осьмилѣтній мой трудъ, чувствую несовершенство и недостатки онаго, въ сравненіи съ другими Епическими поемами. Должно бы его было изправить, или въ лучшихъ красотахъ предложить читателямъ; но ни время, ни обстоятельства мои къ тому не допускаютъ меня: и такъ надлежало или совсѣмъ уничтожить сіе сочиненіе; или выдать таковымъ, каково оно есть нынѣ. Теперь отъ благоразумныхъ читателей буду ожидать рѣшенія, первое или послѣднее лутче бы учинить съ моимъ сочиненіемъ мнѣ надлежало.

Повѣствовательное сіе твореніе разположилъ
я на Исторической истиннѣ; сколько могъ сы-
скать печатныхъ и письменныхъ извѣстій, къ мо-
ему намѣренію принадлежащихъ; присовок
къ тому нѣкоторыя анекдоты, доста
мнѣ изъ Казани, тамошнимъ начальни
верситетскихъ Гимназій. Но да памяту

читатели, что въ Епической поемѣ, вѣрности Исторической, какъ напротивъ въ лѣтописаніяхъ поемы искать не возможно. Многое отметалъ я; переносилъ изъ одного времяни въ другое; изобрѣталъ; украшалъ; творилъ и созидалъ! Успѣлъ ли я въ предпріятіи моемъ, о томъ не мнѣ судить; но то неотрицательно, что Епическія поемы, имѣющія въ виду своемъ иногда особливыя намѣренія, всегда по таковымъ, какъ сія, правиламъ сочиняются.

РОС-

РОССІЯДА
ИРОИЧЕСКАЯ ПОЕМА.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Пою отъ варваровъ Россію свобожденну,
Попранну власть Татаръ и гордость побѣжденну,
Движенье древнихъ войскъ, труды, кроваву брань,
Россіи торжество, разрушенну Казань.
Отъ круга сихъ времянъ, спокойствія начало
Какъ свѣтлая заря въ Россіи возсіяло.

А. Отъ

Отверзи вѣчность мнѣ селеній тѣхъ врата,
Гдѣ вся отвержена земная суета;
Гдѣ души праведныхъ награду обрѣтаютъ;
Гдѣ пышной гордости льстецы не почитаютъ;
Передъ усыпаннымъ звѣздами олтаремъ,
Гдѣ рядомъ предстоитъ послѣдній рабъ съ Царемъ;
Гдѣ бѣдный стонъ и плачь, гдѣ сильный власть забудетъ;
Гдѣ каждый человѣкъ другому равенъ будетъ.
Откройся вѣчность мнѣ; да лирою моей,
Вниманье услажду народовъ и Царей.
Завѣса поднялась. . . . Предстали предъ очами
Ирои свѣтлыми увѣнчанны лучами;
Отъ сихъ кровавая Казанская Луна
Низвергнута во мракъ и славы лишена.
О! вы ликующи теперь въ мѣстахъ небесныхъ,
Во прежнихъ видахъ мнѣ явитеся тѣлесныхъ.
Еще восточную Россіи древней часть
Заволжскихъ наглыхъ Ордъ обременяла власть;
На нашихъ плѣнникахъ гремѣли тамъ оковы,
Кипѣли мятежи, раждались бѣдства новы;
Простерся блѣдный страхъ по селамъ и градамъ,
Плачевно зрѣлище изобразилось тамъ:
Во храмахъ олтари куреній не имѣли,
Умолкло пѣніе, лишь вѣтры тамъ шумѣли;
Безъ дѣйства въ полѣ плугъ подъ тернами лежалъ,
И пастырь въ темный лѣсъ отъ стада убѣжалъ.
Выводитъ солнце день, иль звѣзды возблистаютъ,
Окровавленную Россію обрѣтаютъ.
Отторженная дщерь отъ матери Казань,
Изъ томныхъ рукъ ея брала позорну дань;
Сей градъ Россійскими врагами сооруженный,
На полночь гордою горою возвышенный,

Под-

Поднявъ главу свою при двухъ рѣкахъ стоитъ,
Отколѣ на брега шумящей Волги зритъ.
Подъ тѣнію лѣсовъ, межъ пестрыми цвѣтами
Поставленъ Батыемъ ко сѣверу вратами,
Чрезъ кои въ сердце онъ Россіи прибѣгалъ,
Селенья пустошилъ и грады пожигалъ.
Съ вершины видя горъ убійства и пожары,
Гдѣ жили древнія Россійскія Болгары
Разженны вѣрою къ закону своему;
Казань поверженна въ Махометанску тму,
Въ слезахъ на синій дымъ, на заревы взирала,
И руки чрезъ поля въ Россію простирала;
Просила помощи и свѣта отъ Князей,
Котораго враги не допускали къ ней:
Подвигнуты къ странамъ природнымъ сожалѣньемъ,
Народа своего и воплемъ и томленьемъ,
Хранящіе законъ, къ отечеству любовь,
Ихъ Князи за народъ во браняхъ лили кровь.
Но какъ Россійскія Ираклы ни сражались,
Главы у гидры злой всечасно вновь раждались,
И жалы отростивъ въ глухихъ мѣстахъ свои,
Вползали паки въ грудь Россіи тѣ зміи.
Драконова глава лежала сокрушенна,
Но древня злоба въ немъ была не потушенна;
Подъ пепломъ крылся огнь и часто возгаралъ,
Какъ въ бурны Россамъ дни онъ силы собиралъ;
Неукротимыхъ Ордъ воскресла власть попранна,
Во время юности втораго Іоанна,
Сей дѣда храбраго вѣнчанный славой внукъ
Едва не выпустилъ Казань изъ слабыхъ рукъ;
Смутился духъ его не щастливымъ походомъ,
Гдѣ онъ начальствовалъ предслѣдующимъ годомъ;

Гдѣ самъ Борей воздвигъ противу Россовъ брань,
Крилами влажными отъ нихъ закрывъ Казань;
Онъ мрачной тучею и бурями одѣлся,
Покрытый прахомъ весь столпомъ извитымъ зрѣлся;
Въ глухой степи шумѣлъ, въ лѣсу дремучемъ вылъ,
Крутился между горъ, онъ рвалъ, шумѣлъ, валилъ,
И Волжскія струи погнавъ на тучны бреги,
Подулъ изъ хладныхъ устъ дожди, морозы, снѣги;
Ихъ пламенная кровь не стала Россовъ грѣть,
Дабы въ наставшій годъ жарчае возкипѣть.
Въ то время юный Царь въ столицу уклонился,
Гдѣ вмѣсто гласа трубъ забавами плѣнился.
О! ты на небесахъ живущій въ тишинѣ,
Прости великій Царь мою отважность мнѣ,
Что утро дней твоихъ во тмѣ дерзну представить,
Пресвѣтлый полдень твой тѣмъ громче буду славить;
Великъ, что бурю ты вкругъ царства укротилъ;
Но больше, что волнамъ душевнымъ возпретилъ.
Увидѣвъ, что Москва отринувъ мечь уснула,
Трепещуща Луна изъ облакъ проглянула;
Держаща ненависть отверзтыя глаза,
Отъ Волги поднялась какъ новая гроза;
Орда отвергнувъ страхъ оковы разрывала,
Отмщеньемъ движима мутилась, бунтовала,
И стала воздымать главу и рамена,
Россію утѣснять, какъ въ прежни времяна;
Сей страшный исполинъ въ Россію прибѣгаетъ,
Кровавые слѣды повсюду полагаетъ,
Рукою мечь несетъ, другой звучащу цѣпь,
Валятся стѣны вкругъ, вздыхаетъ лѣсъ и степь.
Ужѐ велѣніемъ коварныя Сумбеки,
Въ Казанѣ полились Россійской крови рѣки,

И

И пламенникъ нося неукротимо зло;
Посады въ ярости Московския пожгло;
Въ жилища Христiянъ съ кинжаломъ казнь вступила,
И кровь страдальческа на небо возопила;
Тамъ плачь, унынiе, сиротствующихъ стонъ;
Но ихъ отечество сей вопль вмѣняло въ сонъ.

Алчба прикованна корыстей къ колесницѣ,
Въ Россiйской сѣяла унынiе столицѣ;
О благѣ собственномъ вельможи гдѣ рачатъ,
Тамъ пользы общiя законы умолчатъ;
Москва разимая погибелiю внѣшной,
Отъ скорбей внутреннихъ являлась безутѣшной.

Сокрылась истинна на время отъ Царя,
Лукавство сѣти скрывъ и голосъ претворя,
Въ лицѣ усердiя его очамъ явилось,
Вошло и день отъ дня сильняе становилось.

Тамъ лесть явилася въ наружной красотѣ,
Которая въ своей природной наготѣ,
Мрачна какъ нощь, робка, покорна, тороплива,
Предъ сильными низка, предъ низкимъ горделива,
Лежащая у ногъ владѣтелей земныхъ,
Дабы служити имъ ко преткновенью ихъ.
Сiя природну желчь преобративъ во сладость,
Въ забавы вовлекла не осторожну младость;
Вельможи выгодѣ ревнующи своей
Соединилися къ стыду державы съ ней;
И лесть надежныя подпоры получила,
Отъ Царскаго лица невинность отлучила;
Гонима искренность стрѣлами клеветы:
Что дѣлала тогда? Въ пещеры скрылась ты!

Во смутны времена еще вельможи были,
Которыя свое отечество любили;

Блистанье щастія они пренебрегли,
При общей гибели не плакать не могли;
Священнымъ двигнуты и долгомъ и закономъ,
Стенать и сѣтовать дерзали передъ трономъ;
Пороковъ торжество, попранну правду зря,
Отъ лести ограждать осмѣлились Царя;
Вельможи въ сѣдинахъ Монарха окружаютъ,
Рыдая, общую напасть изображаютъ:
Духъ бодрости въ тебѣ, вѣщаютъ, воздремалъ;
Но Царь, то зная самъ, ихъ плачу не внималъ.
Унылъ престольный градъ! Москва главу склонила,
Печаль ея лице, какъ нощь, пріосѣнила:
Вселилась въ сердце грусть и жалоба въ уста;
Тоскуютъ вкругъ нее прекрасныя мѣста;
И горесть, разтрепавъ власы, по граду ходитъ,
Потупивъ очи въ низъ, отчаянье наводитъ,
Біетъ себя во грудь, рѣками слезы льетъ,
Гражданамъ стонъ ея покоя не даетъ;
Въ дубравахъ темнота, печаль въ долинахъ злачныхъ,
Во градѣ скопища; не слышно пѣсней брачныхъ;
По стогнамъ свѣтлаго не видно торжества,
Единый слышенъ вопль во храмахъ божества.
Грызомая внутри болѣзнью всеминутной,
Являлася Москва водѣ подобна мутной,
Которая лишась движенья и прохладъ,
Тускнѣетъ, портится и зараждаетъ ядъ.
Народъ отчаянный, гонимый, утомленный,
Какъ будто въ Этнѣ огнь отъ вихрей возпаленный,
Лѣсистые холмы, густыя древеса,
Съ поверхности горы бросаетъ въ небеса;
Народъ возволновалъ! . . . . Тогда при буйствѣ яромъ,
Отъ искры наглый бунтъ великимъ сталъ пожаромъ,

По стогнамъ разлился, на торжищахъ горитъ,
И заревы Москва плачевныхъ слѣдствій зритъ.
Противу тѣхъ вельможъ мятежники возстали,
Которы строгости Царевы подгнѣтали,
Которы душу въ Немъ старались возмущать,
Дабы при бурѣ сей Россію разхищать.
Два Князя Ленскія смятенья жертвой были,
Единаго изъ нихъ мятежники убили,
Другій пронырствами отъ нихъ спастись умѣлъ,
И новой бурею отъ трона возшумѣлъ.
И се простерся мракъ густый надъ Царскимъ домомъ,
И раздраженна власть вооружилась громомъ;
Разила тѣхъ мужей, разила тѣ мѣста,
Гдѣ правда отверзать осмѣлилась уста.
Поборники забавъ награды получали,
А вѣрныя сыны возплакавъ замолчали.
Россія прежнюю утративъ красоту,
И видя вкругъ себя раздоръ и пустоту,
Вездѣ уныніе, болѣзнь въ груди столицы,
Набѣгомъ дерзкихъ Ордъ стѣсненныя границы,
Подъ сѣнью роскошей колеблющійся тронъ,
Въ чужомъ владѣніи, Двину, Днепръ, Волгу, Донъ,
И приближеніе встрѣчая вѣчной ночи,
Бросаетъ къ небесамъ заплаканные очи;
Къ Царю земныхъ царей, всѣхъ тварей ко Отцу,
Колѣна преклонивъ прибѣгла ко Творцу;
Открыла грудь свою, грудь томну, изъязвленну,
Рукою показавъ Москву окровавленну,
Другою вкругъ нее сліянно море зла,
Взрыдала, и рещи ни слова не могла.
На тронѣ пламенномъ превыше звѣздъ сѣдящій,
Во буряхъ слышимый, въ перунахъ Богъ гремящій,

Предъ

Предъ коимъ солнечный подобенъ тѣни свѣтъ,
Въ комъ движутся міры, и все въ мірахъ живетъ;
Который съ небеси на всѣхъ равно взираетъ,
Прощаетъ, милуетъ, покоитъ и караетъ;
Царь пламени и водъ познялъ Россіи гласъ,
И славы чадъ своихъ послѣдній видя часъ,
Дни горести ея въ единый мигъ изчислилъ,
И руку помощи простерти къ ней помыслилъ;
Свѣтляе стали вдругъ надъ нею небеса,
Живительная къ ней пустилася роса,
Ея печальну грудь и взоры окропила,
Мгновенно томную Россію подкрѣпила;
Одѣла полночь вкругъ румяная заря;
На землю Ангели въ кристальну дверь смотря,
Составили изъ лиръ небесну гармонію,
И пѣли благодать вѣнчающу Россію.
Тогда единому изъ праведныхъ мужей,
Живущихъ въ лѣпотѣ божественныхъ лучей,
Господнему лицу въ коронахъ предстоящихъ,
И въ ликѣ Ангеловъ хвалу его гласящихъ,
Всевышній рекъ: гряди къ потомку твоему,
Дай зрѣти свѣтъ во тмѣ, подай совѣтъ ему.
Въ лицѣ отечества явися Іоанну,
Да узритъ онъ въ тебѣ Россію всю попранну.
Скоряй, чѣмъ солнца лучь текущаго въ эѳиръ,
Летящій средь міровъ какъ межъ древесъ зефиръ,
Небесный мужъ въ страну полночную приходитъ,
И огненну черту по воздуху проводитъ;
Закрытый облакомъ вступаетъ въ царскій домъ,
Гдѣ смутнымъ Іоаннъ лежалъ объятый сномъ;
Пришествіемъ его чертоги озарились,
Весь градъ возтрепеталъ; пороки въ мракъ сокрылись.

Яв-

Является Царю сія святая тѣнь
Во образѣ такомъ, въ какомъ была въ той день,
Въ который въ мірѣ семъ оставивъ зракъ тѣлесный,
Взнеслася возстенавъ во свѣтлый домъ небесный;
Потупленна глава лежаща на плечахъ,
Печальное лице, потухлый свѣтъ въ очахъ,
Мечемъ пронзенна грудь, съ одежды кровь текуща,
Колеблющася тѣнь съ молчаніемъ грядуща,
И спящаго Царя во трепетъ привлекла,
Приближилась къ одру и такъ ему рекла:
Ты спишь, о! слабый Царь, покоемъ услажденный,
Весельемъ побѣжденъ, къ побѣдамъ въ свѣтъ рожденный;
Вѣнецъ, отечество, законы позабылъ,
Возненавидѣлъ трудъ; забавы возлюбилъ;
На лонѣ праздности лежитъ твоя корона,
Не видно вѣрныхъ слугъ; ликуетъ лесть у трона.
Ты зришься тигромъ быть лежащимъ на цвѣтахъ;
А мы живущія въ божественныхъ мѣстахъ,
Мы въ общей гибели участіе пріемлемъ,
Твоихъ слова друзей въ селеньяхъ горнихъ внемлемъ.
Ты властенъ все творить, тебѣ вѣщаетъ лесть;
Ты рабъ отечества, вѣщаютъ долгъ и честь;
Но гласа истинны ты въ гордости не внемлешь,
Отъ правды отвратясь, пріятну лесть объемлешь.
Мы Князи сей страны и прадѣды твои,
Мы плачемъ взоръ склонивъ въ обители сіи,
Для вѣчныхъ радостей на небо возхищенны,
Тобой и въ райскихъ мы селеньяхъ возмущенны,
О Россахъ стонемъ мы, мы стонемъ о тебѣ.
Опомнись! нашу скорбь вообрази себѣ,
О царствѣ, о себѣ, о славѣ ты помысли,
И избіенныхъ насъ злодѣями изчисли.

Отверзлось небо вдругъ лежащаго очамъ,
И видитъ Іоаннъ печальныхъ предковъ тамъ,
Которы кровію своею увѣнчались;
Но въ прежнемъ образѣ среди лучей являлись:
Батыевъ мечь во грудь Олегову вонзенъ,
Георгій братъ его лежитъ окровавленъ;
Нещастный Ѳеогностъ оковы тяжкиноситъ,
Отмщенія Ордамъ за смерть и раны проситъ;
Склонивъ главы свои стонаютъ души тѣ,
Которы мучимы въ ихъ были животѣ.
Тамъ видится законъ, печальный, униженный,
Ліющій токи слезъ и мракомъ окруженный;
Погасшимъ кажется Князей Россійскихъ родъ,
Вельможи плачущи, въ уныніи народъ;
Тамъ тѣни блѣдныя въ крови изображенны,
Которы въ жизни ихъ Ордами пораженны;
Онъ видитъ сродниковъ, и предковъ зритъ своихъ,
Ихъ муки, ихъ тоску, глубоки раны ихъ.
И тѣнь рекла ему; отшедъ въ мученьѣ многомъ,
Ропщая на тебя сіи стоятъ предъ Богомъ;
Послѣдній убіенъ злодѣйскою рукой
Твой предокъ Александръ, я бывшій Князь Тверской,
Пришелъ съ верьховъ небесъ отъ сна тебя возставить,
Твой разумъ просвѣтить, отечество прославить;
Зри язвы ты мои, въ очахъ тоску и мракъ,
Се точный при тебѣ страны Россійской зракъ!!
Зри члены ты мои, кровавы сокрушенны,
И селы вобрази и грады разрушенны;
Се тотъ же самый мечь, которымъ я раженъ,
И тою же рукой Россіи въ грудь вонзенъ,
Ліется кровь ея! . . . Омытый кровью сею
Забылъ, что Бога ты имѣешь судіею;

Вопль

Какъ матерь вѣрный сынъ отечество любя,
Адашевъ чаялъ зрѣть превыше звѣздъ себя;
На лесть взирающій вкругъ трона соплетенну,
Оплакивалъ сей мужъ Россію угнѣтенну;
Въ возторгѣ рекъ Царю; самъ Богъ тебя зоветъ
Отняти мракъ отъ насъ и намъ устроить свѣтъ;
Дай жизнь правленію, народу и закону;
На сердцѣ ты носи, не на главѣ корону!
Мы жаждемъ всѣ того отъ праздности стеня;
Ты не былъ въ ярости ужасенъ для меня;
Но нынѣ друга я Россіи познаваю,
Къ ногамъ твоимъ паду и слезы проливаю!
Довольно забывалъ ты самъ себя и насъ;
Насталъ теперь твоей и нашей славы часъ!

Къ восторгамъ радостнымъ подвигнутый Владѣтель,
Вдругъ видитъ съ небеси сходящу добродѣтель;
Какъ Ангелъ явльшійся Израилю въ ночи,
Имѣла вкругъ главы блистательны лучи,
Се вѣрный другъ тебѣ: Монарху говорила,
И взоръ Адашева сіяньемъ озарила.
Небесны видитъ Царь въ лицѣ его черты;
И возопилъ къ нему: будь мой сотрудникъ ты;
Мнѣ нуженъ разумъ твой, нужна твоя услуга.
Всѣхъ паче благъ Царю искати должно друга!
Вѣщай мнѣ истинну; ея намъ грозенъ видъ;
Но видъ сей отъ коронъ и троновъ гонитъ стыдъ;
Гони сей стыдъ, гони, и строгимъ мнѣ совѣтомъ
Яви стези итти премудрости за свѣтомъ!

Адашевъ постигалъ, коль скоро можетъ лесть
Монарха юнаго страстей во мракъ привесть;
Вѣщалъ: отъ нашихъ глазъ опасность да отгонимъ,
Себя отъ здѣшнихъ ст[illegible] [illegible]онимъ;

Небесной мудрости пріобрѣсти руно
Уединеніе научитъ насъ одно;
Премудрость гордости и лести убѣгаетъ,
Мірскую суету, корысть пренебрегаетъ;
Среди развратностей гражданскихъ не живетъ,
Въ пещерахъ и горахъ ее находитъ свѣтъ:
Гдѣ нѣтъ тщеславія, ни льсти, ни думъ смущенныхъ,
Пойдемъ ее искать въ обителяхъ священныхъ,
Откол̀ѣ чистый духъ взлетаетъ къ небесамъ;
О! Царь мой избери сію обитель самъ;
Потóмъ яви себя ко славѣ возвращенна,
Любовь къ отечеству еще не попущенна,
Вели собрать совѣтъ, на истинну воззри,
На гордость наступи и лесть ногой попри:
Увидишь славу ты парящу предъ тобою;
Мы ради кровь пролить, теперь готовы къ бою;
Господь, Россія вся и весь пространный свѣтъ
Ко славѣ Царь тебя отъ праздности зоветъ!
Есть мѣсто на земной поверхности почтенно,
Сподвижникомъ Святыхъ отшельцевъ обрѣтенно.
Угодники оттоль возшедъ на небеса,
Оставили свои святыя тѣлеса,
Которыя пріявъ усердное моленье,
Даруютъ миръ, покой, скорбящимъ изцѣленье;
Смиренный Сергій ту обитель основалъ,
Онъ въ малой хижинѣ великій трудъ скрывалъ;
Небеснымъ житіемъ сіи мѣста прославилъ,
И Богу тамъ олтарь Трилучному поставилъ;
Увидя стѣны вкругъ и храмовъ красоту,
Возможно городомъ почесть пустыню ту;
Въ обитель Божію сокровища внесенны
Являю[illegible]імъ возженны;

Тамъ

Тамъ брегъ потокомъ водъ цѣлѣбныхъ утучненъ,
Который Сергіемъ изъ камня извлеченъ;
Развѣсисты древа пригорокъ осѣняютъ, (1)
На зданье красное вершины преклоняютъ;
Сіе ко святости за тѣмъ пріобщено,
Что славы общія хранитъ залогъ оно;
Тамъ лики тѣхъ Князей стоятъ изображенны,
Которыми враги Россійски пораженны;
Тамъ виденъ Святославъ сѣдящій на земли,
Ядущій хлѣбъ сухой и въ потѣ и въ пыли;
Онъ зрится будто бы простый межъ ратныхъ воинъ;
Но древнимъ предпочтенъ Атридамъ быть достоинъ.
Владимиръ мечь и пальмъ носящь изображенъ,
Стоитъ трофеями и свѣтомъ окруженъ,
У ногъ его лежитъ поверженна химера;
Со славой согласясь его вѣнчаетъ вѣра.
Тамъ лавры Ярославъ имѣетъ на главѣ;
Донской блистаетъ здѣсь, тамъ Невскій на Невѣ;
Тамъ ликъ Великаго представленъ Іоанна,
Цесарской перваго короною вѣнчанна;
Побѣды, торжества, блистаніе вѣнца,
Къ дѣламъ великимъ огнь внушаютъ во сердца;
За тѣмъ въ сіи мѣста ко славѣ предъизбранна,
Адашевъ убѣдилъ склониться Іоанна.

Еще не кончившу теченья солнцу дни,
Достигли мирнаго убѣжища они;
Сопутницей своей имѣя добродѣтель,
Какъ будто небо зрѣлъ въ обители Владѣтель;
Во славѣ зрится Богъ присутствующій тамъ!
Съ священнымъ ужасомъ вступилъ въ священный храмъ;

Онъ

(1) Нынѣ сіе мѣсто большою Живоначальныя Троицы церковію застроено.

Онъ вѣдалъ, что душа на небо вознесенна,
Отъ тѣла своего врачебна и нетлѣнна,
Творила многія и нынѣ чудеса,
И то сказать могла, что кроютъ небеса;
Приходитъ къ Сергію, мольбы ему приноситъ,
Небесной помощи противъ Казани проситъ,
Вѣщая: Мужъ Святый! ты Дмитрію помогъ
Татарскія Луны сломити дерзскій рогъ,
И мнѣ ты помоги стремясь противъ Казани,
Россію оправдать во предлежащей брани:
Мое отечество, о! Сергій, и твое
Возноситъ предъ тебя моленіе сіе!
Скорѣе молніи молитва къ небу всходитъ,
Въ умильность Ангеловъ, геенну въ страхъ приводитъ;
Мольбы его какъ громъ повсюду раздались,
Проснулася Москва, Ордынцы потряслись.
Въ сію достойную вниманія годину
Измѣривалъ Творецъ двухъ царствъ земныхъ судьбину;
Россійскій до небесъ возвысился вѣнецъ;
Ордынской гордости является конецъ;
Но побѣдительнымъ народамъ и державѣ
Препятства предлежать къ гремящей будутъ славѣ;
Разсѣется Орда, изчезнетъ ихъ престолъ;
Но Россамъ напередъ устроитъ много золъ.
Се храмъ небесными одѣлся красотами,
Угодникъ пастыря отвѣтствовалъ устами,
Который въ оный часъ исполненъ божества
Вѣщалъ: во таинства проникнувъ естества,
О! Царь сплетаются тебѣ вѣнцы лавровы;
Я вижу новый тронъ, короны вижу новы!
Но царства покорить и славу обрѣсти,
Ты долженъ многія злощастья пренести!

Гря

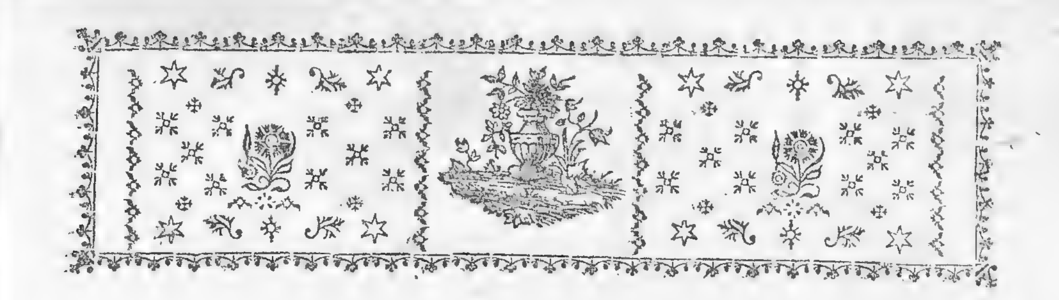
Гряди, и буди твердъ. . . . Слова произнеслися,
И гласомъ пѣсненнымъ по сводамъ раздалися.
Въ душѣ своей Монархъ спокойство ощутилъ,
И шествїе свое ко граду обратилъ;
Адашевъ къ славѣ огнь въ Царѣ усугубляетъ,
Написанныхъ Князей въ предхрамїи являетъ;
Се Рюрикъ предокъ твой: вѣщаетъ онъ Царю;
Трояиску отрасль въ немъ и Августову зрю,
Онъ силы подкрѣпивъ колеблемой державы,
Потомкамъ начерталъ безсмертной образъ славы;
Се Ольга мудрая казняща Искорестъ,
Лучи вокругъ главы, въ рукахъ имѣетъ крестъ;
Коль свято царствуетъ полночною страною;
Жена прославилась правленьемъ и войною!
Се праотцы твои: взгляни на нихъ, взгляни;
Ты видишь славу ихъ! колѣна преклони.
Здѣсь кисть ученїе твое изобразуетъ;
И дѣда Царскаго Адашевъ указуетъ,
Который внутрь и внѣ спокоилъ царствѣ раздоръ;
Но кажется къ Царю суровый мещетъ взоръ,
И внука праздностью минувшей укоряетъ.
Краснѣя Іоаннъ на ликъ его взираетъ,
Токъ слезный отъ стыда изъ глазъ его течетъ:
Начнемъ, начнемъ войну, Адашеву речетъ!
И се парящая въ кругахъ эѳирныхъ слава
Гласитъ: ликуй теперь Россїйская держава!
Возставить твой покой, твой Царь въ Москву грядетъ,
Престольный градъ его съ гремящимъ плескомъ ждетъ;
Всевышнїй на него склонилъ свою зѣницу,
И Царь торжественно вступалъ въ свою столицу;
Окресности ея незапно процвѣли,
Во срѣтенье ему казалось рощи шли;

Суровостью времянъ веселость умерщвленна
Въ долинахъ и лѣсахъ явилась оживленна;
Какъ будтобы струи прешедый чермныхъ водъ,
Явился на холмахъ ликующій народъ;
Подъемлетъ высоко Москва верьхи златыя,
И храмы пѣніемъ наполнились святыя;
Любовью видитъ Царь возженныя сердца;
Зритъ въ подданныхъ дѣтей, они въ Царѣ отца;
На лицахъ радости, въ очахъ увеселенье,
И духомъ сладкое вкушаетъ умиленье.
Казалось новое онъ царство пріобрѣлъ!
Избранной думѣ быть въ чертоги повелѣлъ; (2)
Донынѣ стольный градъ стенящій, утружденный
Явился будтобы осады свобожденный.

ПѢСНЬ

2) Избранная дума имяновалась въ то время вышнее правительство что нынѣ Сенатъ.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

О! вы щастливыя грядущихъ лѣтъ пѣвцы,
Завидны ваши мнѣ Парнасскія вѣнцы:
Вы ихъ получите воспѣвъ ЕКАТЕРИНУ;
Мнѣ Музы не сію уставили судбину;
Велятъ ко времянамъ минувшимъ прелетѣть,
Дивиться въ мысляхъ Ей; а Іоанна пѣть!
Но древнія дѣла имѣя предъ очами,
Ея премудрости одушевлюсь лучами.
Отгнавый роскоши Монархъ развратныхъ чадъ,
Коварства сѣть поправъ, отрынувъ лести ядъ,
И праздность на одрѣ оставивый лежащу,
И маковы цвѣты и гроздіе держащу;
Отвергнувъ отъ очей уныній темноту,
Что истинны святой скрывали красоту,
Изъ грознаго Царя, какъ агнецъ, ставъ не злобенъ,
Былъ солнцу Іоаннъ восточному подобенъ,
Которое когда свое лице явитъ,
Сіяніемъ лучей вселенну оживитъ.
Льстецы, что слабости Монарши умножали,
Какъ темны облака домъ Царскій окружали;
Подобно солнечный вселенной нужный зракъ,
Сгущенныхъ тучь отъ глазъ скрываетъ часто мракъ,
Когда поверхность ихъ лучами озлащенна,
Отъ грома ихъ земля бываетъ устрашенна;

Но нынѣ смутныя забавы разогнавъ,
Великость царскаго достоинства познавъ,
И возвративъ себя народу и коронѣ;
Явился Iоаннъ, какъ дневный свѣтъ на тронѣ;
Сердца воззрѣнiемъ безмрачнымъ возхищалъ,
Простерши руки къ нимъ боярамъ такъ вѣщалъ:
О! вы, которые державу мнѣ вручили, (1)
И царствовать меня во младости учили;
Мнѣ мнится, моего правленiя заря
Не кажетъ вамъ во мнѣ достойнаго Царя;
Мечтается въ умѣ моихъ мнѣ предковъ слава,
Я вижу храбраго младаго Святослава,
Онъ зрится въ полѣ мнѣ между шумящихъ стрѣлъ,
Парящiй въ слѣдъ врагамъ Россiйскимъ какъ орелъ!
Ревнуетъ духъ во мнѣ Владимиру святому;
Завидую изъ рукъ его летящу грому,
Который онъ на Тавръ, на Халкидонъ металъ,
И солнцемъ наконецъ своей державы сталъ,
Отдавъ покой и миръ врагамъ своимъ недавнымъ,
Россiю просвѣтилъ закономъ православнымъ.
Является очамъ Великiй Мономахъ,
Который наводилъ на Цареградцовъ страхъ,
И гордость обуздавъ Монарховъ ихъ надменныхъ,
Къ ногамъ своимъ Царей увидѣлъ преклоненныхъ;
Смиряяся Комнинъ въ знакъ мира наконецъ,
Ему приноситъ въ даръ порфиру и вѣнецъ;
Я сей вѣнецъ ношу, державу ту имѣю;
Но предковъ по стопамъ стремиться не умѣю.
Недавно возгремѣлъ побѣдами мой дѣдъ,
Отечество свое отъ лютыхъ спасшiй бѣдъ,

Рос-

(1) Содержанiе сей рѣчи почерпнуто изъ подлинной говоренной Царемъ I. В. при тогдашнемъ случаѣ.

Россія вознесла главу при немъ высоко,
Потупилось враговъ ненасытимо око;
Потомокъ я и сынъ Монарховъ таковыхъ;
Имѣя ту же власть, нейду слѣдами ихъ.
Злодѣями со всѣхъ сторонъ мы угнѣтенны,
И столько презрѣны, сколь были мы почтенны.
На что народамъ Царь? Вельможи имъ на что,
Когда спасати ихъ не думаетъ никто?
Предавъ отечество на жертву звѣрска глада,
Мы спимъ какъ пастыри безпечныя у стада;
Не Крымъ, и не Казань губители его,
Мы первыя враги народа своего:
Лежитъ Россійская здѣсь храбрость умерщвленна,
И есть ли въ свѣтѣ мы, забыла вся вселенна.
Мы надъ главою мечь, подъ нами бездну зримъ,
Мы гибнемъ! но спасать Россіи не хотимъ.
Казань, которая Россію не навидитъ,
Ужѐ со трепетомъ Свіяжски стѣны видитъ:
Тамъ другъ отечества, тамъ вѣрный Царь Алей
Разсѣянныхъ Татаръ погналъ во градъ съ полей;
Въ единое гнѣздо злодѣи наши скрылись,
Широкія пути намъ къ славѣ отворились;
Не наши выгоды хощу вамъ описать,
Хощу совѣта, какъ отечество спасать?
Отважиться ли намъ съ Ордами къ трудной брани,
Иль въ страхѣ погребстись и имъ готовить дани?
Я стражъ отечества; а вы его сыны,
И должны ваши быть совѣты мнѣ даны.
Такое Іоаннъ представилъ искушенье
Избранной думѣ всей на твердое рѣшенье;
Но каждый взоръ изъ нихъ другъ на друга кидалъ,
И младшій старшаго къ совѣту ожидалъ.

Тогда отвѣтъ простеръ сѣдиной умащенный,
Носящь чинъ Ангельскій, и санъ первосвященный,
Небеснымъ житіемъ почтенный Даніилъ:
О! Царь ты кровь во мнѣ замерзлу вспламенилъ,
И бѣдство общее толь живо мнѣ представилъ,
Что не любить въ сей разъ враговъ меня заставилъ;
Но правила мои и санъ претитъ мой мнѣ,
Другова поощрять и мыслить о войнѣ.
Когда бы дѣйствіе слова мои имѣли,
Нигдѣбъ оружія во свѣтѣ не гремѣли;
Однако есть враги, и бранямъ должно быть,
Ихъ можно дозволять; но брани грѣхъ любить;
Не кровію алкать Монарха устремляю;
Но церковь защищать тебя благословляю.
Казалось съ небеси тѣ слышались слова,
И преклонилася вѣнчанная глава:
Сіяли радости въ очахъ у Іоанна;
Но слышенъ тихій гласъ боярина избранна,
Который свѣтлымъ былъ разсудкомъ озаренъ,
Власами бѣлыми, какъ снѣгомъ покровенъ;
Кубенскій Князь что былъ столѣтія достигшій,
Заслуги многія отечеству чинившій,
Дрожащу руку онъ прижавъ ко персямъ рекъ:
Сѣдины на главѣ мой древній кажутъ вѣкъ;
И щастіе ужè не льститъ мнѣ ни какое,
Я только жизнь мою хочу скончать въ покоѣ;
Не сродника во мнѣ почти о! Государь;
Но старцовыхъ рѣчей послушай юный Царь:
Не пологаяся на память усыпленну,
Смотри на грудь мою во бранях изъязвленну,
Докажетъ подвиги мои тебѣ она,
И сколько мнѣ должна извѣстна быть война;

Подъ

ПодЪ тѣнью тишины цвѣтетЪ держава краше;
МирЪ сладкій, не война вѣнчаетЪ щастье наше.
ВЪ любви кЪ отечеству я самЪ и твердЪ и гордЪ,
Но слабы нынѣ мы противу сильныхЪ ОрдЪ;
Димитрій предокЪ твой вЪ чувствительномЪ уронѣ,
Мамая сокрушилЪ, и сЪ воинствомЪ при Донѣ;
Но долго ли покой вЪ Россіи процвѣталЪ?
Свирѣпый ТахтамышЪ, какЪ бурный вихрь, возсталЪ,
И вЪ сердце нашего отечества вломился,
Россійской кровію полночный край омылся;
Судьбы державы всей на щастье не взлагай,
Людей о! Государь, не грады сберегай:
Для славы воевать слаба сія причина;
А царство безЪ гражданЪ пустыня лишь едина.
Спокоить смутный духЪ, моимЪ словамЪ внемли:
Коль любишь царствовать обширностью земли,
Твои границы ДнепрЪ великій орошаетЪ;
Россія Волжскія струи еще вкушаетЪ;
ТамЪ бурный ВолховЪ зришь, тамЪ кроткую Оку;
Ты Царь обширныхЪ странЪ, я смѣло изреку;
Взведи сЪ престола ты твои повсюду очи,
Владѣтель цѣлыя найдешься полуночи;
НародЪ вЪ сравненіе обширности возми,
Мы бѣдны не землей; но бѣдны мы людьми.
СЪ кѣмЪ хочешь вЪ брань итти? Отцы у насЪ побиты,
Младенцы бѣдствуютЪ правленіемЪ забыты;
Старайся вЪ мужество ихЪ младость привести,
И юнымЪ симЪ птенцамЪ дай время возрасти;
Тогда со стадомЪ симЪ кЪ побѣдамЪ устремляйся.
ГотовымЪ кЪ бранямЪ будь; но алчнымЪ не являйся.
То слово сЪ жадностью Князь Ленскій подхватилЪ,
И взоры на себя всей думы обратилЪ.

Сей Князь, коварный Князь, правленью былъ ужасенъ;
Злокозненъ во враждѣ, и въ дружествѣ опасенъ.
И се во мрачности скрывая грозный взоръ,
Живуща хитрость тамъ, гдѣ Царскій свѣтлый дворъ,
Во облакѣ густомъ по храминѣ носилась,
Коснулась Ленскому, и въ мысль его вселилась;
Разсыпавъ вкругъ его невидимую мглу,
Простерлась по его нахмуренну челу;
Во нравахъ былъ всегда онъ сходенъ мрачной ночи;
Возведши впалыя на Іоанна очи,
Онъ тако рекъ возставъ: блюди твой Царскій санъ,
Тебѣ для выгодъ онъ твоихъ и нашихъ данъ.
Тебѣ ли сѣтовать, тебѣ ли Царь крушиться,
И сладкой тишины для подданныхъ лишиться:
Ты Богъ нашъ! естьлибъ мы могли и низши стать,
То намъ ли на тебя отважиться роптать;
Притомъ на что Казань, на что война и грады?
Полна Россія вся довольства и отрады;
Блаженство во твоемъ владѣніи цвѣтетъ;
Любителямъ войны и цѣлый тѣсенъ свѣтъ!
Къ тому достойны ли любви народы оны,
Которы бунтовать дерзнутъ противъ короны,
Свидѣтелемъ тому нещастливы сей градъ,
Коль горько пострадалъ за вѣрность здѣсь мой братъ!
Умолкъ; и сладостью придворной обольщенны,
Враги отечества являлись возхищенны;
Ихъ очи Ленскаго одобрили совѣтъ,
Ни чей не страшенъ сталъ развратникамъ отвѣтъ;
На собственну корысть опять они взираютъ,
И пользу общую ногами попираютъ.
Но будто въ пеплѣ огнь скрывая въ сердцѣ гнѣвъ,
Князь Курбскій съ мѣста всталъ, какъ нѣкій ярый левъ;

Власы

Власы вздымалися, глаза его блистали,
И мнѣніе его безъ словъ въ лицѣ читали;
На Ленскаго онъ взоръ свирѣпый обратшивъ,
Вѣщалъ: ты знатенъ Князь; но ты не справедливъ;
Цвѣты, которыя разсыпаны тобою,
Ужасную змію скрываютъ подъ собою;
Ты въ сердцѣ кро́я гнѣвъ и мщеніемъ горя,
Отца у подданныхъ отъемлешь ихъ Царя.
Что Ленскій плаваетъ въ довольствѣ и покоѣ,
Россію щастіе не сохранитъ такое:
О Царь мой! властенъ ты мою пролити кровь;
Однако въ ней почти къ отечеству любовь;
Позволь мнѣ говорить: оставь богатству нѣги;
Вели ты намъ прейти пески, и зной, и снѣги;
Мы ради съ молніей и съ громомъ воевать,
Имѣніе и женъ готовы забывать,
Готовы защищать отечество любезно;
Не хитрость намъ теперь, оружіе полезно.
Орды ужасны намъ, ужасны будемъ имъ,
Ужасны, естьли въ насъ мы робость побѣдимъ:
Отмстимъ за прадѣдовъ, за сродниковъ нещастныхъ,
За насъ самихъ отмстимъ Ордамъ до днесь подвластныхъ;
Лишь только повели, за Днепръ, и за Казань,
Въ сердцахъ мы понесемъ войну, тревогу, брань;
Но естьли робостью себя мы обезславимъ,
И нашихъ силъ противъ Ордынскихъ не поставимъ,
Пойду отсѣль на край вселенной обитать;
Любви къ отечеству мнѣ нечѣмъ здѣсь питать:
Подавлена она и ограждена лестью;
Чины пріобрѣтать хощу единой честью,
Служить отечеству трудами и мечемъ;
О правдѣ я пекусь, а больше ни о чемъ.

Какъ море вѣтрами отвсюду возмущенно,
Не вдругъ при тишинѣ бываетъ укрощенно,
Таковъ и Курбскій былъ; вѣщати онъ престалъ;
Но стонъ произносилъ, и весь онъ трепеталъ.
Въ то время Іоаннъ веселыми очами,
Являлъ, что Курбскаго доволенъ былъ рѣчами:
Пріятный Царскій взоръ читая за отвѣтъ,
Придворныя и сей одобрили совѣтъ.
Испорченный давно отмѣннымъ почитаньемъ,
Поправивъ мечь рукой, Князь Ленскій всталъ съ роптаньемъ.
Но тутъ присудствуя, что кроткая весна,
Адашевъ ихъ разторгъ, какъ облаки луна;
И рекъ: какой намъ стыдъ! врагамъ какая слава!
Отъ нашихъ неустройствъ трепещетъ вся держава:
Рыдаетъ день и ночь какъ сирая вдова,
Не внятны намъ ея ни слезы, ни слова.
Мужайся Царь, ступай тебѣ отверстымъ слѣдомъ
Къ спасенью общему, отцемъ твоимъ и дѣдомъ;
И терны оныя пожни твоей рукой,
Которыя доднесь смущаютъ нашъ покой;
А вы! правленія оставшія подпоры,
Вельможи! прежнія забудте днесь раздоры.
Се! намъ отечество стеная предстоитъ;
Оно друзьями намъ въ совѣтахъ быть велитъ,
Оно рыдаючи сынамъ своимъ вѣщаетъ:
Тотъ врагъ мой, за мои кто слезы не отмщаетъ;
Взгляните, говоритъ, на горы, на поля,
Тамъ кровью Россіянъ увлажена земля;
Тамъ ваши сродники и дѣти избіенны,
Выходятъ изъ гробовъ на васъ ожесточенны!
Отмстите вы за насъ, отмстите вопіютъ!
Не мстимъ, и нашу кровь доднесь враги піютъ:

Вель-

Вельможи! какЪ свою державу успокоимЪ,
Единодушія коль вЪ насЪ мы не устроимЪ?
ПрезрѣнНа зависть насЪ снѣдаетЪ и дѣлитЪ;
А честь о сиротахЪ стараться намЪ велитЪ.
СоединимЪ сердца, раздоры позабудемЪ,
Тогда почтенными людьми мы прямо будемЪ;
НасЪ Царь отечества кЪ спасенію зоветЪ,
О други! труденЪ ли на сей вопросЪ отвѣтЪ?
Тогда небесный духЪ во свѣтлой ризѣ зримый,
Явился вкругЪ всего собранія носимый;
Спокойство сладкое на лица проливалЪ,
ЖарЪ бодрости вЪ сердцахЪ боярскихЪ оживалЪ,
И рѣчь сію уста Хилкова возтрубили:
О братія! онЪ рекЪ, иль бѣдство вы забыли,
Которо здѣсь лилось, какЪ токи бурныхЪ водЪ?
Князья за скипетры, за нихЪ страдалЪ народЪ,
И буря бранная вЪ отечествѣ шумѣла,
Она надЪ предками близЪ трехЪ вѣковЪ гремѣла;
ВЪ сіи позорныя Россіи времяна,
Погасли Княжески природны имяна;
Чужія кЪ намЪ пришли обычаи и нравы,
И скрылися слѣды пріобрѣтенной славы;
ИлЬ грозныхЪ дней опять дождаться мы хотимЪ,
Что мы гнѣздилища враговЪ не истребимЪ?
Россіяне! изЪ сей, изЪ гордой сей Казани,
ГрозянтЪ набѣги намЪ, гоненія и брани;
Когда отечество погибло не совсѣмЪ,
Слѣпому щастію обязаны мы тѣмЪ;
Но естьли гидры сей глава не сокрушится,
Россія вольности со времянемЪ лишится;
Вельможи! презритЪ насЪ унывшихЪ цѣлый свѣтЪ;
ПотомкамЪ плачущимЪ мы должны дать отвѣтЪ;

Но царству кто изъ насъ не хощетъ обороны,
Тотъ врагъ отечества, врагъ вѣры, врагъ короны,
И долженъ общее презрѣніе нести.
Князь Ленскій не умѣлъ терпѣнья соблюсти;
Садился, возставалъ, въ лицѣ перемѣнялся,
И немощь возмечтавъ изъ думы уклонялся.
Но Царь глаза свои возведши къ небесамъ,
Вѣщалъ: клянусь и я итти на Орды самъ.
Онъ вѣдалъ мягкое вельможей многихъ свойство,
И любящихъ одно роскошное спокойство,
Въ которо праздностью своею ихъ вовлекъ;
Къ терпѣнью и трудамъ привлечь ихъ, тако рекъ:
Вы Россы узрите меня примѣръ дающа,
Вкушающаго хлѣбъ и въ нуждѣ воду пьюща;
Я твердость понесу одну противъ враговъ;
Мнѣ будетъ одръ земля, и небо мой покровъ;
Труды для подданныхъ мнѣ будутъ услажденьемъ;
Начну я собственнымъ побѣды побѣжденьемъ;
Коль роскошь узрите когда въ шатрѣ моемъ,
То въ нѣгахъ утопать позволю войскамъ всѣмъ;
И требую отъ васъ; когда вы мнѣ послушны,
Являйтесь въ подвигахъ со мной единодушны,
Устройте къ общему спасенію умы,
Да Россы будучи и братья будемъ мы.
Слова сіи сердецъ уже не премѣнили;
Но пущимъ жаромъ ихъ къ войнѣ воспламенили,
И шумъ внимаемъ былъ, согласныхъ будто лиръ;
Казалось не на брань готовятся на пиръ.
Но слово, кое Царь и въ таинствѣ вѣщаетъ,
Ни храмина въ себѣ, ни градъ не умѣщаетъ:
О тайныхъ узнавать пекущася дѣлахъ,
Нескромность, Царску мысль выноситъ на крылахъ;

Сія позорна страсть принявъ густое тѣло,
По Царскимъ комнатамъ, по стогнамъ ходитъ смѣло,
Касается она Царицынымъ ушамъ,
Вѣщая: Іоаннъ идетъ къ Казани самъ.
Князь Ленскій правдою сраженъ еще лукавилъ,
Въ ужасныхъ видахъ Ей походъ Царевъ представилъ;
Какъ буря тихій день, въ ней сердце возмущалъ,
И смерть Монаршую супругѣ предвѣщалъ.
Когда спокоенъ Царь и радостенъ являлся,
Единою совѣтъ душею оживлялся;
Отважность ихъ была сходна водѣ рѣчной,
Текущей по ея стремленью съ быстриной.
Вдругъ видятъ плачущу Царицу къ нимъ входящу,
Младенца своего въ объятіяхъ держащу;
Казалося, отъ глазъ ея скрывался свѣтъ,
Или сама печаль въ лицѣ ея грядетъ;
Тоски она несла въ чертахъ изображенны,
И длани хладныя ко персямъ приложенны.
Толь смутной иногда является луна,
Когда туманами объемлется она,
Съ печальной томностью лице къ землѣ склоняетъ,
И видъ блистательный на блѣдный премѣняетъ.
Пришла, и на Царя взглянувъ, взрыдала вдругъ,
Скрѣпилась и рекла; ты ѣдешь мой супругъ!
Ты жизнь твою цѣной великою не ставишь;
Но вспомни, что меня страдающу оставишь;
Когда не тронешься любовію моей,
Ужель не умягчитъ тебя младенецъ сей?
У ногъ твоихъ лежитъ онъ съ матерью нещастной
Ужè лишенной чувствъ, ужè теперь безгласной:
Смотри, онъ силится въ слезахъ къ тебѣ воззрѣть,
Онъ хочетъ вымолвить: не дай мнѣ умереть;

Читай въ очахъ его невинны разговоры;
О чемъ языкъ молчитъ, о томъ раскажутъ взоры,
Вѣщаетъ онъ: спаси меня отъ сиротства,
И мать нещастную отъ слезнаго вдовства,
О Царь мой! о супругъ! имѣй ты жалость съ нами,
Не отдѣлись отъ насъ обширными странами,
Военнымъ бѣдствіямъ не подвергай себя;
Иль храбрыхъ въ царствѣ нѣтъ вельможей у тебя?
На что отваживать тебѣ не принужденно,
Для Россовъ здравіе твое неоцѣненно:
Храни его для всѣхъ, для сына, для меня!
Останься! Я молю тебя о томъ стеня.
Когда же лютый сей предѣлъ уже положенъ,
И въ брань итти отказъ Монарху не возможенъ,
Такъ пусть единою мы правимся судьбой;
И сына и меня возми мой Царь съ тобой;
Съ тобою будетъ трудъ спокойства мнѣ дороже;
Я камни и пески почту за брачно ложе,
Возми съ собою насъ! Какъ кедръ съ различныхъ странъ,
Колеблемъ вѣтрами былъ движимъ Іоаннъ;
Но въ мысляхъ пребылъ твердъ . . . Царю во умиленье
Представилось у всѣхъ на лицахъ сожалѣнье:
Слезъ токи у бояръ рѣками потекли,
Останься Государь; Царю они рекли!

Усердьемъ тронутый, и нѣжными слезами,
Заплаканными самъ взиралъ къ нимъ Царь глазами;
Супругу вѣрную поднявъ облобызалъ,
Вельможамъ наконецъ такой отвѣтъ сказалъ:
На что мнѣ быть Царемъ, коль трудъ за бремя ставить,
И царствомъ самому отъ праздности не править?
Чужими на поляхъ руками воевать,
И разумомъ чужимъ законы подавать;

Коль

Коль титломъ мнѣ однимъ Монарха веселиться,
То власть моя со всѣмъ народомъ раздѣлится;
Я стану имянемъ единымъ обладать,
Потомъ отъ подданныхъ законовъ ожидать;
Какъ плѣнникъ буду я прикованный ко трону,
Вожди другимъ вручивъ къ стыду носить корону.
На чтожъ и царствовать? Возлюбленна моя,
О ты, котору чту не меньше жизни я!
Къ тебѣ я узами сердечными привязанъ;
Но прежде былъ еще отечеству обязанъ,
И только сталъ во свѣтъ наслѣдникомъ рожденъ;
По званію сему ужь былъ предубѣжденъ,
Въ народномъ щастіи мое блаженство числитъ,
И собственность забывъ, о благѣ общемъ мыслить;
Душевны слабости, и нѣги отметать,
Во подданныхъ друзей и ближнихъ почитать,
Вотъ должность Царская . . . О вѣрная супруга!
Мой первый есть законъ отечеству услуга;
Не избавляй меня отъ бремяни сего,
Которо свято есть для сердца моего;
Когда, любя тебя, мой долгъ я позабуду,
Супругъ и Царь тогда достойный я не буду.
Скончавшу таковы Монарху словеса,
Казалось, новый свѣтъ являли небеса;
Царица лишь одна объемлющая сына,
Какъ солнце зрѣлася въ затмѣніи едина.
Когда отъ слезъ Монархъ Царицу ублажалъ,
Свіяжскій вдругъ гонецъ въ собраніе вбѣжалъ;
Печали на челѣ и видъ имѣлъ смущенный,
И такъ отвѣтствовалъ Монархомъ вопрошенный:
Измѣна Государь, измѣна въ царствѣ есть!
Безбожный Царь Алей забывъ законъ и честь,

Сте-

Стезями тайными отъ насъ въ ночи сокрылся;
Съ Царицей Сумбекой въ Казанѣ затворился;
Я присланъ въ скорости отъ искреннихъ бояръ,
Сей новый возвѣстить отечеству ударъ.
Имѣя Іоаннъ своимъ Алея другомъ,
Казался быть раженъ унынія недугомъ,
И рекъ прерывистыхъ произношеньемъ словъ;
Се! нынѣшнихъ друзья испорченныхъ вѣковъ;
Несытая корысть ихъ узы разрушаетъ,
И прелесть женская горячность потушаетъ!
Но злобу узримъ мы у нашихъ падшу ногъ;
Намъ храбрость будетъ вождь, подпора наша Богъ!
Велите возвѣстить слова мои народу,
И двигнемъ силы всѣ къ поспѣшному походу.
Коломна цѣлію да будетъ всѣмъ странамъ,
Куда со воинствомъ собраться должно намъ;
Оттолѣ потечемъ устроясь къ важной брани,
Подъ сѣнію Орла Россійскаго къ Казани:
Хоть весь на насъ востокъ вооруженный зримъ;
Но съ вами въ брань идущь я есмь непобѣдимъ!
Царица нѣжная отъ трона удалилась,
И въ сердцѣ у нее надежда поселилась.
Едва услышанъ былъ во градѣ трубный гласъ,
Духъ брáни по сердцамъ простерся въ оный часъ;
И храбрость на стѣнахъ вздремавшая проснулась
На щитъ, на копіе, на мечь свой оглянулась:
Я вижу въ прахѣ васъ орудіямъ рекла,
И пыль съ себя стряхнувъ по граду потекла.
Гдѣ праздность томная недавно обитала,
Тамъ грозная война въ лицѣ являться стала;
Ужè орудія звучатъ вокругъ знаменъ;
Отмщенье вырваться готовится изъ стѣнъ;

Брон

Брони его звенятъ; прямыя Царски други
Съ охотой жизнь несутъ отечеству въ услуги;
Въ заботѣ радостной ликуютъ домы ихъ;
Нахмуренна печаль въ слезахъ сидитъ у злыхъ.
О время! обрати теченіе природы,
И живо мнѣ представь изчезнувшія годы.
Се вѣчность возмутивъ священну тишину,
Являетъ ратниковъ грядущихъ на войну!
Держащій булаву и щитъ златый руками,
Князь Пронскій зрится мнѣ предъ конными полками,
Густыми перьями покрытъ его шеломъ,
И мнится, издаютъ его доспѣхи громъ.
Сей полкъ отмѣннаго мнѣ зрится превосходства,
Онъ ликъ почтеннаго являетъ благородства;
Изъ юношей сія дружина состоитъ,
Которыхъ родъ во всей Россіи знаменитъ.
Блестящій мечь нося, Князь Палецкій выходитъ;
Съ пищалями стрѣльцовъ и съ копьями выводитъ,
Вдали являются они какъ лѣсъ густой,
И молніи родятъ оружій чистотой;
Великое они покрыли ратью поле;
Но сильны не числомъ, а храбростію болѣ.
Остановляется вниманіе и взоръ,
Я вижу пламенныхъ Опричниковъ соборъ: (1)
Се войска цѣлаго подпора и надежда,
Сіяетъ, яко огнь, златая ихъ одежда!
Какъ въ храмѣ божіемъ является олтарь,
Такъ зрится мнѣ почтенъ въ срединѣ оныхъ Царь;
На шлемѣ зрю его, орла изображенна;
Царя боярами я вижу окруженна,

(1) Опричниками назывались лутчія воины составляющія гвардію Царскую.

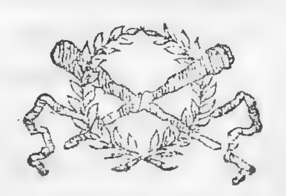
Гдѣ онъ присудствуетъ, и слава зрится тутъ;
Седмь юношей вокругъ оружія несутъ:
Иной идетъ съ копьемъ, иной съ большимъ колчаномъ, (1)
Съ великимъ сайдакомъ, съ мечемъ, съ щитомъ, съ тимпа-
Пернаты видятся чеканы вкругъ его. (номъ;
Въ Монархѣ Бога я представилъ самого,
Когда онъ грозныя съ небесъ низводитъ взгляды,
Имѣя вкругъ себя перуны, вихри, грады:
Гремяще Божество мнѣ Царь изобразилъ;
Рукою малый жезлъ, какъ скипетръ онъ носилъ,
Біющій тѣмъ жезломъ по громкому тимпану,
Вниманья умножалъ въ герояхъ къ Царску сану;
За нимъ избранныя полки съ мечами шли:
Возстала пыль; но свѣтъ отъ нихъ сіялъ въ пыли.
Украшенъ сѣдиной, въ служеніи священномъ
Мнѣ зрится Даніилъ на мѣстѣ возвышенномъ;
Грядуще воинство изъ градскихъ вратъ чредой,
При пѣніи кропитъ врачебною водой.
Мой слухъ стенанія съ веселымъ шумомъ внемлетъ:
Братъ брата, сынъ отца въ послѣдній разъ объемлетъ!
Тамъ ратникъ зрится мнѣ покрытый сѣдиной,
Трудами изнуренъ, болѣзнями, войной,
Съ почтенной ревностью на воинство взираетъ,
И руки томныя на небо простираетъ,
Открылася его израненная грудь,
О Боже! онъ вскричалъ: благослови ихъ путь,
Твой домъ идутъ спасать! изъ храминъ зря со стономъ;
Но въ духѣ подкрѣпленъ святымъ своимъ закономъ,
Родитель сына зря подъ шлемомъ вопіетъ:
Я можетъ быть съ тобой въ послѣдній зрю на свѣтъ;
Но

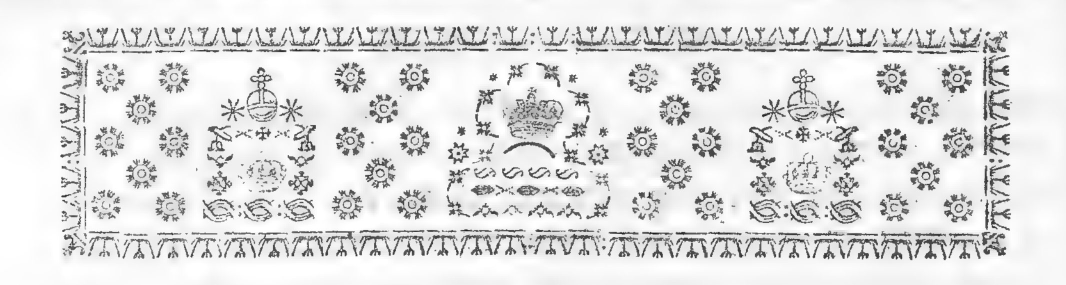
---

(1) Сіи вооруженія во время похода обыкновенно въ кругъ Царя носимы были его Рындами; Рынды были придворныя дворяне.

Но естьли жизнь свою ты въ полѣ и оставишь,
Коль многихъ ты сыновъ отъ пагубы избавишь!
Небесный обрѣти или земный вѣнецъ;
А естьли я умру, то Царь тебѣ отецъ.
Тамъ смотрятъ матери на чадъ во умиленьѣ;
Но всѣ умолкли вдругъ: зрю новое явленье!
Простерши взоръ къ Царю чертоговъ съ высоты,
Царица нѣжная въ слезахъ предстала ты!
Какъ будто бы къ себѣ Царя обратно проситъ,
Младенца своего на раменахъ возноситъ;
Растрепанны власы, взоръ томный, блѣдный видъ,
Поколебалъ Царя! ... Но стонъ въ груди былъ скрытъ;
Слезъ капли отеревъ, взглянулъ на мечь, на войски,
И чувства на лицѣ изобразилъ геройски.
Еще мнѣ видится съ небесъ простерта длань
Вѣнчающа полки грядущія на брань.

Но пусть къ Ордамъ несетъ Россійскій Марсъ перуны;
Хощу перемѣнить на звучной лирѣ струны;
Доколь кровавыхъ мы не зримъ еще полей,
Речемъ, что дѣлаютъ Сумбека и Алей.
О Музы! лиру мнѣ военну перестройте,
И нѣжности любви при звукахъ бранныхъ пойте;
Дабы за вами въ слѣдъ быстряе духъ парилъ,
Внушите пламень вашъ, прибавьте мыслямъ крилъ;
Еще отдалены побѣдоносны брани,
Вѣщайте трепетъ, страхъ, и хитрости Казани!

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

Уже противники Казанскія измѣны,
Восходятъ до небесъ Свіяжски горды стѣны;
Сумбекѣ городъ сей былъ тучей громовой
Висящей надъ ея престоломъ и главой,
И Волга зря его свои помчала вóлны,
Россійской славою, Татарскимъ страхомъ полны;
Ужасну вѣсть Ордамъ о градѣ разнесла;
Въ Казанѣ смутная опасность возрасла;
Надежда отъ сердецъ унылыхъ удалилась,
И матерь безпокойствъ въ нихъ робость поселилась,
У дня отъемлетъ свѣтъ, спокойство у ночей,
Имъ страшно солнечныхъ сіяніе лучей;
При ясномъ небѣ имъ надъ градомъ слышны громы;
Въ дыму и въ пламени являются ихъ домы;
Обвитый въ черную одежду тамо страхъ,
Казанцамъ видится на стогнахъ и стѣнахъ;
Кровавый мечь въ рукѣ онъ зрится имъ носящимъ,
Луну дрожащу ссѣчь съ ихъ капищей хотящимъ;
Имъ часто слышится въ полночный тихій часъ,
Поющихъ Христіянъ благочестивый гласъ;
Священный зрится крестъ, рушитель ихъ покою,
Начертанъ въ воздухѣ невидимой рукою.
Народамъ такъ грозитъ вселенныя творецъ,
Когда державѣ ихъ готовитъ онъ конецъ;

Какъ будто жители Енопскія Додоны,
Отъ коихъ древнія родились Мирмидоны,
Разсѣянна Орда, послышавъ грозну брань,
Стезями разными подвиглася въ Казань;
Уже обильныя луга опустошили,
Которыхъ Россіянъ ихъ праотцы лишили;
Подъ сѣнь Казанскую народы притекли,
Которы святости кумировъ предпочли;
Отъ бурныя Суры, отъ Камы быстротечной,
Семейства движутся Орды безчеловѣчной,
Поля оставили и Волжскій токъ рѣки,
Языческихъ боговъ носящи Остяки;
Ихъ нѣкій тайный страхъ подъ градски стѣны гонитъ,
Увидя ихъ Казань главу на перси клонитъ;
Бойницы множитъ вкругъ, огромность стѣнъ крѣпитъ;
Но ими окруженъ народъ не сладко спитъ:
Онъ слышитъ стукъ мечей и трубны въ полѣ звуки,
Возноситъ къ небесамъ трепещущія руки;
Но Богъ развратныя сердца познавый въ нихъ,
Ликъ свѣтлый отвратилъ, отрынувъ прозьбы ихъ,
И мраки въ воздухѣ ихъ вопли препинали,
Упала тма на градъ, тамъ стѣны возстенали.
Казалось небеса паденіемъ грозятъ,
Казанцы томну грудь въ отчаяньѣ разятъ;
Но гордость тяжкому стенанію не внемлетъ,
Изъ моря общихъ золъ главу свою подъемлетъ,
И попирающа ногой своей народъ,
Съ его унынія пожати хощетъ плодъ:
Вѣщаютъ рѣки брань, поля ее вѣщаютъ;
Но духа гордости грозой не возмущаютъ.
Въ то время фурія паляща смертныхъ кровь,
Рожденна отъ земли, развратная любовь,

Которая крушитъ и мучитъ человѣковъ;
Слывуща нѣкогда Кипридою у Грековъ,
Не та, которая вселенной въ юныхъ дняхъ,
Отъ пѣны сребряной рожденна во волнахъ;
Сія вещей союзъ во свѣтѣ составляетъ;
Другая въ мірѣ все разитъ и отравляетъ.
Такою былъ Иракдъ къ Омфалѣ распаленъ,
Такой Пелеевъ сынъ подъ Троей ослѣпленъ;
На Ниловыхъ брегахъ была такая зрима,
Когда вздыхалъ на нихъ преобразитель Рима;
Въ очахъ ея покой, въ душѣ ея война,
И только вздохами питается она;
Тоской, мученьями и плачемъ веселится,
И слабыхъ ищетъ душъ, желая въ нихъ вселиться.
Пришедша посѣтить восточную страну,
На тронѣ зритъ она прекрасную жену,
Ея стенанія, ея желанья внемлетъ,
И пламенникъ она и крылія пріемлетъ;
Сумбекѣ предстоитъ, раждая огнь въ крови;
Вѣщая: тягостны короны безъ любви;
Противна безъ нее блестящая порфира,
И скучны безъ любви блаженствы здѣшня міра;
Дай мѣсто въ сердцѣ мнѣ, будь жрицею моей,
И не страшись войны, коварствъ, ни мятежей;
Мечтами нѣжными Сумбеку услаждаетъ,
И чувствовать себя Царицу убѣждаетъ;
Она какъ плѣнница за ней дерзаетъ въ слѣдъ,
И очи затворивъ идетъ въ пучину бѣдъ.
Сумбекѣ на яву, Сумбекѣ въ сновиденьѣ,
Столицы и вѣнца является паденье,
Ей вопли слышатся, ей тѣни предстоятъ:
Лишишься царства ты, стенящія гласятъ!

Подъ

Подъ ней трепещетъ тронъ, и нѣкій духъ незримый
Отъ юности ея на Камѣ ею чтимый,
Сей духъ Перуновымъ разрушенный огнемъ,
Сумбекѣ видится и нощію и днемъ;
Онъ перси молніей являетъ опаленны,
Кровавое чело и члены раздробленны;
Жестокая любовь колико ты сильна!
Ни страха, ни угрозъ не чувствуетъ она;
Сумбека собственну напасть пренебрегаетъ;
Не къ браннымъ помысламъ; къ любовнымъ прибѣгаетъ!
Къ сему орудію коварствующихъ женъ;
О! кто не знаетъ ихъ, тотъ подлинно блаженъ!
Сія являлася Ордынцами владѣя,
Киприда красотой, а хитростью Цирцея,
Для выгодъ собственныхъ любила Царскій санъ;
Смущали душу въ ней, не брани, Князь Османъ, (1)
Прекрасный юноша, но льстивый и коварный;
Любовью тающій, въ любви неблагодарный;
Османъ Таврискій Князь былъ нравами таковъ,
Какъ лютая змія, лежаща межъ цвѣтовъ,
Приближиться къ себѣ прохожихъ допущаетъ,
Но жало устремивъ, свирѣпость насыщаетъ;
Сумбекѣ агнца онъ въ лицѣ своемъ явилъ,
И сердце страстью въ ней безмѣрной уязвилъ:
Царица пламенной любовію возженна,
Жестокимъ Княземъ симъ была пренебреженна,
Познала, что уже обманута она;
Не вѣренъ ей Османъ, она ему вѣрна;
Емира взоръ его и сердце отвратила,
Котору яко дщерь Сумбека возрастила.

Часы

---

(1) Подлинное его имя Уланъ Кащакъ.

Часы отсутствія, въ свиданьѣ мрачный взглядъ,
Во грудь Царицыну вливали смертный ядъ;
Утѣхи, коими доднесь она питалась,
Изъ сердца вонъ ушли, надежда въ немъ осталась;
Надежда! слабый другъ нещастливыхъ людей,
Единъ совѣтъ даетъ наперстницѣ своей.
Когда умножилась народныхъ скорбей сила,
И робость вкругъ нее спокойство погасила;
Когда Казань власы въ отчаяньѣ рвала,
Она въ чертогъ къ себѣ Сеита призвала.
Сей старецъ первымъ былъ начальникомъ закона;
Хотѣла удалить сего она отъ трона;
Ему противенъ былъ и страшенъ Князь Османъ;
Адъ былъ въ душѣ его, въ устахъ кипѣлъ обманъ,
На кровь невинную гортань его зіяла,
Сему вступившему Сумбека вопіяла:
Мы гибнемъ всѣ теперь! се близокъ грозный день,
Который вѣчную сулитъ Казани тѣнь;
Прибѣгнуть надлежитъ боговъ ужасныхъ къ храму:
Иди, почтенный мужъ, иди теперь на Каму,
Богатства въ даръ богамъ, и жертвы понеси,
Живущихъ тамъ духовъ отвѣта изпроси;
На насъ ли громъ они, или на Россовъ клонятъ,
Вручатъ ли имъ Казань, иль насъ отсель изгонятъ?
Когда цвѣтущія вела я тамо дни,
Отвѣты ясныя давали мнѣ они,
Противу Христіянъ питающей злодѣйство,
Мнѣ страшное они открыли чародѣйство.
Могла я приказать свѣтиламъ течь назадъ;
Но царствуя Ордой оставила днесь адъ,
Внушенія духовъ притомъ не забывала:
Я кровь Россійскую рѣками проливала.

За

За жертвы таковы награды я хощу;
Народу, сыну я спасенія ищу;
И естьли помнишь ты и любишь Сафгирея,
Спѣши, вниманіе къ его вдовѣ имѣя,
Спѣши для царства ты, для вѣры, для себя,
Коль сила есть въ богахъ послушаютъ тебя.
Сеитъ съ молчаніемъ отъ трона удалился,
И многи дни въ степяхъ походъ его продлился;
Сумбека преуспѣвъ Сеита отдалить,
Намѣрилась престолъ съ Османомъ раздѣлить.
Но Богъ намѣренья людскія разрушаетъ,
И гордость какъ тростникъ дхновеньемъ сокрушаетъ;
Зритъ наши онъ сердца съ небесной высоты,
Людскія помыслы развѣетъ какъ мечты.
Увидя жителей отчаянныхъ Казани,
Взносящихъ къ небесамъ трепещущія длани;
Престольный видя градъ, какъ громомъ пораженъ;
Внимающа дѣвицъ рыданіе и женъ,
Сумбека собственну тревогу въ сердцѣ скрыла,
Народъ созвавъ, лице и голосъ претворила.
О! мужи храбрыя! она вѣщаетъ имъ:
Отъ коихъ трепеталъ и Греція и Римъ,
Которы имянемъ Чингиса и Аттилы,
Прославили свои божественныя силы,
Которыхъ мужествомъ исполненъ цѣлый свѣтъ;
Вы, коихъ Скиѳами вселенная зоветъ;
Скажите мнѣ, сеголь колѣна вы потомки,
Которы славою у всѣхъ народовъ громки?
Гдѣ нынѣ время то, какъ ваши праотцы,
Давали Княжески по выбору вѣнцы?
Какъ полночь робкая въ Казань простерши длани,
Намъ вѣрностью клялась, и приносила дани;

До-

Довольно было намъ подати знакъ рукой,
Чтобъ градамъ ихъ пылать и ихъ смущать покой,
Возжечь въ народѣ семъ войну междоусобну,
Родства оковы рвать, и зависть сѣять злобну.
Еще на тѣхъ горахъ стоитъ нашъ твердый градъ,
На коихъ страшенъ былъ его Россіи взглядъ;
Еще ты волжская струя не уменшилась,
А прежней лѣпоты Казань уже лишилась;
Мы очи ль возведемъ на сѣверъ съ нашихъ горъ,
Тамъ нашей власти намъ уже не кажетъ взоръ;
Но что я говорю о даняхъ и о славѣ?
Законы ихъ Цари даютъ моей державѣ!
И щастье учинивъ упрямый оборотъ,
Порабощаетъ ихъ престолу мой народъ;
Свіяжскъ раждается, о страшныя премѣны!
Уже къ намъ движутся Россійски съ громомъ стѣны;
Но кто сіи враги, которы намъ грозятъ,
Которы ужасомъ сердца у васъ разятъ?
То наши данники, то робкія народы,
Которыхъ славы мы лишали и свободы;
О! ежели сіи враги ужасны вамъ,
Возмите посохи, ступайте ко стадамъ,
Не шлемами главы, украсьте ихъ вѣнцами,
Женоподобными гордитесь вы сердцами,
И въ роскошахъ уснувъ на гордыхъ сихъ брегахъ;
Гдѣ прежде обиталъ духъ бодрости и страхъ;
Забудьте предковъ вы, отечество забудьте,
Или проснитеся и паки Скиѳы будьте.
Надежды въ браняхъ вамъ когда не подаетъ,
Во мнѣ мой слабый полъ, сыновнихъ юность лѣтъ,
Что дѣлать? Я должна супруга вамъ представить,
Который бы умѣлъ Ордынскимъ войскомъ править.

На-

Народъ не бракъ имѣлъ во мнѣніяхъ тогда;
Отчаянье родитъ отважность иногда;
Ужѐ война была въ сердцахъ опредѣленна,
И храбрость въ оный часъ казалась оживленна.
Но вдругъ въ окружности, гдѣ собранъ былъ народъ,
Изшедый нѣкій мужъ является изъ водъ;
Предсталъ онъ весь покрытъ и тиной и травою,
Потоки мутныя отряхивалъ главою,
Очами грозными Казанцовъ возмущалъ;
Увы! Казань, увы! стеная онъ вѣщалъ;
Не жить Ордынцамъ здѣсь! смущенныя рѣчами
Казанцы бросились къ видѣнію съ мечами;
Но посланъ тартаромъ иль волею небесъ,
Сей мужъ невидимъ сталъ, и яко дымъ изчезъ.
Боязнь, которая ихъ чувства убивала,
То знаменіе имъ въ погибель толковала:
Пророчествомъ сіе явленіе почли;
До самыхъ облаковъ стенанья ихъ прошли;
Свое производя изъ дѣйства примѣчанье,
Во смутномъ весь народъ является молчаньѣ;
На лицахъ видится, на слезныхъ ихъ очахъ,
Тоска, отчаянье, уныніе и страхъ.
И се! является Казанскихъ золъ рачитель,
Сеитъ, закона ихъ начальникъ и учитель;
Какъ будто страшною мечтою пораженъ,
Или кровавыми мечами окруженъ,
Или встрѣчающій мракъ вѣчный адской ночи,
Имѣлъ онъ блѣдный видъ, недвижимыя очи,
Въ трепещущихъ устахъ языкъ его дрожалъ;
Какъ страшнымъ львомъ гонимъ въ собранье онъ бѣжалъ;
Пріобрѣтающи Вельможи раны къ ранамъ,
Являлись каменнымъ подобны истуканамъ.

Собравъ разстроенныхъ своихъ остатокъ силъ,
И руки вознося сей старецъ возгласилъ:
О! братія мои, и други! горе! горе!
Иль молніями насъ постигнетъ небо вскоре;
Или уста свои разторгнувъ страшный адъ,
Поглотитъ насъ самихъ и сей престольный градъ;
Сквозь мраки вѣчности судьбину вижу мстящу,
Огонь, войну и смерть на насъ послать хотящу;
Я слышу день и нощь, смутясь вѣщаетъ онъ,
Я слышу въ воздухѣ, подземный слышу стонъ!...
Ходилъ не давно я спокоить духъ смущенный,
На Камскія брега, во градъ опустошенный,
Опредѣленіе проникнути небесъ;
Тамъ агнца чернаго на жертву я принесъ,
И вопрошалъ духовъ во градѣ семъ живущихъ,
Въ сомнительныхъ дѣлахъ отвѣты подающихъ;
Заросъ въ пещеру путь къ нимъ терномъ и травой;
Отвѣта долго ждавъ, я вдругъ услышалъ вой,
Отчаянье и стонъ, во храмѣ нами чтимомъ;
И се покрылися чертоги чернымъ дымомъ,
Увидѣлъ я изъ нихъ летящую змію,
Какъ громъ вѣщающу, погибель мнѣ сію:
Напрасно чтутъ меня и славятъ человѣки,
И вы погибнете и я погибъ на вѣки;
Змій пламенной стрѣлой ко западу упалъ,
Внимающій сіе окамененъ я сталъ;
О! други, сиры ставъ въ опасностяхъ безмѣрныхъ,
Пойдемъ и призовемъ Срацинъ единовѣрныхъ;
Они на вопли женъ, на слезы притекутъ,
И нашу зыблему державу подопрутъ.
Вѣщая тѣ слова, онъ ризу раздираетъ,
Возкрикнувъ, тако Богъ насъ въ гнѣвѣ покараетъ!

Ко

Ко суевѣрію сей склонный человѣкъ,
Но хитрый въ вымыслахъ, Сумбекѣ тако рекъ:
Имѣя горьку мысль и душу возмущенну,
Когда приближился я къ лѣсу освященну,
Гдѣ солнца не видать, ни свѣтлыя зари,
Гдѣ наши древнія покоятся Цари;
Увидѣлъ предъ собой я блѣдну тѣнь дрожащу,
И мнѣ сіи слова съ стенаніемъ гласящу:
О! старче поспѣшай; Сумбекѣ объяви,
Да сладостной она противится любви.
Хощу, да изберетъ себѣ она въ супруга,
Престола Царскаго и пользы общей друга;
Тогда вашъ градъ пророкъ къ спокойству призоветъ!
Подобно какъ Борей въ пучинѣ заревет ъ,
У плавателей страхъ искусство ихъ отъемлетъ,
Разсудку здравому никто уже не внемлетъ;
Такъ стекшійся народъ мутился въ оный часъ,
Пронзаетъ облака смѣшенный нѣкій гласъ;
Но гордость при такихъ волненіяхъ не дремлетъ,
Притворство, дружбы видъ къ отечеству пріемлетъ;
Вельможи гордыя на тронъ Казанскій зрятъ,
Народъ склонить къ себѣ желаніемъ горятъ;
Казанскій Князь Сагрунъ (1) заслуги изчисляетъ,
Которыми права къ державѣ подкрѣпляетъ,
Чего намъ ждать? Онъ въ грудь біющій говоритъ;
Погибли мы! когда Москва насъ покоритъ;
Мы будемъ изъ своихъ жилищей извлеченны,
И горъ во внутренность на вѣки заключенны;
Отнимет ъ свѣтъ у насъ блестящій тотъ металъ,
Который у враговъ Казани богомъ сталъ;

 Нѣтъ

(1) Подлинное его имя Чапкунъ.

Нѣтъ мира намъ съ Москвой! коль градъ спасти хотите,
Другова иль меня владычествомъ почтите;
Сеитъ со Княземъ симъ единомышленъ былъ,
Въ немъ нравы онъ своимъ подобныя любилъ;
Тебѣ принадлежитъ: онъ рекъ, съ Сумбекой царство,
Ты знаешь какъ спасать отъ Россовъ государство;
Но злобу постраматъ, и гордость ихъ попрать,
Алея предлагалъ Гирей Царемъ избрать;
Ужѐ Алей, онъ рекъ, два раза нами правилъ,
Но видя нашу лесть Казанскій тронъ оставилъ;
Взовемъ къ нему еще, корону поднесемъ,
Чрезъ то Свіяжскъ падетъ, чрезъ то себя спасемъ.
Когда сомнѣніемъ Сумбека колебалась,
И сердцемъ къ нѣжностямъ любовнымъ преклонялась;
Является въ дали, какъ новый Евкеладъ,
Который будтобы возсталъ, пресиливъ адъ;
То Князь былъ Асталонъ; онъ шелъ горѣ подобенъ;
Сей витязь цѣлый полкъ единъ сломить удобенъ,
Отваженъ и свирѣпъ, сей врагъ Россіянъ былъ,
Во браняхъ, какъ тростникъ, суперниковъ рубилъ;
Пошелъ въ средину онъ покрытъ броней златою,
И палицей народъ раздвинувъ предъ собою,
Какъ гласомъ многихъ трубъ, вѣщалъ Казанцамъ онъ;
Се! въ помощь къ вамъ пришелъ, безстрашный Асталонъ:
Я слова украшать цвѣтами не умѣю;
Но храбрость лишь одну и силу я имѣю,
При сихъ словахъ съ земли онъ камень подхватилъ,
Который множествомъ поднять не можно силъ,
Одной рукой его поставилъ надъ главою;
Кто силой одаренъ, вѣщаетъ таковою?
Повергъ онъ камень сей отъ круга далеко,
И въ землю часть его уходитъ глубоко;

Вотъ

Какъ съ корнемъ древеса, верхи съ домовъ срывая,
Надъ градомъ туча вдругъ восходитъ громовая,
Когда свирѣпый Эвръ подняться ей претитъ,
Уставя грудь Борей на градъ ее стремитъ;
Подобно Асталонъ наводитъ угроженье,
Наполнивъ ужасомъ въ Казанцахъ вображенье;
Къ паденью чаютъ зрѣть склоняющійся градъ,
Коль въ бракъ не вступитъ онъ пришедъ въ Казань назадъ.
Сумбека истребить народно огорченье,
Пріемлетъ не себя о бракѣ попеченье;
Вы знаете она Казанцамъ говоритъ:
Что сердца моего боязнь не покоритъ,
Угрозамъ гордаго пришельца я не внемлю;
Коль нужно, возмущу и небо я и землю;
Мнѣ сила полная надъ тартаромъ дана,
Не устрашитъ меня съ Россіею война:
О! естьли адъ меня Казанцы не обманетъ,
Земля дрожать начнетъ, и громъ предъ нами грянетъ;
За слезы я мои, за ваши отомщу,
Спокойтесь, вамъ Царя достойнаго сыщу.
Мѣшающій раздоръ спокойствію златому,
И вихрю въ оный часъ подобенъ ставъ крутому,
Въ различны мнѣнія Казанцовъ повергалъ;
Одно намѣренье другимъ превозмогалъ.
Но въ тайныхъ помыслахъ, какъ въ тмѣ нощной со-
Сумбека весь народъ послала предъ Сеита; (крыта,
Моля, да будетъ онъ покровомъ въ бѣдствахъ имъ,
Отправили его съ прошеньемъ рабскимъ въ Крымъ.
Царица между тѣмъ въ зелѣну рощу входитъ;
На миртовы древа печальный взоръ возводитъ,
Цитериныхъ она встрѣчая тамо птицъ,
Лобзающихся зритъ на вѣтвяхъ голубицъ;

Тамъ нѣжныхъ горлицъ зритъ во вѣки неразлучныхъ,
Взаимнымъ пламенемъ любви благополучныхъ;
Румяностью зарѣ подобныя цвѣты,
Какъ сѣти соплелись тамъ розовы кусты;
Все тамо нѣжится, вздыхаетъ, таетъ, любитъ;
Тоску Сумбекину то зрѣлище сугубитъ;
Казалось межъ древесъ играя съ мракомъ свѣтъ,
Ко сладкимъ чувствіямъ входящаго зоветъ;
Но будто рокъ ее Сумбекѣ возвѣстили,
Смутились виды всѣ, которы взорамъ льстили;
Вздыхаетъ и здержать она не можетъ слезъ;
И се! увидѣла Османа межъ древесъ;
Имѣлъ въ рукахъ своихъ онъ сладкогласну лиру,
И тихимъ голосомъ произносилъ Емиру;
Любовной пѣсни слогъ, и нѣжной лиры звонъ,
Извлекъ у страждущей Сумбеки тяжкій стонъ;
Пронзая вѣтьви стонъ листы привелъ въ движенье,
И сладкое смутилъ въ Османѣ воображенье;
Сумбеку нѣжности къ невѣрному влекли,
Но видитъ грозный взоръ, и смутный зракъ вдали,
Который предвѣщалъ Царицѣ участь слезну;
Ужѐ изъ града скрылъ Османъ свою любезну;
Еще въ не знающей погибели такой,
Надеждой подкрѣпленъ Сумбекинъ былъ покой;
Она въ очахъ его любви искавъ, вѣщаетъ:
Сумбека нѣжная вины твои прощаетъ,
Забвенью предаю потоки слезъ моихъ,
Которыя лились отъ строгостей твоихъ;
Пускай надеждою пустою обольщенны,
Мной будутъ всѣ Цари Ордынскія прельщенны;
Единаго тебя съ горячностью любя,
И сердце и престолъ храню я для тебя;

Тогда, къ подѣйствію надъ тартаромъ потребны,
Произнесла она еще слова волшебны:
Змію въ котлѣ варитъ, Кавказскій корень третъ;
Дрожащею рукой волшебный жезлъ беретъ,
И пламеннымъ главу убрусомъ обвиваетъ;
Луну съ небесъ, духовъ изъ ада призываетъ;
Но адскій Князь отъ ней сокрылъ печальный зракъ,
И видитъ Сумбека единый только мракъ;
Волшебною рукой черты изображенны,
Теряютъ силу ихъ, или пренебреженны:
Молчащій адъ предъ ней самой наноситъ страхъ;
Тоска въ ее душѣ, отчаянье въ очахъ,
Безмѣрна трусть ее, и гнѣвъ ее безмѣренъ;
Вскричала: мрачный адъ, и ты мнѣ сталъ не вѣренъ!
Или ты злобы Царь, безчувственъ сталъ, и нѣмъ?
Нѣтъ! Тартаръ не изчезъ, онъ въ сердцѣ весь моемъ!
Я мщенья моего безъ дѣйства не оставлю;
Въ любви безславна ставъ, я зломъ себя прославлю!
Медея такова казалася страшна,
Когда Язону мстить стремилася она.
Но око Божіе на полнощь обращенно,
И мракомъ чернаго искусства возмущенно,
На сей велѣло разъ гееннѣ замолчать,
Ко дверямъ приложивъ ужасную печать;
Священный крестъ сія печать изображала;
Стѣсняемая имъ геенна задрожала;
Блистаніемъ своимъ небесный оный знакъ,
Въ подземной пропасти сугубитъ вѣчный мракъ,
И козни бѣдственныхъ замкнулись чарованій;
Не видно ихъ торжествъ, не видно пированій,
Въ срединѣ тартара свободы лишены,
Въ оковахъ пламенныхъ лежатъ заключены.

Такъ басни о сынахъ Еоловыхъ толкуютъ,
Которы въ сердцѣ горъ заключены бунтуютъ;
Тамъ слышенъ шумъ отъ нихъ, боренїе и стонъ,
Колебля гору всю, не могутъ выйти вонъ;
Спокойство потерявъ сѣдящая на тронѣ,
Сумбека страждущей подобилась Дидонѣ,
Лежаща на одрѣ потоки слезъ лїетъ,
Увы! почто любовь мнѣ льстила, вопїетъ!

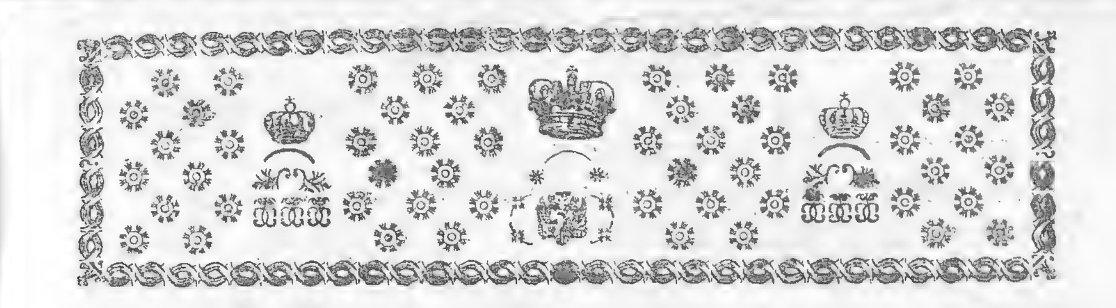
Познавъ, что адъ молчитъ, что ей любовь не внемлетъ,
Сумбека питїе волшебное прїемлетъ,
И хощетъ прекратить тоску въ единый разъ;
Но нѣкій внутренній священный внемлетъ гласъ:
Оставь, вѣщаетъ онъ, оставь печаль и злобу,
Иди нещастная къ супружескому гробу;
Услышишъ отъ него спасительный отвѣтъ;
Иди и упреждай приходомъ дневный свѣтъ.

Богъ чуднымъ промысломъ спасаетъ человѣка!
Движенью тайному покорствуетъ Сумбека;
Тоска отъемлется, родится твердость въ ней;
Исполнить хощетъ то, что духъ вѣщаетъ ей;
На время страстная ея закрылась рана,
Коль вѣрить льзя тому, забыла и Османа.

Когда покровы ночь раскинетъ надъ землей,
И пахари воловъ погонятъ съ ихъ полей,
Умыслила она неколебима страхомъ,
Итти бесѣдовать въ лѣса съ супружнымъ прахомъ!

ПѢСНЬ

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Въ тѣняхъ Казанскихъ горъ стоитъ дремучїй лѣсъ,
Въ немъ рѣдко видимо сїянїе небесъ;
На вѣтвяхъ вѣчныя лежатъ густыя мраки,
Прохожимъ дивныя являющи призраки;
Тамъ кажется простеръ покровы томный сонъ;
Трепещущи листы даютъ печальный стонъ;
Зефиры нѣжныя среди весны не вѣютъ;
Тамъ вянутъ вкругъ цвѣты, кустарники желтѣютъ;
Когда усыплитъ нощь звѣздами небеса,
Тамъ кажутся въ огнѣ ходящи древеса;
Изъ мрачныхъ нѣдръ земныхъ исходитъ бурный пламень;
Тамъ камни падаютъ, бїющеся о камень;
Не молкнетъ шумъ и стукъ, тамъ вѣчно страхъ не спитъ,
И молнїя древа колеблетъ, зжетъ, разитъ;
Пылаетъ гордый дубъ, и тополы маститы;
Повсюду слышатся взыванїя и свисты;
Источникъ со холма кремнистаго течетъ,
И шумомъ ужасу пустынѣ придаетъ;
Непостижимый страхъ входящаго встрѣчаетъ;
Лѣсъ воетъ; адъ ему стѣнаньемъ отвѣчаетъ.
Вѣщаютъ, что духовъ въ печально царство то
Безъ казни отъ небесъ не смѣлъ вступать никто;
Издревле для прохладъ природою основанъ,
Но послѣ оный лѣсъ волхвами очарованъ.

Сре-

Среди дубравы сей пространно мѣсто есть,
На коемъ ложное почтеніе и лесть,
Надъ тлѣнной жертвою сіи земной утробы,
Возставили Царямъ Казанскимъ горды гробы;
Которыхъ грозная не отдала война,
Тѣхъ память и безъ нихъ гробницей почтена.
О коль такая честь тщетна для человѣка!
Въ сей лѣсъ печальная должна итти Сумбека;
Не можетъ удержать сію Царицу страхъ;
Ей нуженъ въ крайности супружнинъ тлѣнъ и прахъ;
Отчаянна въ любви, надеждѣ слабой внемлетъ,
И путь назначенный Царица предпріемлетъ.
Ужъ первый утра часъ на звѣзды наступалъ,
Авроринъ блѣдный путь цвѣтами усыпалъ;
Сумбека не страшась ни нощи, ни злодѣя,
Надежду въ сердцѣ взявъ, и страстію владѣя,
Судьбу свою отдавъ на произволъ небесъ,
Отважна и бодра вступаетъ въ мрачный лѣсъ;
Рабыни вѣрныя за нею въ слѣдъ текущи,
Уныніе и страхъ въ сердцахъ своихъ несущи,
Вступить во мрачный лѣсъ съ Сумбекой не могли;
Трепещущи кругомъ на холмахъ возлегли.
Волшебство нѣкое или прекрасны взоры,
Віющихся зміевъ въ подземны гонятъ норы;
Сумбекинъ будто бы почувствуя приходъ,
Умолкъ звѣриный ревъ и шумъ кипящихъ водъ;
Мечтанія отъ ней и страхи удалились,
Казалось древеса предъ нею разступились;
И вихри пламенны престали въ вѣтви дуть;
Все кроется отъ ней, и все даетъ ей путь.
Уже въ печальную она долину входитъ,
На гробы Царскія смущенный взоръ возводитъ;

Уны-

Унылость у гробницъ потокомъ слезъ лїясь,
Сѣдяща зрится тамъ на нихъ облокотясь;
Тоска свою главу на блѣдны перси клонитъ,
И въ томномъ шествїи повсеминутно стонитъ;
Раскаянїе грудь свою разяще тамъ,
Терзающе власы является очамъ;
Тамъ пышность на себя съ отчаяньемъ взираетъ,
И мнится каждый часъ съ Царями умираетъ;
Къ упадшей гордости свирѣпый змїй ползетъ,
И внутренну ея терзаетъ и грызетъ;
Тамъ рвется узами окованна кичливость;
Подъ камнями лежитъ стеня несправедливость;
Всечасно видимы тамъ всѣ пороки тѣ,
Которыя Цари творили въ животѣ:
Неправедна война, забвенье вѣрной службы,
Презрѣнье къ сиротамъ, и нарушенье дружбы;
Тамъ горесть мучитъ ихъ, тоска, и зной, и хладъ.
Во образѣ такомъ изображаютъ адъ,
Въ который мстящими включенны небесами,
Порочныя Цари мученье терпятъ сами.
Печальный твой покровъ, о! Муза опусти,
Гробницы Царскїя и жизнь ихъ возвѣсти.
Тамъ виденъ черный гробъ свирѣпаго Батыя,
Которымъ вольности лишилася Россїя.
Онъ полночь съ пламенемъ, и западъ пробѣгалъ,
Рѣками кровь точилъ, и грады пожигалъ,
Богемїю держалъ, и Польшу подъ пятою;
Сей варваръ былъ почтенъ, какъ Богъ Ордой златою.
Москва, лишенная цвѣтущей красоты,
Преобратилась въ прахъ его рукою ты!
Подъ пепломъ зрѣлися твои прекрасны домы;
Дѣвицы были въ плѣнъ изъ стѣнъ твоихъ влекомы;

Позорной смертїю кончали старцы вѣкъ;
По улицамъ ручей невинной крови текъ;
Дать сердцу твоему послѣдния удары,
Оставилъ твой злодѣй тебѣ одни пожары.
Какъ бурный вихрь, прешедъ Россїю всю Батый,
Коснулся и тебѣ, о! Кїевъ, градъ святый.
Господни храмы тамъ сокровищей лишились,
Надолго красныя мѣста опустошились;
Гдѣ крестъ пророчески Андреемъ водруженъ,
Тамъ видъ, плачевный видъ, развалинъ положенъ;
И вмѣсто пѣнїя отшельцовъ сладкогласныхъ,
Сталъ вѣтровъ слышенъ шумъ, и ревъ звѣрей ужасныхъ.
Сїи нещастїя, напасти и бѣды,
Бунтующихъ Князей родились отъ вражды,
Когда за скипетры другъ съ другомъ воевали,
И хищною рукой вѣнцы они срывали.
О! Муза, какъ сїи напасти возглашу?
Я токи слезъ лїю, когда о нихъ пишу.
Сынъ шелъ противъ отца, отецъ противу сына;
Считалась честїю пронырливость едина;
Не уважаючи въ Россїи общихъ золъ,
Стремился похищать у брата братъ престолъ.
Россїя сверженна съ высокїя степени,
И раздробленна вся упала на колѣни;
Въ ней жало зависти кровавый тронъ вертѣлъ.
Батый на зыблему Россїю налетѣлъ;
Такъ юныхъ двухъ тельцовъ, гдѣ гладный волкъ встрѣчаетъ,
За паству бьющихся, ихъ въ пищу получаетъ.
Толикихъ золъ Батый причиной Россамъ былъ;
Онъ кровью ихъ Князей престолы ихъ омылъ.
Но чтожъ осталося по сей причинѣ страха?
Единый мрачный гробъ, и горсть изтлѣвша праха;

Кто

Кто прежде гордостью касался небесамъ,
Того остатки, вихрь разноситъ по лѣсамъ;
Льстецы прибѣжища ко праху не имѣютъ;
Лишь спятъ на немъ змiи, и только вѣтры вѣютъ.
О! вы, которымъ весь пространный тѣсенъ свѣтъ,
Которыхъ слава въ брань неправедну зоветъ,
На прахъ, на тлѣнный прахъ, Батыевъ вы взглянште,
И гордости тщету съ своею соравните.
Не кровью купленный прославитъ васъ вѣнецъ;
Но славитъ васъ любовь подвластныхъ вамъ сердецъ.
Изъ твердыхъ камней тамъ составленна гробница,
Подъ нею погребенъ несытый кровопiйца,
Сартакъ, Батыевъ сынъ. Онъ слѣдуя отцу,
Коснулся Суздальскихъ владѣтелей вѣнцу,
И робость сѣя въ нихъ, противу общихъ правилъ,
Своихъ начальниковъ по всей Россiи ставилъ.
Тамъ въ тлѣнномъ гробѣ спитъ Баркай Батыевъ братъ,
Чинившiй горести Россiи многократъ.
Онъ чувствуя въ войнѣ свое изнеможенье,
Россiянъ принуждалъ себѣ на вспоможенье:
Но днесь на небесахъ носящь вѣнецъ златый,
Отважный Александръ, Князь храбрый и святый,
До самой крайности ихъ власть не допуская,
Татаръ не защищать склонить умѣлъ Баркая.
Тамъ врановъ слышенъ крикъ, производящiй страхъ,
Крылами вѣющихъ Менгу-Темировъ прахъ;
Отмщается ему сiя по смерти рана,
Которой онъ пресѣкъ дни храбраго Романа.
Цари! мученья вамъ сулятся таковы,
Подъ видомъ дружества, коль вредъ чините вы.
Тамъ видится Узбекъ лишенный вѣчно свѣта;
Онъ первый принялъ тму, и басни Магомета;

Россію угнѣталъ сей Князь во весь свой вѣкъ,
И имянемъ своимъ Ордынскій родъ нарекъ.
Тамъ дремлетъ блѣдный страхъ, на гробѣ возлегая,
Россійскаго врага, невѣрнаго Нагая,
Который въ родственный съ Князьями вшедъ союзъ,
Признати не хотѣлъ за святость оныхъ узъ,
Мечемъ и пламенемъ опустошалъ Болгары;
Днесь терпитъ въ адѣ самъ подобныя удары.
Тамъ виденъ изъ земли твой черепъ Занибекъ;
О! ты свирѣпый Царь, и вредный человѣкъ,
Который гордаго принудилъ Симеона,
Искать Россійскаго твоей рукою трона.
Сей братіевъ родныхъ для царства погубя,
Усилилъ страшну власть въ Россіи, и себя;
Простерши въ сердце къ ней грабительныя длани,
На храмы Божіи взложилъ позорны дани:
Но Богъ отъ горнихъ мѣстъ возведши смутный взоръ,
Въ отмщеніе послалъ на Орды гладъ и моръ,
И смерти Ангелъ ихъ гонящь мечемъ суровымъ,
Разсыпалъ по брегамъ при-Донскимъ и Днепровымъ; . . .
Являются главы и плѣнны кости тамъ;
Мнѣ тѣни предстоятъ стенящія очамъ.
Я вижу межъ древесъ ходящаго Хидира,
Который кроется по смерти отъ Темира.
Темиръ, свирѣпый мечь простеръ въ полночный край;
Но съ трона свергъ его безвремянно Мамай.
Сей Князь какъ будтобы изъ нѣдръ изшедый земныхъ,
Въ Россію прилетѣлъ со тучей войскъ наемныхъ;
Къ нему склонилися, вражды не утая,
Противъ Димитрія Россійскія Князья;
Обширныя поля ихъ войски покрывали,
И рѣки цѣлыя въ походѣ выпивали.

Такую

Такую Перскій Царь громаду войскъ имѣлъ,
Когда съ угрозами на древнихъ Грековъ шелъ;
Но лавры жнутъ побѣдъ не многими полками,
Сбираютъ въ брани ихъ геройскими руками.
Являетъ намъ примѣръ отважности такой,
Ко славѣ нашихъ странъ, Димитрій Князь Донской;
Съ Непрядвой онъ смѣшалъ Татарской крови рѣки.
Мамай ушелъ въ Кафу и тамъ погибъ на вѣки:
Однако ожививъ вражда Ордынскій прахъ,
Кидала съ пламенемъ въ предѣлы наши страхъ;
Хотя Казань не разъ поверженна лежала,
Но вновь главу поднявъ, злодѣйства умножала;
Томилися отъ ихъ Россіяне Царей;
Ей много золъ нанесъ послѣдній Сафгирей.
Являлась гордая надъ симъ Царемъ гробница;
Едва приближилась къ ней томная Царица,
Какъ будто въ оный часъ супруга лишена,
На хладномъ марморѣ поверглася она.
Всѣ чувства у нее, казалось, разрушались;
Власы разбилися, и съ прахами смѣшались;
Разитъ себя во грудь, горчайши слёзы льетъ,
Дражайшій мой супругъ! Сумбека вопіетъ;
Какой мы лютою разлучены судьбою!
Но ахъ! Достойналь я стенать передъ тобою?
Я та, которая тебя забыть могла,
Въ чьемъ сердцѣ новый огнь любовна страсть зажгла.
Увы! я тѣмъ себя и больше обвиняю,
Что твой цѣлуя прахъ, я плачу и стенаю;
Достойно ли моимъ слезамъ мѣшаться съ нимъ,
И быть услышаннымъ стенаніямъ моимъ?
Потоки слезъ моихъ изъ тѣхъ очей катились,
Которы къ прелестямъ другова обратились;

И стонъ, позорный стонъ, изъ сердца извлеченъ,
Которымъ сталъ иной любезнымъ нареченъ;
Уста вѣщающи тебѣ свои печали,
Не давно прелести другова величали.
Но бѣдная твоя и сирая жена,
Намѣстникомъ твоей любви отомщена;
Конечно онъ мою невѣрность ясно видитъ,
Во образѣ моемъ порокъ мой ненавидитъ.
О! естьли можешь ты прейти изъ тмы во свѣтъ:
Востань мой Царь! востань! подати мнѣ совѣтъ;
Твоею смертїю отъ брака свобожденна,
Входить въ другой союзъ я зрюся принужденна;
Отъ подданныхъ моихъ къ неволѣ я влекусь.
Но съ кѣмъ я брачными цѣпями сопрягусь?
Одни противъ себя не видя обороны,
Къ вѣнцу меня влекутъ *для* царства и короны;
Съ кѣмъ сердце я дѣлю, любви не вижу въ томъ;
Любви того бѣгу, зажгла я сердце въ комъ.
Кому пожертвую себя, мой тронъ, и сына?
Мой Царь! въ твоихъ рукахъ Сумбекина судьбина;
Скажи, что дѣлать мнѣ? . . . Но ты во гробѣ спишь!
О! тѣнь, любезна тѣнь, ты слезъ моихъ не зришь.
Дабы спокойствїе нещастная имѣла,
Мнѣ тѣнь твоя прийти къ гробницѣ повелѣла,
И нѣкїй тайный гласъ привлекъ въ мѣста сїи;
Внемли стенанїя и жалобы мои.
При сихъ словахъ она объемлетъ гробъ руками,
И слезы горькїя лїетъ надъ нимъ рѣками;
Тревожа въ сихъ мѣстахъ Царей усопшихъ сонъ,
Сумбекинъ слышался между гробами стонъ;
Отъ гласа плачущей и рвущейся Царицы,
Поколебалися и прахи, и гробницы,

По-

Покрыты мхомъ сѣдымъ, и терномъ многи дни,
Сходящи съ мѣстъ своихъ являлися они.
Завылъ ужасный вихрь, земля кругомъ дрожала;
Сумбека внемля то, безчувственна лежала,
Казалося, ее незапно чувствъ лиша,
Ушла изъ ней во гробъ смущенная душа,
И тлѣнность жизненнымъ дхновеньемъ оживилась.
Дверь гроба отворивъ, тѣнь Царская явилась;
Какъ нѣкій дымъ густый подъемлется она,
И паки воздухомъ отвсюду стѣснена,
Одежду прежнюю, и прежній видъ пріемлетъ;
Все ясно окрестъ зритъ, всему спокойно внемлетъ.
Тогда отъ ужаса почти лишенной силъ,
Къ Царицѣ голосъ онъ стенящій возносилъ:
Но тщетно движитъ онъ уста и отверзаетъ,
Сплетаемая рѣчь въ гортани изчезаетъ.
Се провидѣніе на крыліяхъ паритъ,
Поверьхъ его главы небесный огнь горитъ;
Тончаетъ мракъ предъ нимъ кругомъ лежащей ночи;
Повсюду у него отверсты видны очи.
Нѣтъ въ вѣчности отъ нихъ сокрытаго часа;
Какъ хартія ему отверзты небеса;
И тако предлежатъ, какъ чистое зерцало,
Мірскихъ вещей конецъ, средина и начало.
Едва понятное такое божество,
Тѣнь Царску облекло во прежне существо;
И только мысль его лучами озарило,
На будущія дни глаза ему открыло;
Черезъ прошедшее давало разумѣть,
Коль горько, не познавъ блаженства, умереть.
О! Муза пѣть хощу дѣла необычайны,
И нѣкія открыть натуры скромной тайны;

Во-

Восторгомъ пламеннымъ наполнился мой духъ,
Да внемлетъ пѣсни сей имущїй внятный слухъ.
Не постигая самъ толь важныя премѣны,
Встаетъ изъ гроба Царь, и хладны движитъ члены;
Но больше Ангела явленнаго не зритъ;
Къ Сумбекѣ приступивъ стенящїй говоритъ:
Растоpгнуты мои съ тобою смертью узы,
По смерти бракъ забвенъ, забвенны всѣ союзы.
Почто, нещастная тревожишь тѣнь мою?
Мнѣ тяжко то, что я изъ гроба возстаю;
Но дамъ тебѣ совѣтъ, о сынѣ сожалѣя:
О! естьли изберешь супругомъ ты Алея,
Горяща вѣрною любовїю къ тебѣ:
Симъ бракомъ угодишь народу и судьбѣ;
Не будетъ слышанъ громъ Россїйской грозной брани,
Доколѣ Царь Алей не выдетъ изъ Казани;
Люби его, люби! Но что я говорю?
Я нѣкую мечту, иль точну збытность зрю!
При сихъ словахъ смутясь, тѣнь Царская трепещетъ,
На мрачны небеса печальны взоры мещетъ,
И паки въ темный гробъ стремится убѣжать;
Но хощетъ тѣнь сїю видѣнье удержать;
Увы! мнѣ кажется, что ты чрезъ духъ и воду
Вѣщаетъ Сумбекѣ, премѣнишь вдругъ природу;
Тебѣ отверзутся и съ сыномъ небеса;
Вы новы узрите во свѣтѣ чудеса;
Обѣихъ вижу васъ отверзтыми очами,
Какъ свѣтлой ризою одѣянныхъ лучами;
Но какъ исполнится? что значитъ все сїе?
Безсильно то постичь понятїе мое!
Вѣщалъ; и будто бы души во заблужденьѣ,
Вторично предъ собой онъ видитъ провидѣнье,

Кото-

Которо смутну тѣнь желая наказать,
Ей будущія дни хотѣло показать.
Тогда подъемлется времянъ завѣса мрачна,
И вѣчность вкругъ него является прозрачна;
Ему понятіе о видимомъ даетъ;
Царь зная свой предѣлъ Сумбекѣ вопіетъ:
Увы! я чувствую позоръ махометанства,
И зорю въ сихъ мѣстахъ встрѣчаю Христіянства;
Подъ защищеніемъ она грядетъ небесъ,
Освѣтитъ всю Казань, и сей дремучій лѣсъ.
На сихъ мѣстахъ, гдѣ мы спокойный сонъ имѣли,
Гдѣ нашъ тревожить прахъ живущія не смѣли;
На самыхъ сихъ мѣстахъ созижденъ будетъ домъ,
Всечасно мещущій на Махомета громъ.
Вода, сіи мѣста и древеса кропяща,
Насъ больше будетъ жечь геенна чѣмъ паляща;
Куреніе мастикъ и пѣсней новыхъ гласъ,
И день и нощь въ гробахъ тревожить будутъ насъ;
Пришельцы бѣдствія и нашу грусть умножатъ,
По праху нашему слѣды они положатъ;
Гробницы гордыя ногой своей попрутъ,
Убранства Царскія изъ оныхъ извлекутъ.
Здѣсь видя крестъ взнесенъ блаженства на степени,
Не могутъ обитать гонимы наши тѣни.
О! естьли я когда тобою былъ любимъ,
Терпѣть такой позоръ не дай костямъ моимъ;
Внемли унылому желанію просящихъ,
Собратіевъ моихъ со мной Царей лежащихъ;
Вторичну нашу смерть Сумбека упреждай,
Огню со гробами нашъ тлѣнный прахъ предай.
Какъ вѣтеръ горъ крутыхъ въ ущеліи шумящій:
Такъ слышанъ отъ гробовъ былъ гласъ произходящій.

Сумбеку томную холодный потъ покрылъ;
Но Царь трепещущу, симъ словомъ ободрилъ:
Не бойся! жалобы къ тебѣ Цари приносятъ,
Се! помощи твоей печальны предки просятъ;
Отъ бѣдства и стыда ихъ тлѣніе избавь,
На поруганіе злодѣямъ не оставь; . . . .
Который мысль мою на казнь мнѣ просвѣщаетъ,
Мнѣ Ангелъ таинства открыть не запрещаетъ,
Дабы ты щастлива во свѣтѣ семъ была.
Увидишь дивныя въ дубровѣ сей дѣла,
И можешь прахъ спасти нещастнаго супруга,
Хранящаго тебѣ во узахъ смерти друга;
Исполни, что велю: Здѣсь нѣкій тополъ есть,
На немъ птенцовъ своихъ орлица хощетъ взвесть;
Удобно сыщешь ты подъ онымъ древо знакомъ,
Оно окружено густой травой и злакомъ;
Пожни сію траву, и корень обнаживъ,
Сей корень извлеки, и ключь увидишь живъ:
Изчерпай изъ него сію прозрачну воду;
Тамъ влагу ты найдешь совсѣмъ другаго роду;
На змій ползущихъ къ ней Сумбека не смотри;
Но влагу оную поспѣшно собери.
Когда ты все сіе рачительно исполнишь,
То мой еще завѣтъ вторичный да напомнишь:
Сухія вѣтвія отъ древа отдѣли,
Собравши ихъ, стопы отпуду удали;
Пришедъ на слезныя сіи мѣста обратно,
Исполни третіе, что всѣмъ Царямъ пріятно:
Гробницы вѣтвями сухими окружи,
Колико можешь ихъ пространнѣй разложи;
Потомъ излей на нихъ сію густую влагу,
Имѣй творя сіе и бодрость и отвагу,

И жди подѣйствія отъ сихъ сгущенныхъ водъ,
Доколѣ солнечный покажется восходъ.
Тогда познáешь ты, коль дивенъ Богъ бываетъ,
Когда на судъ къ себѣ онъ грѣшныхъ призываетъ;
Но ты безстрашна будь! Се свѣтитъ ужъ заря;
Видѣнье скрылося, то слово говоря,
И рѣчи Царскія внимались во гробницѣ,
Повелѣвающи начати трудъ Царицѣ.
Хотя уставъ такой Сумбеку возмущалъ;
Исполнила, что ей супругъ ни возвѣщалъ.
И злаки и траву вкругъ тополя находитъ;
Но самый сей успѣхъ въ боязнь ее приводитъ;
Отводитъ водный токъ, и влагу достаетъ;
Сухія вѣтвія отъ тополовъ беретъ.
Кострами ихъ она расклала межъ гробами,
Водою оросивъ и горькими слезами.
Тогда всходящее въ небесну высоту
Горяще солнце всю являло красоту,
Живительны лучи на шаръ пускало зéмный,
И въ первый ими разъ, сквозь лѣсъ проникло темный.
Стоящи древеса во мракѣ въ той странѣ,
Являлися очамъ какъ будто во огнѣ;
Пускаютъ страшный гласъ на нихъ нощныя птицы;
Простерся блѣдный свѣтъ на мрачныя гробницы;
И будто молнія сверкнувшая въ ночи,
Въ долину слезную бросаются лучи;
До сложенныхъ костровъ Сумбекой достигаютъ,
Сухія вѣтвія и влагу возжигаютъ.
Такія въ древности явили чудеса,
Пророческой рукой въ Персидѣ небеса;
Когда олтарняго огня въ землѣ искавый,
И вмѣсто онаго воды гнѣздо доставый,

Неемій вѣтвія сухія напоилъ,
И солнцевъ лучь огонь въ сихъ вѣтвяхъ возпалилъ.
Подобно вѣтвія Сумбекой разложенны,
При всходѣ солнечномъ являлися возженны;
И пламень межъ гробницъ водимый какъ рукой,
Простерся огненной широкою рѣкой;
Печальны Царскія остатки сокрушаетъ;
Сумбека пламень сей слезами утушаетъ.
Но воля праведныхъ исполнилась небесъ,
Ужѐ Батыевъ гробъ разрушился, изчезъ;
Сумбека Царску тѣнь винитъ и провидѣнье,
Какъ облакомъ луна въ ней тмится разсужденье;
Желаетъ отъ гробницъ возженіе отвлечь;
Но огнь, какъ бурный вихрь, спѣшитъ гробницы зжечь,
И растилается волнами красный пламень;
Горящій стонетъ лѣсъ, и хладный таетъ камень.
Касается пожаръ пригоркамъ и кустамъ;
Но невредимою Царица зрится тамъ.
Ужѐ гробницы всѣ свирѣпый огнь обьемлетъ;
Пылаетъ Сафгирей! Сумбека ризу съемлетъ,
И хощетъ защищать супруговъ гордый прахъ;...
Вдругъ чувства у нее обьемлетъ новый страхъ:
Увидѣла она изъ сихъ гробовъ горящихъ,
Какъ будто изъ воды Монарховъ изходящихъ;
Одежды Царскія являлися на нихъ,
Но блѣдны зрѣлися и смутны лица ихъ;
Какъ тонки облака зефирами гонимы,
Являлися Цари проснувшіяся зримы;
Не держитъ воздухъ ихъ, не держитъ ни земля;
Но вѣтры движутъ ихъ въ геенскія поля;
И нудитъ нѣкое невольное влеченье,
Послѣднее творить со свѣтомъ разлученье.

Какъ

Какъ лѣтнихъ нѣжныхъ птицъ отъ полуночныхъ
Осенній гонитъ хладъ за дальній Окіанъ: (странъ,
Бѣгутъ изъ пламени печальны тако тѣни,
Являетъ въ бездну имъ горящій огнь степени. х

Еката пламенникъ на время возпали,
И видѣть внутренность геенны мнѣ вели!
Отверзлись предо мной со трепетомъ и съ громомъ,
Мѣста, Аидовымъ слывутъ которы домомъ;
Собравъ грубѣйшее твореній существо,
Устроило его во гнѣвѣ божество.
Колико вышній огнь другихъ вещей тончае,
Толико адъ всего и гуще и тягчае;
Три краты девять числъ сіе вселенной дно,
Отъ круга звѣзднаго лежитъ отдалено.
Тамъ сходенъ острому желѣзу вѣчный пламень,
И видима земля, какъ раскаленный камень;
Зловонный всходитъ паръ отъ загустѣвшихъ водъ;
Изъ мрака ссѣвшійся объемлетъ бездну сводъ,
Но свода темнаго ни чѣмъ прервать не можно;
Подъ онымъ сѣтуютъ ведущи дни безбожно;
Тамъ скрежетъ, вопли, плачь; бѣжитъ оттолѣ сонъ;
Дыханье грѣшниковъ, повсеминутный стонъ;
Тамъ души томныя ко сводамъ возлетаютъ,
Но преткновеніе повсюду обрѣтаютъ,
И тлѣютъ бездны сей какъ искры въ исподи;
Тамъ вихри огненны, тамъ пламенны дожди.
Надежды сладкой нѣтъ во мрачной сей державѣ;
Тамъ зрю мучителей непомнящихъ о славѣ;
Недремлющая грусть тревожитъ тѣни ихъ,
Драконы огненны вращаются вкругъ нихъ;
Тамъ тѣни жизни цѣль по смерти узнаваютъ,
Воспомнивъ прежни дни томятся унываютъ;

Тѣлесны сладости преобратились въ ядъ;
Отрады въ мукахъ нѣтъ; грѣхъ самъ собою адъ!
Небесной истинной желая просвѣтиться,
Стараются еще на землю возвратиться,
На солнце съ плотїю въ раскаяньѣ возрѣть,
Дабы спокойняе вторично умереть:
Но таинственна цѣпь, какъ змїй кругомъ лежала,
И въ заключенїи нещастныхъ удержала.
Тамъ честолюбїе, увидя адско дно,
Познало, что пищетой прельщалося оно;
Постигнувъ райскаго веселїя изрядство,
Познало тлѣнъ сребра, несытое богатство,
И слёзы отъ него, которыя текли,
Какъ огненна роса ихъ блѣдны тѣни жгли;
Тамъ сладострастїе лѣса пронзаетъ стономъ,
Имѣя равну часть во тмѣ со Иксїономъ;
Являются еще прелестны тѣни имъ,
Коснутся ихъ устамъ, и превратятся въ дымъ;
Тамъ вѣчный терпитъ хладъ угрюмая измѣна;
Мучитель вкругъ себя кровавы зритъ знамена,
Трепещущи тѣла, мечи, оковы, гладъ,
Которы отъ него скрываютъ божїй градъ;
Тамъ страхъ смиренїю стенящихъ тѣней учитъ,
Прошедшее Царей и будущее мучитъ.

Батый какъ будтобы послѣдуемъ отъ тѣхъ,
Которыхъ лити кровь не ставилъ онъ за грѣхъ,
Со трепетомъ глаза на небеса возводитъ:
Но блескомъ ихъ сраженъ въ подземный мракъ уходитъ;
Изъ пламени ему устроенъ тамо тронъ,
Бѣжитъ, и слышится по немъ во гробѣ стонъ.

Преемники его злодѣйствами не сыты,
Низходятъ въ адъ за нимъ змїями вкругъ увиты;

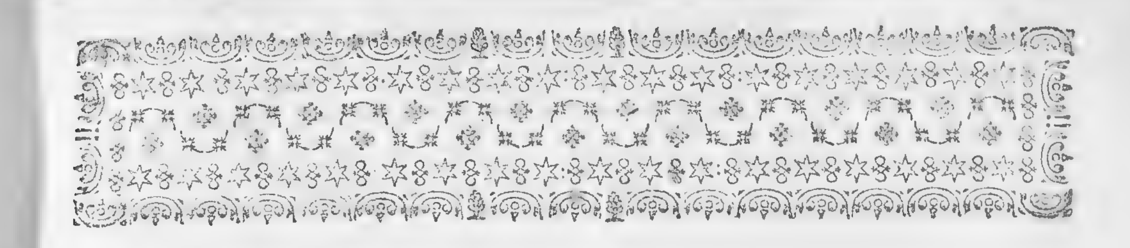
Со-

Сопровождаетъ вопль на адски муки ихъ;
И вѣчно кроется спокойство тамъ отъ нихъ;
То жажда тѣни ихъ, то смертна зависть мучитъ,
И быти добрыми чрезъ то живущихъ учитъ.
Но тщетно мрачный адъ мучителямъ грозитъ,
Ихъ тщетно молнія небесная разитъ;
Одно изчезнетъ зло, другое возрастаетъ,
Простерши крылія подъемлется, летаетъ,
Тѣснитъ, свирѣпствуетъ, возобновляетъ стонъ.
Нѣтъ кромѣ слезъ иныхъ безсильнымъ оборонъ!
И естьли въ тѣ часы гонитель не трепещетъ,
Когда земля дрожитъ и небо громы мещетъ:
Что пользы, что стихи въ улику имъ пишу?
Ахъ! естьли каплю слезъ невинныхъ осушу,
И малую подамъ стенящему отраду:
Уже я получилъ за слабый трудъ награду!
Злощастье облегчилъ текущій нынѣ вѣкъ;
Сталъ меньше въ наши дни нещастенъ человѣкъ;
Да вѣчно таковымъ блаженствомъ усладимся.
Но мрачный лѣсъ завылъ, тѣнь стонетъ, обратимся!
Свирѣпый Токтомашъ, какъ огненной стрѣлой,
Свергается во адъ для вѣчной казни злой;
Тамъ тѣней вкругъ себя онъ узритъ вопіющихъ,
И пламеннымъ бичемъ во тмѣ его біющихъ.
То тѣни мстительны нещастныхъ тѣхъ людей,
Которыхъ умертвилъ мучительски злодѣй;
Но большимъ варваръ сей терзается призракомъ,
Встрѣчаясь со врагомъ своимъ Темираксакомъ.
Жестокій оный врагъ родился пастухомъ,
И ставъ разбойникомъ, Монархомъ былъ потомъ;
Каковъ былъ съ посохомъ, таковъ былъ и въ коронѣ:
Разбойникъ былъ пастухъ, разбойникъ сталъ на тронѣ.

Стра-

Страдаетъ въ адѣ самъ теперь Темираксакъ,
Но страшенъ для Царей его и тамо зракъ.
Тамъ кроется во тьму, боясь небесна свѣта,
Трепещущая тѣнь сего Улу-Махмета,
Отъ собственныхъ сыновъ, который бывъ гонимъ,
Обязанъ сталъ Москвѣ спасенiемъ своимъ.
Потомъ защитниковъ привлекъ враждою къ брани,
И Россовъ побѣдивъ, направилъ путь къ Казани,
Развалины ее и тронъ возобновилъ;
Враждующихъ змiевъ Россiи оживилъ;
Подъ пепломъ злобу онъ сокрытую возставилъ,
И стрѣлы на Москву изъ дерзкихъ рукъ направилъ;
Но дружбы прерванной въ отмщенiе и знакъ,
Жизнь отнялъ у него и сына Мамотякъ.
Улу-Махмета скорбь сiя еще терзаетъ,
Нося въ рукахъ своихъ младенца онъ лобзаетъ,
И въ адъ свергаяся ужѐ онъ муки зритъ,
Которыми ему ночь вѣчная грозитъ.
Тамъ въ узы огненны онъ будетъ въ вѣкъ закованъ;
И пламенный вѣнецъ злодѣю уготованъ.
Тебя идущаго зоветъ съ весельемъ адъ,
О! ты, поруганный, и гордый Царь Ахматъ;
Еще твой духъ грызетъ, Басма твоя попранна
Ногою храбраго Монарха Iоанна;
Который ко твоей погибели рожденъ,
Которымъ при Угрѣ къ конецъ ты побѣжденъ,
И слава дѣлъ твоихъ на вѣки прелетѣла;
Ордынская твоя держава запустѣла.
Спѣши во мрачный адъ, и тамо нынѣ зри,
Что должны гордыя во тмѣ терпѣть Цари;
Они невольничьи оковы тамо носятъ;
Послѣднiя раби за гордость ихъ поносятъ,

И

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

Ужѐ златую дверь Аврора отворила,
И ризой небеса червленною покрыла.
Усердной ревностью къ Россіи пробужденъ,
Является Алей въ тѣни Казанскихъ стѣнъ.
Парящій такъ орелъ по воздуху высоко
На птицъ трепещущихъ кидаетъ грозно око,
И видя ихъ мятежъ и страхъ, спокойно ждетъ,
Куда удобнѣе направить свой полетъ.
Ордынскимъ жителямъ отмщая оскорбленье,
Приходитъ Царь познать Казани укрѣпленье;
Сопровождается въ намѣреніи семъ,
Стрѣлами легкими и острымъ копіемъ.
Когда Алей возвелъ глаза на градску гору,
Законъ представился его смущенну взору;
Зеленый на главѣ его вѣнецъ лежалъ,
Обвитый пальмами онъ крестъ рукой держалъ;
Зарѣ подобная на немъ была одежда,
Въ очахъ его любовь, и вѣра, и надежда;
Какъ двѣ звѣзды, глаза къ Алею обращалъ,
И лирнымъ голосомъ сіи слова вѣщалъ:
Бѣги Алей! за чѣмъ въ страну пришелъ невѣрну?
Здѣсь водный токъ огню, цвѣты подобны терну;
Здѣсь кроютъ молніи спокойны небеса,
И заразительны пріятныя лѣса.

 Какъ

Какъ утренни пары, сокрылося видѣнье;
Алей вострепеталъ, и впалъ во размышленье.
Онъ мыслилъ самъ въ себѣ: какія можетъ мнѣ
Напасти приключать токъ водный въ сей странѣ?
Противно храбрости такое искушенье;
Подъѣхалъ къ рощѣ онъ въ тоскѣ и сокрушенъѣ.
Ужѐ дремучій лѣсъ являлся освѣщенъ,
Который терніемъ былъ прежде зарощенъ;
Живущи духи въ немъ, и мраки изчезали,
Зефирамъ древеса дороги отверзали;
И солнце озлативъ лучемъ вершины ихъ,
Являлося взирать съ веселіемъ на нихъ.
Мѣшался блескъ его съ зелеными листами,
Какъ онъ мѣшается со влажными струями;
Сіяніе лучей, встрѣчаясь съ темнотой,
Являлось лунною одеждою златой.
Пріемлетъ Райскія сія дубрава виды,
И свой преноситъ тронъ въ ту рощу сынъ Киприды.
Животвореніе, летая въ слѣдъ за нимъ,
Древамъ приноситъ цвѣтъ присутствіемъ своимъ;
Разсыпались вездѣ забавы и отрады,
Подъ тѣнью пляшущи являются Дріяды;
На вѣтьвяхъ соловьи Авроринъ всходъ поютъ;
Ключи прозрачныя въ долинахъ злачныхъ бьютъ,
И въ мѣлкія они источники дѣлятся;
Наяды ихъ струи свивая веселятся;
И вѣтры нѣжныя играя во цвѣтахъ,
Благоуханіе разносятъ на крылахъ.
Долины процвѣли, и воздухъ оживился.
Проснулось эхо тамъ, Нарцисъ у водъ явился;
Такія видимы въ лужайкахъ красоты,
Какихъ не можешь кисть очамъ представить ты!

Ща-

Щасливѣе тѣхъ мѣстъ, чѣмъ славилася Енна,
Гдѣ дщерь Церерина Плутономъ похищенна;
Иль можно ихъ равнять съ прекрасною страной,
Гдѣ древній царствовалъ садами Алкиной.
Тамъ всѣ пріятностей совокуплялись роды,
Которы прелести являютъ намъ природы.
Какъ чистое стекло влечется водный токъ,
На днѣ являющій жемчугъ, злашый песокъ;
И будто въ зеркалѣ вода изображаетъ,
Все то, что берега крутыя окружаетъ.
Зелены древеса сошедшись въ кругъ стоятъ,
Вершины преклонивъ въ источники глядятъ;
Тамъ пѣсни далеко въ пещерахъ раздаются;
Пригорки движутся; кустарники смѣются;
Источники въ травѣ журчащи говорятъ;
Другъ на друга цвѣты съ умильностію зрятъ;
Зефиры рѣзвыя, листочки ихъ цѣлуютъ,
Струи въ ключахъ вертятъ, въ зелены вѣтьви дуютъ.

Уже является не тотъ печальный лѣсъ,
Гдѣ не былъ видимъ свѣтъ, ни солнца, ни небесъ;
И корнями древа въ то время не свивались,
Другъ къ другу преклонясь вершины отревались;
Теперь взаимныя въ нихъ чувства возстаютъ,
Другъ другу вѣтьвія, какъ длани подаютъ;
И составляются изъ нихъ густыя своды,
Подъ коими сквозь лѣсъ прорѣзалися ходы;
И словомъ зрится тамъ прекрасный вертоградъ,
Какимъ изображенъ намъ Гесперидскій садъ.

Мечта сія Царя въ задумчивость приводитъ,
Со удивленіемъ на рощу взоръ возводитъ;
Бѣги отсель! бѣги! разсудокъ вопіетъ,
Стремленье тайное къ древамъ ево влечетъ;

И чувству сладкому разсудокъ покорился.
ПодъѢхалъ къ нимъ Алей, между древами скрылся;
Отъ тропки ко другой, какъ вѢтромъ листъ влекомъ,
Прелестныя мѢста обходитъ Царь кругомъ.
Но хитрость въ рощу ту Еротомъ привлеченна,
Обманамъ, нѢжностямъ, притворствамъ изъученна,
Ручей составила, чертя рукой песокъ;
Ручей тотъ сладостенъ, но дѢйствіемъ жестокъ;
Прозрачная вода прохожихъ приглашаетъ,
Теряетъ волю тотъ, кто каплю струй вкушаетъ.
Судьбиной ослѢпленъ нещастный Царь Алей,
Какъ будто сквозь туманъ къ водѢ преходитъ сей.
Сопровождающа Алея осторожность,
Являетъ во струяхъ, вредъ, пагубу, ничтожность;
Влечетъ его къ водѢ коварная любовь;
Онъ каплю взялъ въ уста; и въ немъ зажглася кровь.
Которыя Царя къ потоку привлекали,
Наяды вынырнувъ руками возплескали;
Свой рокъ предвозвѢстивъ, нещастный возстеналъ
Алей; Алей вздохнулъ, но самъ о чемъ не зналъ!
Тогда любови Царь въ селеніяхъ воздушныхъ
Прекрасныхъ Геніевъ сзывалъ ему послушныхъ.
Они, съ написаннымъ притворствомъ на челахъ,
Слетаются къ нему на радужныхъ крылахъ;
Желанья водятъ ихъ; утѢхи упреждаютъ;
Умильности влекутъ, тревоги провождаютъ;
Зажженный пламенникъ держащій Царь въ рукахъ
ВѢщалъ возлегшимъ имъ на тонкихъ облакахъ:
О! вы властители вселенныя, летите,
Сумбекину любовь въ отраву обратите,
Тревожьте духъ ея, коварство сѢйте въ ней;
Да мучится она, да мучится Алей!

Ко-

Коварны Геніи крылами встрепетали,
И стрѣлы въ руки взявъ, изъ облакъ низлетали,
Зажгли на воздухѣ любовныя огни,
Алея встрѣтили между древесъ они;
Капридинъ сынъ предъ нимъ со пламенникомъ ходитъ,
Невидимъ будучи, въ долину ту приводитъ,
Гдѣ нѣжны Граціи, любви поставивъ тронъ,
Сумбекѣ плачущей послали сладкій сонъ.
Какое нѣжное пришедшему явленье!
Забылъ онъ зримое въ лѣсахъ увеселенье.
Красняй румяныхъ розъ, и неба самого,
Сумбека зрѣнію представилась его;
Цвѣты, что спящую Царицу окружали,
Казалося ея заразы умножали;
Зефиръ лицу ея пріятства придавалъ,
Онъ тихими надъ ней крылами повѣвалъ;
И прелести отъ глазъ ея не отходили;
Глаза сомкнувшися огонь производили;
Когда уже совсѣмъ откроются они,
Коль сильно могутъ жечь ея очей огни!
Алей на спящую взоръ пламенный возводитъ;
Во удивленіе и въ нѣкій страхъ приходитъ;
Но будучи еще разсудкомъ озаренъ,
Онъ хощетъ какъ Улисъ избѣгнуть отъ сиренъ.
Видѣнье на горѣ и лесть ея напомнилъ,
Намѣренье свое почти уже исполнилъ;
Глаза отъ прелестей Сумбеки отвратилъ.
Увидя то Еротъ, за грудь его схватилъ,
И въ сердце прелетѣвъ воскрикнулъ велегласно:
Жестокій! страшно ли тебѣ лице прекрасно?
Оно орошено потокомъ слезъ теперь;
Разсудокъ вопіялъ: не вѣрь сему, не вѣрь!

Взгля-

Взглянии на Сумбеку, любовь ему вѣщала,
И взоры на нее невольно обращала.
Ужѐ на Сумбеку взираетъ страстно онъ.
Въ то время у нее любовь отъемлетъ сонъ;
Она стыдливый взоръ едва, едва подъемлетъ,
Полсердца у Царя почти ужѐ отъемлетъ.
Явила нѣжности она въ очахъ своихъ;
И томная печаль изображалась въ нихъ,
Печаль смягчающа сложенія суровы,
Дающа новыя любовникамъ оковы.
Когда смѣшеніе со розами лилей,
Разсматривалъ въ лицѣ Сумбекиномъ Алей;
Куда сокроюсь я, возставша говорила?
Закрыла очеса; но хитрость ихъ открыла.
Алея покорить, Алея удержать,
Съ обманчивымъ стыдомъ намѣрится бѣжать.
Казалось Граціи, токъ слезный проливали;
Наяды плакали, Амуры унывали;
Свернулись вдругъ цвѣтки; стенали древеса;
И капли слезныя пускали небеса;
Кропили оными и розу, и лилею.
Алей не каменъ былъ; какъ тверду быть Алею!
Сумбекинъ взоръ его какъ пламень поражалъ.
Герой изчезъ! и рабъ у ногъ ея лежалъ.
Стенящій возопилъ: Пойдемъ въ Свіяжскъ отсюду;
Здѣсь я врагомъ кажусь, твой плѣнникъ тамо буду!
Приданымъ дать должна Казань свою мнѣ кровь,
Россія увѣнчать мою съ тобой любовь!
Сія пристрастна рѣчь Сумбекѣ изъявила,
Что сердце въ немъ она любовью уязвила;
Сумбека вспомня то, что Царь ей повелѣлъ,
Своихъ пріятностей не пожалѣла стрѣлъ.

Прель-

Прельщай! еще прельщай! притворство вопіяло,
Которо близъ ее невидимо стояло;
Оно Сумбекины умножитъ красоты,
Являло розовы изъ устъ ея цвѣты;
Улыбка нѣжная, пронзающія взгляды,
Во грудь Алееву вливали медъ и яды.
На помощь Сумбекѣ съ стрѣлой Еротъ летитъ,
И ею дѣйствуетъ, въ очахъ ее сокрытъ;
И внемлетъ Царь отъ ней, сіи слова жестоки:
Мучитель! видѣлъ ли мои ты слезны токи?
Они въ долинѣ сей лилися по тебѣ,
Оставившемъ меня на жертву злой судьбѣ.
Вы слёзы мнѣ теперь послѣдняя отрада!
Невѣрный! для тебя я выслана изъ града;
Съ младенцемъ я моимъ гониму зрю себя,
Отъ подданныхъ моихъ гониму за тебя;
Они любовь мою и вѣрность къ Сафгирею,
Почли къ тебѣ, Алей, суровостью моею;
Велятъ нещастной мнѣ, твой славный родъ любя,
Или оставить тронъ, иль мнѣ смягчить тебя.
О! коль послѣднее желанье мнѣ пріятно;
Сама дойти въ Свіяжскъ стремилась я стократно;
Хотѣла предъ тобой потоки слезъ пролить,
И на престолъ тебя обратно умолить.
Но я напасть мою какъ будто предъузрѣла,
Предстать очамъ твоимъ я прежде не хотѣла,
Доколѣ не могла сомнѣніевъ пресѣчь;
Для нихъ была должна супружнинъ гробъ сожечь;
Боролась съ жалостью; боролася со страхомъ,
Дабы не уличалъ меня и симъ ты прахомъ.
Взгляни на гробы ты, на пепелъ ихъ взгляни!
Усердіе мое къ тебѣ явятъ они.

Но ахъ! мое теперь безсильно увѣренье;
Во градѣ вижу я, внѣ града, подозрѣнье!
Мятется тамъ народъ; не вѣритъ здѣсь Алей;
О! коль бѣдна твоя супруга Сафгирей!
Алей возтрепеталъ сіе внимая слово,
И сердце было въ немъ къ возженію готово;
Единый нуженъ былъ къ побѣдѣ нѣжный взоръ;
Сумбека длитъ еще коварный разговоръ:
Увы! любезный Князь, войдемъ во градски стѣны;
Не бойся хитрости, коварства, ни измѣны.
Тебя корона тамъ, любовь, и скипетръ ждетъ;
Усердіе тебя съ Казанскихъ стѣнъ зоветъ;
За вѣрность я тебѣ Ордынцовъ отвѣчаю;
Но ты задумался; я рѣчь мою скончаю.
Моей покорности стыдиться я должна!
Взрыдала, и пошла, стенаючи она.
Потоки слезъ проливъ казалась удаленна,
Какъ роза нѣжная росою окропленна;
Пріятны Граціи, тѣснились вкругъ нее,
И прелести припавъ цѣлуютъ слѣдъ ее;
Пріятности кругомъ лица ея летали,
И лобызаньями слезъ токи изчитали.
Какой бы человѣкъ, какой бы строгій богъ,
Ея заразами разтрогаться не могъ?
Сумбека обративъ взоръ слезный ко Алею,
Идетъ . . . . И се Алей послѣдуетъ за нею!
Алциною Астолфъ обманутъ тако былъ.
Алей ужѐ едва Россію не забылъ;
Коль вѣра, мысль его обратно отзывала,
Любовь и слабостямъ похвальный видъ давала.
Онъ чаялъ, покоривъ съ Сумбекою Казань,
Прислать изъ ней въ Москву съ присягой вскорѣ дань;

Мя-

Мятежныя сердца Ордынцовъ успокоить,
Ихъ наглость обуздавъ, всеобщій миръ устроить.
Сей чаемый предлогъ его къ Царицѣ влекъ;
Обманы царствуютъ! въ ихъ волѣ человѣкъ!
Любовь, которая тогда надъ нимъ летала,
Сумбекинымъ его невольникомъ считала.
Такъ часто обладать собою льстимся мы,
Когда во власть беретъ у насъ любовь умы.
Притворны слёзы лишь Сумбека продолжала,
Скрывалась; но любовь Цареву размножала.
Вскричалъ онъ, видящій взведенныхъ прелесть глазъ:
Увы! я быть могу еще обманутъ разъ;
Но слѣдую тебѣ! . . . Тѣ рѣчи излетали,
Во книгу вѣчности они внесенны стали,
И должно было впредь исполнитися имъ;
Нещастье во слезахъ пошло во слѣдъ за нимъ;
Сумбека нѣжностью напасть запечатлѣла,
Которая Царю во срѣтенье летѣла.
Лишь выступилъ Алей дубравы изъ границъ,
Идущаго Царя, встрѣчаетъ ликъ дѣвицъ;
Неизреченными сіяя красотами,
Ко граду путь его усыпали цвѣтами.
Утѣхи, прелести, тѣснятся вкругъ его,
Берутъ оружіе съ усмѣшкой у него;
Благоуханіемъ одежду оросили,
И гимны свойственны случаямъ возгласили;
Вѣнцы сплетающа пріятность изъ цвѣтовъ,
Къ Алею подступивъ, подъемлетъ свой покровъ,
Снимая шлемъ съ Царя главу его вѣнчаетъ,
И мечь его укравъ, цвѣты ему вручаетъ;
Коварство робкое принявъ отважный видъ,
Отъемлетъ у него и копіе и щитъ.

Явилася любовь въ Героя превращенна;
А храбрость Царская слаба и развращенна.
Поспѣшно между тѣмъ молва уже паритъ,
И тысящью она языковъ говоритъ:
Уже Сумбекиной подруги видъ прiемлетъ;
И цѣлый градъ ее словамъ въ восторгѣ внемлетъ.
Узнали, какъ любовь брала Алея въ плѣнъ,
И какъ Царицею сей Рыцарь ослѣпленъ.
Едва въ чужемъ лицѣ молва очамъ явилась,
Казанцовъ возбудивъ, какъ дымъ отъ нихъ сокрылась;
И чаяли они, что Ангелъ имъ съ небесъ,
Толико радостну поспѣшно вѣсть принесъ.
Является имъ градъ отнынѣ безопасенъ,
Когда сей врагъ прельщенъ, который былъ ужасенъ;
И благоденствiе Казани смутной льститъ;
Которое сулилъ Царицѣ ихъ Сеитъ.
Уже коварная, Алея въ градъ приводитъ;
Онъ радость на очахъ написанну находитъ:
О тигрѣ, коимъ былъ весь городъ устрашенъ,
Когда свободы онъ является лишенъ,
Съ такимъ веселiемъ граждане разсуждаютъ,
Когда его въ цѣпяхъ по граду провождаютъ.
Спѣшаща обрѣсти сокровище и честь,
Уже является Царю въ покорствѣ лесть;
Защитникомъ своимъ Алея называетъ,
И слёзы радостны ласкаясь проливаетъ;
Имѣя въ разумѣ прiятныя мечты,
Къ подножiю его разсыпала цвѣты.
И подлость рабская столь гнусно унижалась,
Что ко стопамъ его главою приближалась,
Лице покорности умѣюща принять,
Колѣни Царскiя стремилася обнять.

Любовь народныя плесканья подкрѣпили;
И въ Царскій древній домъ любовники вступили.
Не внемля радостямъ любовію горя,
Не зрѣлъ другихъ утѣхъ, Алей Сумбеку зря.
Въ очахъ ея престолъ ему изображался;
Не въ царствѣ, въ нихъ его разсудокъ погружался;
На нихъ читалъ свои благополучны дни,
Являютъ щастія лучи ему они.
Сумбека тронъ ему; онъ сердце ей вручаетъ,
И всѣмъ плѣняется, что съ нею ни встрѣчаетъ.
По радостямъ его летаетъ плѣнный взоръ,
На что ни смотритъ Царь, вошедъ въ Сумбекинъ дворъ.
Тамъ рядъ древесъ явилъ пространныя дороги,
Сквозь кои гордыя открылися чертоги;
Вкругъ нихъ являлися столпы въ златыхъ вѣнцахъ,
И бисеръ въ солнечныхъ играющій лучахъ.
Строенія сего наружное изрядство,
Роскошною рукой возвысило богатство;
Со пестрымъ марморомъ, тамъ аспидъ сопряженъ;
Блистая хрусталемъ, казался домъ зажженъ.
Предъ онымъ зритъ Алей цвѣтами окруженну,
Изъ твердыхъ марморовъ, Казань изображенну;
Какъ нѣкій исполинъ имѣя грозный видъ,
На каменномъ она подножіи стоитъ.
Художникъ плѣнную представилъ тамъ Россію,
Ко истукановымъ стопамъ склонившу выю;
И узы на ея лежащія рукахъ,
Являли прежній плѣнъ, и прежній Россовъ страхъ.
Казань десницею ужасный мечь держала;
И мниму власть свою чрезъ то изображала.
Въ сей страшный истуканъ устроенъ тайный входъ,
Которымъ ихъ Цари вступая каждый годъ,

Молитвы ложному пророку приносили,
И вѣчна торжества надъ Россами просили.
Вѣщаютъ, будто имъ завѣтъ волхвами данъ:
Доколѣ невредимъ сей будетъ истуканъ,
Дотолѣ гордый градъ безвреденъ сохранится;
И благо ихъ во зло не можетъ премѣниться.
Коль пламенно Алей Сумбеку ни любилъ,
Едва въ сіи часы любви не истребилъ,
Казанской гордости когда онъ знакъ увидѣлъ;
Алей тщеславіе и пышность ненавидѣлъ.
Хоть сердце отняла Сумбека у него,
Россія въ памяти присудствуетъ его;
И гнусенъ истуканъ его казался взору;
Россійскаго Алей не могъ терпѣть позору.
Но то коварная Царица усмотрѣвъ,
Изгнала прелестью его изъ сердца гнѣвъ;
Она глаза къ нему толь страстно устремила,
Что ими прочія всѣ виды вдругъ затмила;
И нѣжныя слова лишь только изрекла,
Алея за собой въ чертоги повлекла.

Тамъ пѣсни юныхъ Нимфъ повсюду раздавались,
И цѣпи изъ цвѣтовъ руками ихъ свивались.
Подобны Ўріямъ казались Нимфы тѣ,
О коихъ Махометъ вѣщаетъ красотѣ.
Они пріятности любовныя вѣщали,
Которы и боговъ небесныхъ возхищали;
Воспѣли рыцарей великихъ имяна,
Которы въ древнія любили времяна;
Отравой сладкою любовникъ наполнялся;
Армидою Ренодъ подобно такъ плѣнялся.

Сумбекѣ нравилось прельщеніе сіе.
Алей, какъ нѣкій рай, жилище зрѣлъ ее;

Искус-

Искусствомъ помрачивъ убранства горделивы,
Тамъ видны на стѣнахъ изображенья живы,
Которы хитрая рука произвела,
И видъ естественный и душу имъ дала.
Въ лицѣ прїятнаго, и тихаго Зефира,
Изображается тамъ царствованїе мира;
Онъ страшный брани храмъ заклепами крѣпитъ,
У ногъ его въ травѣ, волкъ съ агнцемъ купно спитъ;
Тамъ голубь съ ястребомъ играючи летаетъ;
И львица юнаго тельца млекомъ питаетъ;
Во всей веселости являлася видна,
Подъ тѣнїю древесъ сѣдяща тишина;
Спокойство надъ главой блестящїй щитъ держало,
И щастїе сїю богиню окружало.
Съ другой страны встрѣчалъ плѣняющїйся взоръ,
Военны подвиги, сраженїя, раздоръ;
Тамъ зрится во крови, свирѣпыхъ битвъ Царица;
Тамъ раны видимы, тамъ кровь, тамъ блѣдны лица;
Герои въ цвѣтѣ лѣтъ кончающїя дни,
И стонутъ, кажется, написанны они.
Сумбека на Царя коварствуя взираетъ,
Узнать къ чему свои онъ мысли простираетъ;
Чѣмъ паче занятъ онъ, кровавой ли войной,
Или цвѣтущею въ покоѣ тишиной?
Ей мнилось, что война, его вниманью льстила,
И взоромъ взоръ его къ иному отвратила.
Тамъ новый видъ глаза Царевы поразилъ:
Художникъ кистїю любовь изобразилъ,
Любовь, которая являлася на тронѣ,
Съ калчаномъ стрѣлъ въ рукахъ, и въ розовой коронѣ;
Тѣ стрѣлы сыплются, въ день ясный и въ ночи,
На всю вселенную, какъ солнечны лучи.

Лу-

Лучами шаръ земный, ты солнце освѣщаешь,
И грады оными, и степи посѣщаешь;
Подобно стрѣлы такъ, изъ рукъ любви летятъ,
Равно владѣтеля, и пастуха язвятъ;
И щастье равное, они тогда вкушаютъ,
Когда свои сердца любовью утѣшаютъ.
Что кистью на стѣнахъ своей изображалъ,
Художникъ въ томъ живой натурѣ подражалъ.
Тамъ гордыя древа долины осѣняли,
И кажется они верьхи свои склоняли;
Межь камней извившись источники кипятъ,
И мнится на стѣнѣ написанны шумятъ;
Тамъ кажется Нарцисъ еще глядитъ въ потоки,
И будучи цвѣткомъ пущаетъ слезны токи;
Нещастный Адонидъ, ставъ жертвою любви,
Еще является на стеблѣ во крови.
Во всемъ Алеево вниманье утопало!
Но солнце между тѣмъ въ полденный часъ вступало.
Ужѐ готовилось народно торжество,
Народъ на общее стекался пиршество;
Казанцы, жизнь себѣ предвидящи щастливу,
Морскому въ оный день подобились приливу,
Который Царскій домъ отвсюду наполнялъ.
Весь градъ стремленіе ко Сумбекѣ склонялъ;
И вѣрность радости свои вездѣ трубила.
Алея подлинно Казанска чернь любила;
Ужѐ два раза онъ сердцами ихъ владѣлъ,
Какъ будто о своемъ, о благѣ ихъ радѣлъ,
И зрѣли въ немъ они отъ сильныхъ оборону.
Поспѣшно на него хотятъ взложить корону;
Не страшны Россы имъ, не страшенъ Асталонъ,
Коль будетъ занимать Алей Казанскій тронъ.

Но

Но зависть и раздоръ среди вельможъ летаютъ,
Которыя себя ему предпочитаютъ.
Сіи двѣ фуріи, тревожа ихъ сердца,
Неволятъ ихъ желать Казанскаго вѣнца;
И каждый думаетъ Алею быть подобенъ,
Иль паче, нежель онъ, владѣть Ордой способенъ.
Но завистью Сагрунъ сильняе всѣхъ горитъ,
Онъ, взоры пламенны кидая, говоритъ:
Какія подадимъ мы слухи нынѣ свѣту,
Избравъ того Царемъ, кто врагъ и Махомету?
Кто рабствуя, Царю Московскому служилъ,
И можетъ быть его на насъ вооружилъ;
Или мы собственныхъ достоинствъ не имѣемъ,
Что выбрати въ Цари другъ друга не умѣемъ?
Но прервалъ рѣчь его Гирей Алеевъ другъ,
Вельможей собранныхъ втѣснившися во кругъ:
Не льзя противиться, онъ рекъ, судебъ уставу;
Алею отдаютъ они сію державу,
Державу до сего носиму имъ не разъ.
Кто смѣетъ быть небесъ противникомъ изъ насъ?
Не вѣру толковать вѣнчается владѣтель;
Онъ въ подданныхъ вселять обязанъ добродѣтель.
Кто лучше озаритъ Казанскій ею тронъ?
Кто больше дастъ примѣръ во оной, коль не онъ?
О! естьли исполнять хотѣнія сердечны;
На царство выборы здѣсь будутъ безконечны,
И будемъ въ преніи о тронѣ мы во вѣкъ:
Начальствовать другимъ желаетъ человѣкъ;
Но царство возмутивъ, утратимъ мы свободу;
Однако отдадимъ сіе на судъ народу;
Народомъ подкрѣпленъ бываетъ Царскій тронъ,
Да скажетъ: симъ Царемъ ужель доволенъ онъ?

Спросилъ; и гласы ихъ какъ волны зашумѣли,
Казанцы собраны едину мысль имѣли.
Не слышно кромѣ сихъ въ соборищѣ рѣчей:
Да нами царствуетъ съ Сумбекою Алей!
Да брачныя вѣнцы обѣихъ увѣнчаютъ!
Они стенанія народны окончаютъ.

Вельможамъ страшенъ былъ толико сильный гость,
И ярость въ ихъ сердцахъ запечатлѣла злость;
Она сокрылась тамъ, какъ будто въ мракахъ ночи,
Наполнивъ горестью потупленныя очи.

Веселость по сердцамъ усерднымъ разлилась,
На крыліяхъ она зефировыхъ неслась;
Лице Сумбекино, и взоръ ея покрыла.
Тронъ твой, и я твоя, Алею говорила,
Съ моимъ сливаются народныя сердца;
Отъ нихъ, и отъ меня, пріемлешь два вѣнца,
Одинъ Царемъ тебя творитъ надъ сей страною,
Другой надъ нѣжностью моей и надо мною.
По мнѣ сей градъ, престолъ и весь народъ, есть твой;
Но съ нами примирясь, смири Казань съ Москвой;
Мы ей селенія за-Волжскія уступимъ,
И естьли хощешь ты, присягой миръ съ ней купимъ.
Мы браней не хотимъ!.... Хотя и льщуся я,
Что можетъ защищать Казань рука твоя:
Но ты Россіи другъ; а царствуя надъ нами,
Россіянъ учини ты нашими друзьями;
И станемъ въ градѣ семъ златыя дни вести.
Алей, невидящій опасности, ни льсти,
Царицу подкрѣпилъ въ пріятномъünованьѣ.

Открылось между тѣмъ повсюду пированье.
Ужѐ колеблется отѣснившійся народъ
При свѣтломъ торжествѣ, какъ верьхъ широкихъ водъ.

Отъ

Отъ стѣнъ уходитъ грусть; веселье обновилось;
И солнце на Казань взирать остановилось;
Утѣхи ставятъ тронъ въ позорищѣ такомъ,
И препоясались всѣ домы торжествомъ.
Усерды пѣсни тамъ повсюду раздаются,
Источники въ брегахъ играя съ шумомъ льются.
Отвсюду къ Царскому Двору приходитъ гласъ:
Да наши радости возрадуютъ и васъ!
Въ чертоги Сумбеки слетаются утѣхи,
Забавы, радости, умильности и смѣхи;
Чистосердечіе открывъ свое лице,
Со дружбой обнявшись, является въ вѣнцѣ;
Спокойство зрится тамъ, во образѣ прелесномъ,
И плаваетъ любовь во щастіи небесномъ.
Наружность такову Сумбекинъ Дворъ имѣвъ,
Таилъ въ нутри своей, притворство, зависть, гнѣвъ,
Которыя открыть лица еще не смѣли,
И зримы будучи, пріятный видъ имѣли.
Сумбека радостямъ казалась отдана,
Османа вспомнила въ сіи часы она,
Суровости его Царицѣ въ мысль приходятъ,
Среди веселостей на сердце мракъ наводятъ.
И се выводится, имѣвый смутный взоръ,
Османъ окованный, терпѣть въ пиру позоръ.
Досада нѣжный огнь въ Сумбекѣ сокрываетъ;
Она пренебрегать Османа уповаетъ;
Свирѣпства, мщенія, и ярости полна,
Алею изрекла стенаючи она:
Се врагъ, мой врагъ и твой, злодѣй всего народа;
Которымъ общая тѣснилася свобода;
Я дружбы прежнія съ нимъ узы нынѣ рву,
И въ жертву отдаю тебѣ его главу.

Алей

Алей, стыдящійся питать и мысль сурову,
КЪ Сумбекину явилЪ негодованье слову;
Османа робкаго не допустилЪ страдать,
И узнику сему велѣлЪ свободу дать.
Сумбека будто бы предбудущее зрѣла,
Еще подЪ стражею держать его велѣла.
ОсманЪ отходитЪ прочь; но прочь любовь нейдетЪ,
РаждаетЪ вЪ сердцѣ гнѣвЪ, и власть надЪ нимЪ беретЪ;
То хладЪ произведетЪ, то вдругЪ размножитЪ пламень,
И погружается вЪ него, какЪ тяжкій камень.
Сумбека чающа Османа не любить,
Щасливой кажется сЪ АлеемЪ купно быть,
Который, вЪ Царскія вступивЪ священны правы,
Влечется вЪ новыя Сумбекою забавы.
Желая облегчить правленія труды,
ВедетЪ его она вЪ роскошныя сады;
ГдѣЪ тысящи пріятствЪ, для Флоры и Помоны,
Волшебною рукой соорудили троны.
ТамЪ розовы вокругЪ кустарники цвѣтутЪ,
ЗефирЪ покоится на ихЪ листочкахЪ тутЪ.
ТамЪ вѣтьвями древа густыми сплетенны,
Прохлады завсегда вЪ тѣни хранятЪ весенны;
ЧрезЪ виды разныя стремящаяся тамЪ,
ПодЪемлется вода шумяща кЪ облакамЪ;
Любовны хитрости вЪ кустахЪ себя скрываютЪ,
И птицы нѣжныя ихЪ прелесть воспѣваютЪ;
Зеленыя лужки вЪ тѣни древесЪ цвѣтутЪ,
И кажется любовь одры готовитЪ тутЪ;
Наяды у ручьевЪ являются сѣдящи,
Волшебны зеркалы вЪ рукахЪ своихЪ держащи.
ВЪ которы Граціи сЪ усмѣшками глядятЪ;
Амуры обнявшись, на мягкой травкѣ спятЪ;

Пеще-

Пещеры скромныя, привѣтливыя тѣни,
Щасливыя любви представили степени.
Въ такихъ веселостяхъ Алей проводитъ дни,
И кажутся ему прелестными они.
Ужѐ Алей, Казань мятежну успокоилъ,
И къ миру онъ сердца съ Россіею устроилъ;
Союзъ готовился съ Москвой запечатлѣть;
Но искра мятежей не можетъ вдругъ изтлѣть.
Османъ, лишаемый въ сіи часы покою,
При общей радости, терзается тоскою;
Ему являются мечтанія во тмѣ,
Емира у него и въ сердцѣ и въ умѣ;
Гуляетъ ли въ садахъ, или въ нощи задремлетъ,
И мракъ и древеса, лице ея пріемлетъ;
Томится духъ его и пламенѣетъ кровь.
Смотряща на сіе съ веселіемъ любовь,
Любовь невольникамъ спокойства не хотяща,
Согласіе межъ нихъ и распри заводяща;
Сія источница, тоски, коварствъ, обидъ,
Пріемлетъ на себя теперь Емиринъ видъ.
Къ Осману спящему со трепетомъ приходитъ,
Отраду зрѣнію; но сердцу грусть наводитъ.
Емира будтобы сей жизни при концѣ,
Являетъ блѣдное и смутное лице;
Раздранная на ней являлася одежда;
Речетъ: моя теперь изчезла вся надежда,
Изчезла, нѣкогда увидиться съ тобой,
Намъ должно жить Османъ въ разлукѣ въ вѣкъ съ тобой.
Отчаянный она, вѣщая, взоръ кидала,
Главу склонила внизъ, и горько возрыдала;
Но ктожъ причиною сердечныхъ нашихъ ранъ?
Емира изрекла: причиной ты Османъ!

Спѣши, ты можетъ быть, спасти меня успѣешь;
Къ свободѣ средства ты надежныя имѣешь,
Успѣхъ получишь ты надъ слабою женой;
Рыдай, стени, дабы увидиться со мной;
Сіи слова она не разъ ему твердила,
И взоры слезныя являя уходила.

Османъ, какъ будтобы произаемый стрѣлой,
Встревожился во снѣ болѣзненной мечтой,
Встаетъ; и се въ чертогъ Сагрунъ коварный входитъ;
Онъ взоры на него печальныя возводитъ.
Въ вельможѣ семъ душа, какъ адъ была смутна,
И къ разнымъ хитростямъ стремилася она;
Грызомый завистью покоя не имѣетъ;
Желая людямъ зла, о бѣдствѣ ихъ жалѣетъ;
На блѣдномъ у него являлося лицѣ,
Что мыслилъ день и нощь о Царскомъ онъ вѣнцѣ.
Нося въ груди своей намѣреніе злобно,
Хотѣлъ, какъ самъ себя, и всѣхъ терзать подобно;
И такъ Осману рекъ: О! коль твой скорбенъ взоръ;
Но долго ли тебѣ такой терпѣть позоръ?
Таврискій храбрый Князь въ Казанѣ узы носитъ,
О вольности своей ни думаетъ, ни проситъ.
Когда бы, можетъ быть, ты слово лишь изрекъ,
Порфирою бъ себя во градѣ семъ облекъ;
Я дружества къ тебѣ во вѣки не нарушу;
Ты вѣдаешь мою ревнительную душу,
И вѣдаешь еще ту пламенную страсть,
Котора ввергнула тебя въ сію напасть;
Дай нову силу ей, и подкрѣпися ею,
Сумбека сжалится надъ нѣжностью твоею;
Явись ея очамъ! Османъ, мечтой смущенъ,
Притворнымъ Сагруномъ казался обольщенъ.

Вель-

Вельможу онъ сего при щастьѣ ненавидѣлъ;
Но ввѣрилъ днесь ему мечту, котору видѣлъ.
Такъ бѣдный плаватель, въ пучинѣ жизнь губя,
За все хватается, что видитъ вкругъ себя.
Довѣренностью сей Сагрунъ возвеселился,
Онъ только ждалъ, чтобы Османъ къ нему склонился.
Намѣреніе онъ злодѣйское питалъ,
Своимъ оружіемъ любовну страсть считалъ;
Во злобѣ предпріялъ, раздоръ въ троихъ посѣя,
Османа погубить, Сумбеку и Алея.
Сей хищный волкъ теперь пріемлетъ агнчій видъ;
Лукавый духъ его подъ видомъ дружбы скрытъ;
Спасай отъ бѣдства насъ, вѣщаетъ онъ со стономъ,
Мы всѣ устрашены колеблющимся трономъ;
Сумбека мстящая любви не изгнала,
Но въ гнѣвѣ Царску власть Алею отдала.
А сей опасный врагъ и вѣры и Казани,
Збираетъ для Москвы съ Татаръ позорны дани;
Я видѣлъ, какъ теперь народу онъ ласкалъ,
И въ ихъ сердца войти различныхъ средствъ искалъ.
Имѣя желчь въ груди, точилъ онъ медъ устами;
Съ Россіей вѣчный миръ украсилъ онъ цвѣтами,
И въ прелестяхъ такихъ собранью представлялъ.
Симъ адскимъ вымысломъ онъ души уловлялъ,
И рекъ сіи слова; но ихъ изрекъ краснѣя:
Вы другомъ не Царемъ имѣете Алея;
Смиритися съ Москвой, и отвратити брань,
Не многая къ тому отъ васъ потребна дань.
Присяга вѣрная! О! коль слова безбожны!
Рабамъ покорности такія суть возможны;
А мы давно ли власть имѣли надъ Москвой?
Намъ льзяль къ стопамъ ихъ пасть, бывъ прежде ихъ главой?

Кто

Кто знаетъ? можетъ быть, тая въ душѣ коварство,
Разрушити пришелъ Алей Казанско царство;
Мужайся, ободрись, злодѣя не жалѣй,
Сними съ него главу, коль не снялъ онъ твоей!
Ты смертію своей нещастный ускоряешь;
Спасая жизнь его, свою ты жизнь теряешь.
Теперь Османъ любовь Царицѣ докажи,
Корону со главы падущу удержи;
Тебя къ тому зоветъ и зримое мечтанье,
Любовь, нещастіе, и наше почитанье;
Та тѣнь, которая являлася тебѣ,
Ко щастливой тебя, и тѣнь зоветъ судьбѣ!
Ужѐ колеблются божницѣ верьхи златыя;
Ты вѣру подкрѣпи, и воскреси Батыя.
Когда сіе Сагрунъ трепещущь весь вѣщалъ,
Развратъ и паче въ немъ духъ звѣрскій возмущалъ;
Обвившись вкругъ него, досаду разстравляетъ;
Сумбеку взору онъ кровавому являетъ,
Котора жалуясь на строгости небесъ,
Ходила въ горести подъ тѣнію древесъ;
И съ ревностью своей имѣющая споры,
Гдѣ жилъ Османъ, туда бросала смутны взоры.
Примѣтивый Сагрунъ страданіе сіе,
Вѣнчаннымъ поставлялъ желаніе свое,
И рекъ Осману онъ: законы дружбы помню;
Пойду, и всѣ мои намѣренья исполню;
Хоть гордость вкругъ нее, и должности стоятъ,
Любовны нѣжности ихъ стражу побѣдятъ.
Идетъ; и хитрости вокругъ надъ нимъ летаютъ,
Они льстеца сего столпомъ своимъ считаютъ;
Во рабскомъ образѣ представили его,
Смиренье на челѣ являя у него.

Съ

СЪ лукавою душей ко СумбекѢ подходитЪ,
И рѢчь сЪ ней о любви Османовой заводитЪ;
ТакЪ Евву льстивый змій вЪ ЕдемѢ соблазнялЪ,
Когда ея вкусить нещастный плодЪ склонялЪ.
Прилично ли, онЪ рекЪ, что здѢсь какЪ плѢнникЪ низкій,
ПодЪ стражей держится безвинно Князь Таврискій?
Сей Князь, который сталЪ за то одно гонимЪ,
Что онЪ любилЪ тебя, что онЪ тобой любимЪ?
ВсѢ сжалились надЪ нимЪ, мы плачемЪ, плачутЪ стѢны;
ОнЪ страждетЪ, ни вражды не зная ни измѢны;
И любитЪ онЪ тебя! . . . Но мы оставимЪ то:
Подумай, КримЪ теперь вЪ отвѢтЪ намЪ скажетЪ что?
Османа заключивЪ, мы Кримскій родЪ поносимЪ,
А помощи отЪ нихЪ вЪ напасти общей просимЪ;
На чтожЪ она теперь? ЗдѢсь царствуетЪ Алей;
ОсманЪ кончаетЪ жизнь; жалѢй о немЪ! жалѢй!
УмолкЪ . . . И рѢчь сія ЦарицѢ гордой льстила,
Она и выговорЪ совѢтомЪ нѢжнымЪ чтила;
ХотѢла за любовь обиженною быть,
И стать заставленной невѢрнаго любить.
Такія сѢти ей вельможа хитрый ставилЪ,
И пуще уловить; Османа ей представилЪ;
Сокрылся между тѢмЪ. ОсманЪ стоная шелЪ,
ОбманЪ его рукой между древами велЪ,
И нѢжна страсть разить Сумбеку начинала;
Земля, казалося, подЪ нею застонала.
Еще дрожащихЪ устЪ ОсманЪ не отверзалЪ,
Но мысли на лицѢ написанны казалЪ;
Душа являлася тоской изнеможенна;
Не строгость на челѢ, любовь изображенна.
Однако сѢюща любовь вЪ сердцахЪ раздорЪ,
ВЪ ней слабости; а вЪ немЪ произвела притворЪ.

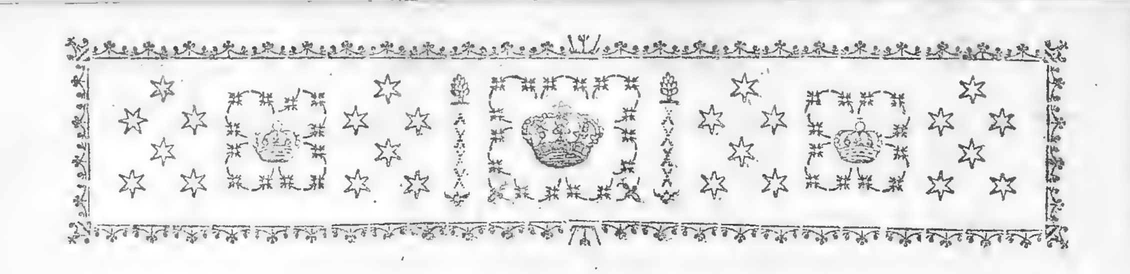
 Любовь

Любовь болѣзненну въ Сумбекѣ жалость сѣя,
Похитила у ней изъ мыслей Сафгирея,
И новаго Царя, и клятвы, и совѣтъ;
Забвенъ теперь Алей, забвенъ и цѣлый свѣтъ.
Тогда печальный мракъ стенящую объемлетъ;
Сумбека лестный видъ за праведный пріемлетъ,
И только воздохнувъ сіе сказать могла:
Колико причинилъ мнѣ ты, жестокій зла!
Блѣднѣетъ, и ея трепещущи колѣни,
Являли вкругъ нее стоящи смертны тѣни.
Османъ ругается страданію сему;
Сумбека ввергнулась въ объятія къ нему;
Онъ хладныя уста къ стенящей прилагаетъ,
И тѣмъ изъ челюстей у смерти исторгаетъ;
Когда дрожащія онъ руки лобызалъ,
Емиру я забылъ, потупя взоръ сказалъ.
Разсѣялась печаль, котора очи тмила;
Сумбека взоръ къ нему прекрасный устремила;
И тяжко воздохнувъ сіи слова рекла:
О! естьлибъ рѣчь сія правдивою была!
Свободу видящій, одѣянну порфирой,
И льстящійся за ней послѣдовать съ Емирой,
Во мракъ Османъ ушелъ притворства своего,
Которо странствуетъ вкругъ сердца у него;
Имѣя ледъ въ крови, во взорахъ огнь являетъ,
Въ лукавыхъ мысляхъ ядъ коварства составляетъ;
Вѣщаетъ онъ: могуль я небо умягчить?
Коль сердце я твое умѣлъ ожесточить!
Въ моемъ умѣ теперь не тронъ, не мысли брачны!
Сокроюсь въ темный лѣсъ, уйду въ пещеры мрачны;
Отдай свободу мнѣ! внимающа сіе,
Сумбека вопіетъ: имѣешь ты ее!

Вѣща-

Вѣщала; но тоска кинжалъ ей въ грудь вонзила;
Всѣ нѣжности она любви вообразила,
И слёзы у нее, катилися какъ градъ;
Османъ миляе ей явился во сто кратъ.
Постой рекла! Османъ, останься ты со мною,
Могу ли быть твоей погибели виною?
Довольно, что тебя унизить я могла,
И въ ревности моей тебя пренебрегла.
Возобновляются мои съ тобой обѣты!
И что намъ предпріять, Сатрунъ подастъ совѣты;
Но, смутнымъ возвратить спокойство времянамъ,
При сладкой нѣжности, притворство нужно намъ.
Невинная любовь свѣтильникъ потасила,
И грудь Сумбекину слезами оросила,
Крылами встрепетавъ сокрылась отъ нее;
Къ печали и стыду оставила ее;
Невѣрность, у нее отраву въ сердцѣ сѣя,
Измѣны въ первый мигъ отмстила за Алея.
Увидя, что его не дѣйствуетъ обманъ,
Завѣсой хитрости обвился вкругъ Османъ;
Когда отчаяньемъ внутри души терзался,
Сумбекѣ пламеннымъ любовникомъ казался.
Алей отъ важныхъ дѣлъ, въ чертоги возвращенъ,
У края пропасти, былъ взоромъ обольщенъ;
Сумбека льститъ ему, но льститъ и ненавидитъ;
Невинность скоро зла конечно не увидитъ.
Когда Алей Казань къ покорству призывалъ,
Свіяжскъ измѣною его подозрѣвалъ (1);
Въ Москву о дѣлѣ семъ отправилъ вѣсть пространну.
И время пренести мнѣ лиру къ Іоанну!

(1) Здѣсь означается время, о которомъ упоминается въ первой пѣсни о Алеевой измѣнѣ.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

Россійскимъ подвигамъ парящій духъ во слѣдъ,
И проповѣдатель торжественныхъ побѣдъ,
Лучами озаренъ щедротъ ЕКАТЕРИНЫ,
Взносися, мы трудовъ достигли половины;
Но муза цѣлію своей доднесь брала,
Совѣты, хитрости, и нѣжныя дѣла.
Теперь является кровавое мнѣ поле,
Потщимся устремить вниманья къ пѣснямъ болѣ.
Отъ сонныхъ водъ стремлюсь къ пучинамъ прелетать,
Не миртовы вѣнцы лавровыя сплетать.
О! музы, естьли вы о пѣсняхъ сихъ рачите,
Возьмите прочь свирѣль, и мнѣ трубу вручите,
Да важныя дѣла вселенной возглашу,
О коихъ возхищенъ восторгами пишу.
Любовь, которая Алея поражала,
Въ златыхъ цепяхъ его окованнымъ держала.
На слабости его взирающа Казань,
Междуусобную въ стѣнахъ питала брань;
Россія между тѣмъ главу подъемлетъ томну,
Знамена видяща вносимыя въ Коломну.
Сей градъ, отъ Римскихъ золъ искавый оборонъ,
Въ началѣ основалъ Латинскій Князь Колонъ,
Когда противъ него враги пускали стрѣлы,
Изъ Рима онъ притекъ въ Россійскія предѣлы;

И

И славы здѣшнихъ странъ во браняхъ множа громъ,
Поставилъ на брегахъ Оки прекрасный домъ;
Зелены влажною луга обнявъ рукою,
Тамъ близко стрѣтилась Москва рѣка съ Окою,
И съ нею съединивъ разверстыя уста,
Остановилася на красны зрѣть мѣста.
Какъ будто въ сонмъ единъ сливая быстры рѣки,
Военны силы шлютъ въ сей градъ страны далеки.
Уже является со стѣнъ издалека,
Подъемлющася пыль, какъ бурны облака,
И пѣсни по лѣсамъ военны раздаются.
По всѣмъ градамъ отцы съ сынами разстаются;
Лобзаетъ сына мать, потоки слезъ лія;
Прощаются стеня супруги, и друзья;
Но только ратники изъ стѣнъ выходятъ въ поле,
Встрѣчаетъ храбрость ихъ, и слезъ не видно болѣ.
Уже во древности извѣстный Музіянъ,
Который и доднесь изъ грозныхъ водъ сліянъ,
Стенящія брега свирѣпаго Ильмена,
Въ Коломну ратныя отправили знамена.
Гдѣ Волховъ твердымъ льдомъ шесть мѣсяцовъ покрытъ,
Оттолѣ воинство какъ стадо птицъ паритъ;
И Ладожски струи въ брегахъ своихъ ярятся,
Что горды стѣны въ нихъ опустошенны зрятся.
Уже отверзъ врата дружинѣ Изборскъ градъ,
Гдѣ Труворъ Рюриковъ княжилъ юнѣйшій братъ;
Сквозь блата топкія и горы каменисты,
Преходятъ будтобы поля и рощи чисты.
Дерзаетъ воинство отъ древнихъ оныхъ мѣстъ,
Гдѣ мщеньемъ Ольгинымъ извѣстенъ Искорестъ;
Тамъ, Игорь, видится еще твоя гробница,
Надъ коей плакала премудрая Царица,

 Хра-

Хранящая къ тебѣ и во вдовствѣ любовь,
Принесшая тебѣ Древлянску въ жертву кровь.
Ужѐ отверзлися запечатлѣнны двери,
Смирившейся съ Москвой и съединенной Твери;
Упорство, коимъ сталъ нещасливъ Михаилъ,
Отборнымъ воинствомъ сей городъ наградилъ.
Ужѐ оставили морскія бѣлы вóды,
Вокругъ Архангельска живущія народы;
Изъ хладныхъ мѣстъ несутъ горящу къ бранямъ грудь
И храбрость лаврами предъ ними стелетъ путь.
Любовь къ отечеству брега опустошаетъ,
Которыя Двина струями орошаетъ;
На сихъ брегахъ рожденъ преславный сей пѣвецъ,
Который пріобрѣлъ безсмертія вѣнецъ,
Который славу пѣлъ, и дни злашыя Россовъ,
Гремящей лирою извѣстный Ломоносовъ.
Отъ оныхъ сила мѣстъ какъ туча поднялась,
Гдѣ Которость съ Волгою въ срединѣ стѣнъ слилась;
Гдѣ часто, къ небесамъ поднявшись, руды сѣрны,
Для грома облака приготовляютъ черны.
Ужѐ съ крутыхъ вершинъ и со бреговъ Оки,
Текутъ съ оружіемъ великія полки;
Война, и славы ротъ въ Коломну привлекаетъ
Съ тѣхъ мѣстъ народъ, Угра гдѣ съ шумомъ протекаетъ;
Тамъ храбрость Іоаннъ на вѣки утвердилъ,
Когда при сихъ брегахъ Казанцовъ побѣдилъ.
Коломна зритъ мужей къ сраженію готовыхъ,
Притекшихъ отъ луговъ Самарскихъ и Днепровыхъ;
Приходятъ ратники къ стѣнамъ на общій зборъ,
Отъ мѣловыхъ вершинъ съ лишенныхъ цвѣта горъ,
Которы жатвою вокругъ благословенны;
Но кажутся вдали какъ снѣгомъ покровенны.

Во-

Вооружилися на общаго врага,
Благоуханныя Донецкія брега.
Ко подкрѣпленію отечества и трона,
Явились ратники съ извившагося Дона,
Который водъ струи стараясь разносить,
Всю хощетъ кажется державу оросить.
Изъ мирныхъ пахарей сложилось войско славно,
Тотъ носитъ мечь въ рукѣ, кто серпъ держалъ не давно;
Природа имъ сіи умѣла свойства дать,
Что, бросивъ въ полѣ плугъ, удобны побѣждать.
Подвиглись грады всѣ въ обширной части міра.
Но можноль общу рать тебѣ изчислить лира?
Пришедше воинство подобилося тамъ,
На понтѣ ледяномъ различныхъ птицъ стадамъ.
Коломна наконецъ отверзла дверь широку
Россійской полночи, полудню и востоку.
Отъ запада гремятъ въ стѣнахъ мечи у ней;
И сердцемъ зрѣлася она Россіи всей,
Къ которому, какъ кровь, геройство обратилось;
И въ немъ усердіемъ вѣнчанно помѣстилось.
Внутри себя и внѣ, мечи и пламень зря,
Встрѣчаетъ городъ сей и храбраго Царя,
Который окруженъ отечества сынами,
Какъ новый былъ Атридъ у Трои подъ стѣнами.
Онъ видитъ полночь всю подъ скипетромъ своимъ;
И многія Цари на брань дерзали съ нимъ;
Всему отечеству сулили большу цѣлость,
Россійскихъ войскъ соборъ, любовь къ войнѣ, и смѣлость.
Когда полки Монархъ ко брани ополчалъ,
И молніи носящь перуны имъ вручалъ,
На ратниковъ своихъ Россія обращенна,
И стройностію войскъ, и силой возхищенна,

И бодрость видяща пускающуся въ путь,
Подъ громомъ чаяла трубъ звучныхъ отдохнуть;
Блестящія мечи, Россійскія сраженья,
Сулили больше ей, чѣмъ миръ успокоенья.
Прославить воинство предположивъ сіе,
Склонилъ къ нему Творецъ вниманіе свое.
И се! къ знаменамъ ихъ побѣда обратилась,
Но свѣтлая заря взошла и помутилась;
Какъ будто льющійся въ луга съ горы потокъ,
Россійской щастіе препнулъ на время рокъ.
Горѣли мужествомъ ужѐ сердца геройски.
И ставилъ Іоаннъ въ порядокъ ратный, войски,
Которы принесли отъ странъ различныхъ въ дань,
Любовь къ отечеству, злодѣямъ страхъ и брань,
Летящи мыслями и мужествомъ къ Казани,
Ужѐ простершія къ сраженью мечь и длани.
Вдругъ видятъ съ южныхъ странъ, идущу пыль столпомъ;
И конскій топотный внимаютъ бѣгъ потомъ;
Приближилось къ Царю, какъ вихрь, видѣнье тое,
И разступилося что облако густое;
Явилися гонцы Россійски наконецъ,
Которыми влекомъ Ордынскій былъ бѣглецъ.
Написанна боязнь, у нихъ на лицахъ зрима;
И вопіялъ бѣглецъ: война! война отъ Крима!
Ужѐ со множествомъ бунтующихъ Татаръ,
Рязань опустошилъ Ханъ Крымскій Исканаръ;
Москвы не истребивъ, сей Ханъ не хощетъ мира.
Вы зрите предъ собой его раба Сафгира.
Какъ будто человѣкъ при самомъ бывъ концѣ,
Изображенну смерть являлъ Сафгиръ въ лицѣ;
Отверста грудь его, раздранная одежда,
Являли, что ему одна была надежда

По-

Позорно кончить жизнь; склонивъ главу стоялъ,
И къ Царскимъ вдругъ ногамъ трепещущій упалъ;
Но бодрости Монархъ отчаяннымъ податель,
Спросилъ его: кто онъ? Я рабъ твой и предатель,
Я рабъ твой, землю онъ челомъ бія вѣщалъ;
Симъ словомъ, не войной сердца онъ возмущалъ.
И рекъ ему Монархъ: какъ Царь тебѣ вѣщаю,
Хотя ты мнѣ и врагъ, вину твою прощаю;
Но вѣрности въ залогъ, теперь повѣдай мнѣ
О грозной Кримцами внесенной къ намъ войнѣ.
Щедротой оживленъ духъ бодрый получаетъ,
И слёзы отеревъ предатель отвѣчаетъ:
О! Царь, мнѣ ты простишь, но Богъ, который мститъ
За вѣроломство намъ, вины мнѣ не проститъ;
Ужѐ моей душѣ въ тоску и въ огорченье,
Является теперь мнѣ вѣчное мученье:
Свирѣпый огнь, болѣзнь, и вѣчна смерть, и гладъ,
Пылаетъ кровь моя, ношу я въ сердцѣ адъ.
Вы чаете, что я рожденъ въ махометанствѣ,
А я увидѣлъ свѣтъ, и взросъ во христіянствѣ;
Отечеству сему злодѣя и врага
На свѣтъ произвели Рязанскія брега.
Позволь мнѣ имяна сокрыти жизнь мнѣ давшихъ,
О пагубѣ моей родителей рыдавшихъ,
Ужѐ ихъ въ свѣтѣ нѣтъ . . . Тутъ пролилъ слёзы онъ,
И въ грудь себя бія пускалъ глубокій стонъ,
И тако продолжалъ: Ихъ нѣтъ! а я остался,
Дабы томился въ вѣкъ и токомъ слезъ питался;
Прибѣгъ я тако въ Кримъ искати щастья тамъ,
Къ соблазну юности, душѣ въ позоръ и срамъ;
О! лучше бы не знать рожденья мнѣ и свѣта,
Я тамо впалъ во тму пророка Махомета;

И льстящая меня въ то время щастія тѣнь,
Дала богатство мнѣ и знатную степень;
Отъ глазъ моихъ была святая вѣра скрыта.
И вдругъ увидѣли во Кримѣ мы Сеита,
Который предложивъ отъ Ордъ Казанскихъ дань,
Вдыхаетъ намъ въ сердца противу Россовъ брань;
Корыстью, вѣрою, и лестью ослѣпленны,
Симъ старцемъ всѣ чины явились уловленны;
И силы многія собравый Исканаръ,
Нагайскихъ приклонилъ къ странѣ своей Татаръ;
Казанцы златомъ насъ, и ратью подкрѣпили.
Съ свирѣпствомъ варварскимъ въ Россію мы вступили;
Предъ нами огнь летѣлъ, за нами страхъ, и гладъ;
Пустыни дѣлались, гдѣ цвѣлъ не давно градъ;
И будтобы съ собой законъ Махометанской,
Приноситъ жадный духъ ко крови Христіянской,
Къ отечеству любовь и чувства потуша,
Остервлена была на кровь моя душа.
Я первый, можетъ быть, не зная казни близкой,
Я первый мечь омылъ, мой мечь, въ крови Россійской;
Не тронутъ плачемъ былъ ни отроковъ ни женъ.
Тогда отъ воинства съ дружиной отряженъ,
Пошелъ опустошать я дальнія предѣлы,
И въ пепелъ обращалъ встрѣчаемыя селы;
Рѣками кровь точилъ; и въ нѣкій грозный день,
Когда простерла нощь на землю перву тѣнь,
Со пламенемъ мы домъ и съ воплемъ окружили;
Бѣгутъ отъ нашихъ стрѣлъ, которы въ ономъ жили,
И старецъ мнѣ сквозь мракъ являлся въ сѣдинахъ,
Котораго гнала и смерть и общій страхъ;
Сей старецъ отъ мечей и копей укрывался,
Онъ руки вознося слезами обливался;

О варваръ! стономъ я не тронулся его;
Я бросилъ копіемъ свирѣпствуя въ него,
И грудь его пронзилъ. Омытый старецъ кровью,
Со Христіянскою вѣщалъ тогда любовью:
Простите небеса убійцѣ смерть мою!
Я долгъ естественный природѣ отдаю,
Мнѣ тако жизнь скончать назначила судьбина;
О! естьли сынъ мой живъ, благословляю сына!
Когда же духъ его съ послѣдней кровью текъ,
О Боже!... имя онъ мое вздохнувъ изрекъ...
Я стрѣлы острыя и мечь мой отвергаю,
Ко умирающу я старцу прибѣгаю;
И въ немъ родителя нещастный познаю!
Онъ кончилъ жизнь; а я недвижимый стою!
Когда моя душа изъ тѣла вонъ летѣла,
Отторгнутъ вскорѣ былъ отъ драгоцѣнна тѣла;
Лишенный чувствъ моихъ, я впалъ во смертный сонъ;
Но мнѣ спокойствія не могъ принесть и онъ.
Прости мнѣ медленность въ сказанъѣ таковую,
Я нѣчто нужное, о! Царь мой повѣствую:
Во снѣ родителя я видѣлъ моего,
Вонзенно копіе я зрѣлъ во грудь его;
Объемлетъ хладною отецъ меня рукою,
И мнѣ трепещущь рекъ: не трать, не трать покою,
Прощаю я тебя; но скройся отъ Татаръ;
Погибнетъ съ воинствомъ Сеитъ и Исканаръ!
Онъ къ небу поднялся... Я въ страхѣ пробудился,
И въ саму ону нощь отъ Кримцовъ удалился;
Бѣжалъ Россіянамъ видѣнье возвѣстить.
Хощу ли быть прощенъ? И льзяль меня простить?
На смерть сюда пришелъ врагъ общій безъ боязни.
Сафгиръ простеръ главу, и ждалъ достойной казни.

Но Царь вѣщалъ ему: не мнѣ за грѣхъ твой мстить;
Прощаю то тебѣ, что я могу простить;
Но казни избѣжать въ судѣ по смерти строгомъ,
Покаясь предо мной, покайся и предъ Богомъ.

Сафгиръ бывъ страшнымъ львомъ, сталъ кротокъ какъ (овéнъ,
И скрылся отъ людей крещеньемъ омовенъ.

Но Царь взирающій Казанцовъ на кичливость;
И видя хитрость ихъ, вражду, несправедливость,
Подобно какъ парящь за добычей орелъ,
Который близъ гнѣзда ползущихъ змій узрѣлъ,
Въ поляхъ воздушныхъ птицъ безъ брани оставляетъ,
И свой полетъ къ змiямъ мгновенно направляетъ.

Такъ взоры отвративъ отъ предлежащихъ странъ,
Бросаетъ грозный взглядъ къ полудню Iоаннъ;
И тамо внемля громъ нечаянныя бра́ни,
Туда войну склонялъ, оставивъ путь къ Казани;
На Исканара мечь онъ въ мысляхъ обращалъ,
И всѣхъ къ тому привлечь, Боярамъ такъ вѣщалъ:
Отъ первой храбрости, движенiя и жара,
Отъ первыя стрѣлы, отъ перваго удара,
Зависятъ иногда сраженiе и брань;
Мы Кримцовъ побѣдивъ, разрушимъ вдругъ Казань;
Злодѣйски замыслы Ордынцовъ уничтожимъ;
Пойдемъ и первую ограду ихъ низложимъ;
Я самъ, я самъ иду противу сихъ Татаръ,
Съ которыми притекъ грабитель Исканаръ.

Внимая въ небесахъ намѣренья такiя,
Низходитъ ко Царю божественна Софiя;
Одежды бѣлыя, горящи вкругъ лучи,
Какъ звѣзды свѣтлыя блистающи въ ночи;
Прозрачны облака, что вкругъ ея ходили,
Въ ея присудствiи Монарха утвердили;

Она

Она глаза его и мысли привлекла,
И зрима только имъ, сіи слова рекла:
О! Царь въ твоихъ рукахъ всея державы цѣлость;
Отваживай свою при важномъ дѣлѣ смѣлость;
Постыдна для тебя со Исканаромъ брань;
Твоихъ перуновъ ждетъ бунтующа Казань.
Изчезло наконецъ небесное явленье.
Вельможи зрящія Царя во изумленьѣ,
И чая разогнать сумнительствъ мрачну тьму:
Къ Казани ли итти, на Крымцовъ ли ему?
Нарочно межъ собой стѣснившись разсуждали;
И мудрости совѣтъ согласно подтверждали.
Что медлить здѣсь еще? бесѣдуютъ они,
Имѣемъ лѣтнія благополучны дни;
На Крымцовъ коль итти, опять зима настанетъ;
И надъ Казанію нашъ громъ въ сей годъ не грянетъ.
Отраву между тѣмъ зберетъ сей злый сосудъ,
И сокрушить его настанетъ большій трудъ;
На Кримцовъ устремить движенія геройски,
И полководцы есть у насъ и храбры войски.
Царь внялъ, и къ Курбскому съ возторгомъ обратясь,
Вѣщалъ: о! храбрый мужъ, и славный въ бранях Князь,
Тебѣ спасеніе отечества вручаю,
Въ тебѣ любви къ нему горячность примѣчаю;
Грабителей казнить, на Кримцовъ ты иди,
Взявъ третью войска часть, ступай и побѣди!
Такъ Курбскій былъ почтенъ за храбрость прево-
И ревность во сердцахъ умножилъ благородну; (сходну,
Какъ къ солнцу за орломъ птенцы летящи въ слѣдъ,
Такъ юноши за нимъ стремятся для побѣдъ.
И видится сей мужъ мнѣ ратью окруженный,
Царемъ, боярами, и войскомъ уваженный;

Сіяющъ, какъ луна между звѣздами въ тмѣ,
Въ душѣ усердіемъ и славой во умѣ;
О! Царь вѣщаетъ онъ, меня найдетъ побѣда,
Во браняхъ твоего держащагося слѣда!
Коль царству предлежитъ опасность и бѣда,
Не страшенъ пламень мнѣ, ни вихри, ни вода.
Россіяне къ трудамъ и къ славѣ сотворенны;
(Отечествомъ своимъ лишъ былибъ ободренны.)
Надежду слово то во всѣхъ произвело;
Спокойствомъ Царское вѣнчалося чело;
Но вскорѣ онъ Царя и ратниковъ оставилъ,
И съ третью воинства на Тулу путь направилъ.
Ханъ Кримскій между тѣмъ Рязань ужè претекъ;
Какъ змій великій хвостъ, различны войски влекъ;
Куда ни падали изъ рукъ его удары,
Вездѣ лилася кровь, и зрѣлися пожары;
На бурныхъ крыліяхъ когда борей течетъ,
Что встрѣтится ему, все ломитъ и влечетъ;
Высоки зданія, дремучій лѣсъ объемлетъ,
Валитъ, и въ ярости онъ треску ихъ не внемлетъ.
На разрушеніе Россіи устремленъ,
Свирѣпый Исканаръ разитъ, беретъ во плѣнъ.
Россійской кровію Сеитъ вездѣ алкаетъ,
Младенцовъ убивать Ордынцовъ подстрекаетъ;
Велитъ потоки слезъ и вопль пренебрегать;
Россіянъ не щадить, ихъ грады пожигать.
Сей старецъ, въ бѣшенствѣ и во свирѣпствѣ яромъ,
Защитникомъ своимъ ругался Исканаромъ;
Подъ видомъ будтобы закону онъ радѣлъ,
И мыслями его и войскомъ овладѣлъ;
И злобѣ ни на часъ не зная утоленья,
Мучительны давалъ Ордынцамъ наставленья.

Такъ

Такъ гордость завсегда является страшна,
Подъ видомъ святости гдѣ вкрадется она;
Какъ руки, крестъ нося, она окровавила,
Сіе нещастная Америка явила.
Сеитъ сугубою прельщается алчбой;
Любовь злодѣю льститъ и кроволитный бой;
Несытый Крымскаго владѣтеля услугой,
Плѣнился Ремою Сеитъ, его супругой,
И къ цѣли гнусныя желанья довести,
Принудилъ съ воинствомъ Царя на брань итти.
Но нѣжная сія въ любви Махометанка,
Природой сущая была Иліріянка;
Когда оружія разтратятся у нихъ,
Кидали во враговъ они дѣтей своихъ,
И варварки сіи ихъ члены разрывали;
Противниковъ своимъ рожденьемъ убивали.
Отъ крови таковой и Рема родилась,
Она любви во плѣнъ, не власти отдалась,
И ставъ прельщенная прекраснымъ Исканаромъ,
Любила завсегда супруга съ равнымъ жаромъ,
Но видя, что его изъ стѣнъ влечетъ война,
Слезами убѣждать пришла Царя она.
Сему противилась, въ Сеитѣ страсть возженна;
Онъ рекъ, что безъ него не будетъ брань рѣшенна;
Что въ будущихъ дѣлахъ ему дающій свѣтъ,
Открылъ ему сіе пророкъ ихъ Махометъ,
И будетъ имъ однимъ попранна вся Россія;
Скрывали злую мысль и страсть, слова такія.
Тогда вообразивъ войнительный свой полъ,
Оставя роскоши, спокойство и престолъ,
Не могши въ жизни быть одна благополучна,
Съ супругомъ Рема быть желаетъ неразлучна,

От-

Отправилась на брань и страхи купно съ нимъ.
Успѣхи потерялъ Сеитовъ умыслъ симъ;
Однако наущенъ коварствами своими,
И старецъ сей пошелъ, для Ремы въ поле съ ними.
Тогда алкающихъ вступить съ Россіей въ бой
Срациновъ пригласилъ военной Кримъ трубой,
Которыя уснувъ во тмѣ махометанства,
Врагами вѣчными являлись христіянства.
Но сихъ сподвижниковъ сраженья, и война
Была съ суровостью грабителей равна;
На брань стремили ихъ, ни мужество, ни слава;
Корысть ихъ цѣль была, а смерть враговъ забава.
Склоняетъ подъ свои знамена Исканаръ,
Нагайскихъ жаждущихъ сраженіевъ Татаръ;
Сіи отъ береговъ Уфинскихъ удалились,
И странствуя въ степяхъ, близъ Крима поселились;
Не знаютъ класами они покрытыхъ нивъ,
Ни сладкаго плода, ни масличныхъ оливъ.
Не изнуряя силъ надъ пашнею трудами,
Обилуютъ млекомъ и тучными стадами;
Въ походахъ воинство безбѣдствуетъ сіе;
Кони ихъ пища имъ, и кровь ихъ питіе;
Гдѣ отдыхъ есть для нихъ, тамъ зрится и трапеза.
Броня ихъ сплетена изъ мягкаго желѣза;
Закрыты ею вкругъ въ сраженіи они;
Желѣзны кажутся подъ ними и кони;
Набѣги быстры ихъ въ сосѣдственны предѣлы;
Оружіе у нихъ, кинжалъ, копье и стрѣлы.
Впуская варвары въ желѣзо смертный ядъ,
Лишаютъ жизни вдругъ, кого копьемъ разятъ;
И стрѣлы въ высоту отъ ихъ луковъ пущенны,
Проходятъ сквозь тѣла изъ облакъ возвращенны;

Но

Но долго ратники сражаться не могли,
И малый зря уронъ, отъ грома прочь текли.
Сіи воители, искавъ блаженства, нынѣ,
Въ подданство принесли сердца ЕКАТЕРИНѢ.
Защитникамъ своимъ отважнымъ Кримцамъ въ дань,
Оружья огненны устроила Казань,
И злобу въ ихъ сердца противъ Москвы вливала;
Сей хитростью Казань унывша уповала
Россійской храбрости пареніе пресѣчь,
И брань, кроваву брань, къ другой странѣ отвлечь.
Но тщетно мыслію твоей надежда водитъ;
Подъемлетъ Богъ перунъ; Казань! твой рокъ приходитъ.
На силы опершись Ордынскія она,
Спокойства зрѣлася и радости полна;
Ужè союзниковъ въ Одоевскѣ встрѣчала,
И заключенну смерть въ пищаляхъ имъ вручала.
Такія воинства Ханъ Кримскій къ Россамъ влекъ,
Какъ бурный вихрь шумя подъ Тулу онъ притекъ;
Часть воинствъ разославъ о ихъ на промыслъ пищѣ,
Устроилъ на брегахъ Упинскихъ становище;
И дать начальникамъ и ратникамъ пиры,
Онъ златомъ тканыя разставилъ вкругъ шатры;
Пограбленною онъ корыстью веселился,
И кровью Россіянъ съ чиновными дѣлился.
Но Рема не могла спокойна быть одна;
Являлася въ пирахъ задумчива, блѣдна;
Съ супругомъ вмѣстѣ бывъ, не чувствуетъ покою,
Дары его беретъ дрожащею рукою;
Убранства къ ней или невольницъ привлекутъ,
Слезъ токи у нее, какъ градъ изъ глазъ текутъ;
Отъ злата зрѣніе и пищи отвращала,
Собывшуся потомъ погибель предвѣщала.

На прелести ея взирающій Сеитъ,
Москва отъ насъ близка, вздыхая говоритъ,
Мы скоро съ пламенемъ войдемъ въ сію столицу,
Увидишь падшу ихъ къ твоимъ ногамъ Царицу;
Возложишь на себя Россійскій ты вѣнецъ;
Пришелъ державѣ сей, ужѐ пришелъ конецъ!
Смотрящій въ ночь сію на круги я небесны,
Постигнулъ таинства для смертныхъ неизвѣстны:
Я видѣлъ въ воздухѣ всей нашей рати строй,
И вдругъ Россіяне дерзнули съ нами въ бой;
Среди военнаго движенія и жара,
Познaлъ я одного предъ войскомъ Исканара;
Какъ молніею онъ, Россіянъ поражалъ,
Всѣ силы сокрушилъ; Московскій Царь бѣжалъ;
Конечно сбудется видѣнье мною зримо;
Но стань предъ войсками о! Царь необходимо.
Внимали все тому, что старецъ сей вѣщалъ,
Онъ Хана паче всѣхъ сей баснью возхищалъ.
Согласенъ съ старцемъ онъ; но Рема не согласна;
Отважность для нея супружняя ужасна;
И зрится ей, что кровь изъ ранъ его течетъ;
Не отпущу его, рыдающа речетъ:
Владѣтеля хранить, всѣхъ воевъ должно болѣ;
Коль онъ пойдетъ; и я пойду въ кроваво поле!
Когда главѣ его, увы! коснется мечь,
То кровь моя должна съ супружней кровью течь!
У стремени его я буду неотступно;
Побѣды лавръ приму, иль смерть вкушу съ нимъ купно.
Всю сладость хитрости Сеитъ употребилъ,
И Рему быть съ нимъ во станѣ убѣдилъ.
Но Курбскій въ шествіи минуты изчитаетъ,
И съ войскомъ пламеннымъ, лѣсъ, гóры, прелетаетъ;

Одо-

Одолѣваетъ гладъ, одолѣваетъ сонъ;
Приближился ужѐ къ предѣламъ Тульскимъ онъ,
И возвратилъ сему трепещущему граду,
Спокойство прежнее, надежду, и отраду.
Тамъ видя жители съ высокихъ Кримцовъ стѣнъ,
Мечтали грозну смерть, свою напасть и плѣнъ;
И помня страшныя Ордынскія набѣги,
Слезами горькими омыли тучны брéги;
Но Курбскаго въ нощи почувствуя приходъ,
Въ немъ видитъ Ангела защитника народъ.
Дрожащая луна на небеса возходитъ,
Блистательныхъ плеядъ и скорпія выводитъ;
Желая воинству отдохновенье дать,
Подъ Тулой Курбскій сталъ разсвѣта ожидать.
Онъ зналъ, что Исканаръ съ грабительной толпою,
Свой станъ разположилъ, и войски надъ Упою;
Начальникъ воинство примѣромъ возхищалъ,
И ратниковъ собравъ, сіи слова вѣщалъ:
Въ подпору малый сонъ принявъ изнеможенью,
Назавтре съ Кримцами готовьтеся къ сраженью.
Вы пóмните, что Царь велѣлъ намъ побѣдить,
Почтимся мы его желанью угодить;
Не злашомъ Кримскимъ васъ, о! други обольщаю,
Не Исканаровъ станъ добычей обѣщаю,
Не гнусная корысть зоветъ ко брани васъ;
Спасенье общее, и вашей славы гласъ.
Вниманіе свое на Тулу обратите,
Тамъ всѣ вамъ вопіютъ: спасите насъ, спасите!
Мы должны кровію спокойство имъ купить;
Подите храбрый духъ сномъ краткимъ подкрѣпить.
Вздремали ратники; и бывшу утру рану,
Ко Исканарову ихъ Курбскій двигнулъ стану.

Тамъ роскошь гнусная, устроивъ гордый тронъ,
Простерла на своихъ любимцовъ томный сонъ;
Не брань кровавая, не остріе желѣза;
Имъ зрится сладкая въ мечтаніи трапеза.
Неосторожности являющій примѣръ,
Надъ стражей крыліе глубокій сонъ простеръ,
Которая въ мечтѣ Москву пренебрегала,
Врата и валъ, глаза сомкнувши, облегала.
Но Курбскій презрящій не равный съ ними бой,
Даетъ къ сраженью знакъ звучащею трубой;
Сей звукъ подобенъ былъ удару громовому,
Который бросилъ огнь къ трепещущему дому;
Отъ Кримцовъ сонъ бѣжитъ, ихъ будитъ смертный страхъ;
Какъ бурный вихрь, возставъ, подъемлетъ въ полѣ прахъ,
Такъ близкая напасть и смерть отвсюду зрима,
Подъемлетъ воинство притекшее изъ Крима.
Бѣгутъ къ оружію, текутъ они къ конямъ,
Ступаютъ, ихъ искавъ, по собственнымъ бронямъ;
Въ отчаяньи, когда своихъ людей встрѣчаютъ,
Въ шатры кидаются, что видѣть Россовъ чаютъ.
Облекся наконецъ бронею Исканаръ,
И выбѣжавъ зоветъ разсѣянныхъ Татаръ:
О! робкія, вскричалъ, спасаетъ ли васъ бѣгство?
Пойдемъ, и упредимъ отпоромъ наше бѣдство!
Внимая рѣчь его, пускала стонъ Упа,
И ратная кругомъ стѣсняется толпа;
Сеита вспомнивъ Ханъ напасть пренебрегаетъ,
Исторгнувъ острый мечь, на валъ одинъ взбѣгаетъ.
Когда предъ войскомъ онъ звучащь бронями текъ,
Супругу отъ него Сеитъ въ шатеръ отвлекъ;
Ей тамо подтвердивъ небесное видѣнье,
Съ совѣтомъ съединилъ къ покорству убѣжденье.

От Россов Исканар Ордынцов защищал;
Рукою острый меч толь быстро обращал,
Что молніями он в руках его казался,
И смерть вносил в сердца, кому во грудь вонзался;
Отважный дух в его дружинѣ возгорѣл;
На Россов сыплется шумящих туча стрѣл;
На шлемы падают они сгущенным градом,
И разтравляются глубоки раны ядом.
Россіяне на вал разсвирѣпѣв летят;
Но копіи, как лѣс, противу их стоят;
Надежда ратников близ Хана умножает,
И туча воинов другую отражает.
Но Курбскій видящій, что храбрый Исканар,
Единый подкрѣпил и в брань привлек Татар,
Злодѣя общаго в сем Ханѣ ненавидит;
Но в нем достойнаго противуборца видит.
Как с горних мѣст звѣзда летящая в ночи,
Течет, склонив копье, сквозь копья и мечи,
Щитом тяжелым грудь широку покрывает;
Пред валом став, Царя к сраженью вызывает!
Пустился Исканар львом страшным на него,
И хощет копіем пронзити грудь его;
Но Курбскій твердый щит против копья уставил,
И сам подобное орудіе направил;
Ломают их они, друг друга не язвят,
И древки с треском вверьх по воздуху летят.
Герои на мечи надежду возлагают,
Как будто два луча мгновенно исторгают;
Сразилися они; под Курбским конь падет;
Оставив он коня противуборца ждет,
Который на него взор пламенный возводит;
Рѣшит ужасный бой; с коня и сам низходит.

Блеснули молнiи; мечи ихъ вознеслись,
Ударились, и вкругъ удары раздались;
У предстоящихъ войскъ ударъ смыкаетъ взоры,
Онъ съ шумомъ пробѣжалъ сквозь рощи и сквозь горы.
Отважный Исканаръ разсѣкъ у Князя щитъ;
И Курбскiй ставъ уже сопернику открытъ,
Ни младости Царя, ни мужеству не внемлетъ;
Свой мечь обѣими руками вдругъ подъемлетъ,
И будто тяжкiй млатъ обруша на него,
Отсѣкъ и шлема часть; и часть главы его!
Покрылся кровью Ханъ, ланиты поблѣднѣли,
Онъ палъ; брони его какъ цѣпи зазвенѣли.
Когда въ глазахъ его свѣтъ солнца изчезалъ,
Въ послѣднiй воздохнувъ: о! Рема, онъ сказалъ.
Разсыпалась стѣна Россiянъ удержавша.
Какъ будтобы рѣка пути себѣ искавша,
Которая съ вершинъ коль быстро ни текла,
Плотиной твердою удержана была;
Но вдругъ ее сломивъ, и чувствуя свободу,
Бросаетъ съ яростью въ поля кипящу воду:
Такъ наши ратники, сугубя гнѣвъ и жаръ,
Бездушна Хана зря, пустилися въ Татаръ;
Отчаянье велитъ Ордамъ не унижаться,
Отчаянье велитъ симъ варварамъ сражаться.
Но храбрость огненна; сiя душа войны,
Являлася въ лучахъ съ Россiйскiя страны;
И робость ли сердца, и зрѣнiе смущала,
Иль Тула въ тѣ часы Ордынцамъ предвѣщала,
Искусства коими прославится она,
Готовя на враговъ громъ въ наши времяна;
Изъ нѣдръ земныхъ гремятъ пищали изходящи,
Подъемлются шары огонь производящи;

Ме-

Мечами вѣтьвія являются древесъ,
И дышущь пламенемъ кругомъ стоящій лѣсъ.
Ордынцы дрогнули; въ крови оставивъ Хана,
Какъ токи водныя текутъ въ поля изъ стана;
Но въ мрачныхъ вихряхъ смерть бѣжаща имъ во слѣдъ,
Отверзнувъ челюсти взяла у нихъ передъ;
Строптивая Орда, какъ зжатый вѣтръ, завыла,
Предъ ними смерть стоитъ, ихъ ужасъ гонитъ съ тыла.
Превыше звѣздъ сѣдящь отверзнувъ свой чертогъ,
Подобный столпъ огню, простеръ на землю Богъ;
Со многозвѣзднаго разтворенного неба,
Безсмертныхъ воиновъ послалъ съ Борисомъ Глѣба,
Любезныхъ братіевъ, которыхъ Святополкъ
Угрызъ во младости, какъ агнцовъ лютый волкъ;
Держа надъ Россами вѣнцы побѣдоносны,
Пустили молніи въ Ордынцовъ смертоносны.
Духъ мщенія въ сердцахъ Россійскихъ возгорѣлъ,
Летятъ за Крымцами скоряй пернатыхъ стрѣлъ;
Едина казнь видна не видно въ полѣ брани;
Тотъ скачетъ на конѣ, нося стрѣлу въ гортани;
Иной въ груди своей имѣя острый мечь,
Отъ смерти думаетъ носящій смерть утечь;
Иной пронзенный въ тылъ, съ коня стремглавъ валится,
И съ кровью жизнь спѣшитъ его устами литься.
Глаза подъемлюща катится тамъ глава,
Произносящая невнятныя слова;
Иной безпамятенъ въ кровавомъ скачетъ полѣ,
Но конь его стремитъ на копья по неволѣ;
Отъ рыщущихъ во слѣдъ стараясь убѣжать,
Ордынцы начали Ордынцовъ поражать;
Братъ смертью братнею дорогу отверзаетъ,
Въ бѣгущаго предъ нимъ другъ въ друга мечь вонзаетъ.

Вопль

Вопль слышанъ далеко, звукъ бьющихся желѣзъ,
И сила Кримская валится яко лѣсъ;
Погибли всѣ враги, коль быстро ни бѣжали,
На многи поприщи тѣла ихъ вкругъ лежали.
Гдѣ славою блисталъ вчера надменный Ханъ,
Князь Курбскій получилъ добычей оный станъ;
Но Ханомъ бывыя до брани удаленны,
Шатрами Кримскими, и щастьемъ ослѣпленны,
Ордынцы валъ прешли; зовутъ своихъ: и вдругъ
Россійски воины объемлютъ ихъ вокругъ;
Имъ руки, ни сердца, къ отпору не служили,
Они оружія къ стопамъ ихъ положили.
Прощаетъ Курбскій сихъ. Тогда скрывался день,
И ночь готовила землѣ прохладну тѣнь;
На блѣдныя тѣла, съ печалью онъ взираетъ,
Стонъ внемля раненыхъ, слезъ токи отираетъ;
Се! слѣдствія войны: стоящимъ говоритъ!
И вдругъ сквозь тонкій магкъ, жену бѣгущу зритъ,
Которая власы имѣя разпущенны,
Отверзтыя уста, и очи развращенны;
Остановлялася, и вдругъ поспѣшно шла,
Рыдала, мертвыя подъемлюща тѣла,
Смотрѣла имъ въ лице, и прочь отъ нихъ бѣжала;
Отрубленну главу въ рукахъ она держала,
Еще имѣющу отверстыя глаза.
У сей главы въ лицѣ являлася гроза,
И кровь текла, во знакъ недавнаго удара;
Бѣгуща, тѣло зритъ лежаща Искaнара;
По шлему, по чертамъ, по чувствамъ познаетъ;
Се ты, дражайшій Князь! нещасна вопіетъ;
И въ Россовъ вдругъ главу отрубленну пустила;
Сказавъ: О! естьлибъ вамъ я также отомстила,

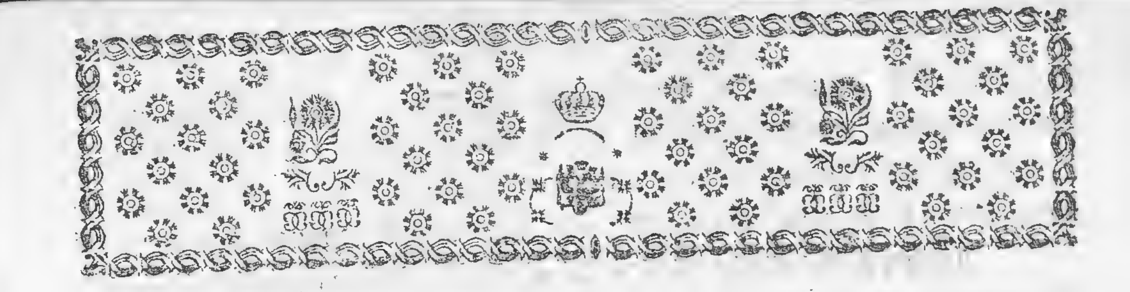
Какъ

КакЪ мстила Ханску смерть предателю сему,
ЯбЪ жертву принесла пріятную ему;
ОстатокЪ ва́рвара, который вамЪ подобенЪ,
Примите; зло творить и мертвый онЪ удобенЪ.
Летящая глава, творя чрезЪ воздухЪ путь,
ИзЪ РоссовЪ одному ударилась во грудь;
Хоть смертной блѣдностью была она покрыта,
Познали плѣнники тогда главу Сеита.
ОтЪ тѣла Курбскій влечь нещастну повелѣлЪ,
ЛетятЪ кЪ ней воины, летятЪ скоряе стрѣлЪ;
Но тщетно помощь кЪ сей отчаянной дерзала;
Она увидя ихЪ кинжаломЪ грудь пронзала;
На Исканара кровь изЪ сердца полилась,
Упала и сЪ ЦаремЪ, кончаясь, обнялась.
Тогда предЪ Курбскаго невольникЪ приведенный,
ВоеначальникомЪ и войскомЪ ободренный,
Печальной повѣстью геройскій духЪ смущалЪ;
То Рема жизнь свою пресѣкла, онЪ вѣщалЪ,
Я не былЪ отлученЪ отЪ Ремы на минуту;
Когда познали мы свою судьбину люту,
Что Исканара нѣтЪ; СеитЪ вЪ шатерЪ притекЪ,
И Рему на коня безпамятну повлекЪ;
БѣжалЪ я вЪ слѣдЪ за нимЪ; держа ее руками
Между Ордынскими скакалЪ СеитЪ полка́ми;
Но Рема наконецЪ сама вЪ себя пришедЪ,
Тоской оживлена и тысящію бѣдЪ,
Обманы старцовы и хитрость вобразила,
Сѣдяща вмѣстѣ сЪ нимЪ, кинжалЪ вЪ него вонзила.
Я Рему зрѣлЪ тогда подобну страшну льву,
Отсѣкшую мечемЪ Сеитову главу.
Ни сле́зы, ни боязнь ее не удержала,
Она сЪ главой назадЪ ко стану побѣжала;

Ца-

Царицу удержать, сюда склонилъ я путь,
Сюда, дабы на смерть толь горестну взглянуть!
Но Курбскій утоливъ на Исканара злобу,
Велѣлъ единому предать два тѣла гробу;
Слезами ихъ любовь нещастну оросилъ,
И горесть нѣкую подъ лаврами вкусилъ.
Симъ кончилась война возженная отъ Крима,
Которая была опасной прежде зрима;
И Князь усердіемъ къ отечеству разженъ,
Вѣнчанный щастіемъ и славой окруженъ,
Какъ быстрая стрѣла Россіянъ достигаетъ;
Онъ лавры ко стопамъ Царевымъ полагаетъ,
Вѣщая: Іоаннъ! прими вѣнцы сіи;
Не мнѣ принадлежатъ; но суть они твои;
Твоими пріобрѣлъ побѣду я полками,
И Кримцовъ истребилъ ихъ силой, ихъ руками!
Велика слава то, но слава не моя;
Ихъ въ брани мужества свидѣтель только я;
Яви щедроты имъ въ досаду побѣжденнымъ;
И я почту себя за трудъ мой награжденнымъ.
Объемлетъ Курбскаго какъ друга Іоаннъ;
Вѣнчаетъ лаврами его Россійскій станъ;
На храбрыхъ ратниковъ Монаршею рукою
Щедроты полились обильною рѣкою.
Усердіе въ сердцахъ Россійскихъ возрасло,
И бодрыхъ воиновъ умножилось число;
Простерся по сердцамъ и духъ, и пламень брани,
И тако двигнулась Россія вся къ Казани.
Молва на крылахъ предъ ней въ Казань паритъ,
Несутъ оковы къ вамъ! Ордынцамъ говоритъ;
Россійскихъ войскъ число, числомъ языковъ множитъ;
За Волгой сѣетъ страхъ, разитъ, томитъ, тревожитъ.

ПѢСНЬ

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ.

Колико бѣдственной судьбѣ подверженъ свѣтъ!
Въ немъ блага твердаго, въ немъ вѣрной славы нѣтъ;
Великія моря, высоки горы скрылись,
И царства многія въ пустыни претворились;
Гремѣлъ побѣдами, владѣлъ вселенной Римъ,
Но слава Римская изчезла яко дымъ;
И небо никому блаженства не вручало,
Котораго бѣ лучей ничто не помрачало;
Не можетъ щастія не меркнуть красота,
И въ солнцѣ, и въ лунѣ есть темныя мѣста.
Кругомъ сѣдящія на олтарѣ фортуны,
Являются цвѣты и страшныя перуны.
Ко славѣ Іоаннъ цвѣтами прежде шелъ;
Но терніемъ встрѣченъ былъ, и зло преодолѣлъ,
Попралъ влекущее его во адъ коварство,
И спасъ терпѣніемъ отъ бѣдства государство.
Вѣнчалась класами Церерина глава,
И солнце въ небесахъ горѣло въ знакѣ льва;
Сей знакъ, щастливый знакъ предзнаменуетъ войску
И храбрость пламенну, вѣнецъ, и вѣтьвь геройску.
Ужѐ кипящая подъ веслами вода
Являетъ на Окѣ Россійскія суда;
Надеждѣ, ревности, и щастію врученны,
Плывутъ снарядами и пищей отягченны;

 При-

Пріемлютъ Волжскія шумящія струи
На влажныя свои хребты суда сіи;
И гласы трубныя далеко раздаются;
Въ рѣкахъ брони звучатъ; въ Коломнѣ слёзы льются.
Другую войска часть со стѣнъ сей городъ зритъ,
Которая на брань, какъ стадо птицъ, паритъ;
Стонаетъ тучный брегъ подъ ратными полка́ми,
И пыль густыми ихъ объемлетъ облаками,
Скрываются они за крутизною горъ;
Слухъ внемлетъ пѣсни ихъ; но войскъ не видитъ взоръ;
И будто на своихъ дѣтей еще взираютъ,
Отъ стѣнъ родители къ нимъ ру́ки простираютъ,
И теплыя мольбы возносятъ къ небесамъ:
Да возвратятъ сыновъ во славѣ ихъ очамъ.
Какъ туча молніи въ груди своей несуща,
Перунамъ пламеннымъ свободы не дающа,
Высокимъ зданіямъ и хижинамъ грозитъ,
Но въ нѣдрахъ кроя смерть, идетъ и не разитъ:
Толикій гнѣвъ несетъ и молніи такія,
Къ Казани съ пламенемъ грядущая Россія;
Отмщенье мечь держа среди ея полковъ,
Ведетъ къ сраженью ихъ внизъ Волжскихъ береговъ.
Царь будто двѣ руки простеръ на брань съ Ордою,
Одну хребтами горъ, другую надъ водою;
Сквозь мрачныя лѣса, чрезъ горы полетѣлъ;
Въ судахъ рѣками плыть Морозову велѣлъ.
Довольство по струямъ простертою рукою,
Влекло сіи суда, идущихъ для покою;
Единой храбростью сердца обременивъ,
Тамъ шествуютъ полки среди обильныхъ нивъ;
Отъ зноя кроются прохладными лѣсами,
Которы громкими пронзаютъ голосами.

Тамъ

Тамъ звѣри дикія къ идущимъ приспаютъ,
И кажется себя имъ въ пищу отдаютъ;
Пріятныя поля, вертепы, рощей тѣни,
Стада поющихъ птицъ, и серны, и елени,
Совокупилось все Россіянъ услаждать;
Всѣ вещи двигнулись Казанцовъ побѣждать.
Тамъ паству тучную луга являютъ злачны;
Тамъ жажду утолять біютъ ключи прозрачны;
Приносятъ нимфы имъ Помонины дары;
То зрится не походъ, но вѣчныя пиры.
Израилю въ пути столбъ огненный предходитъ;
Россіянъ пламенна къ побѣдамъ храбрость водитъ;
Какъ будто изъ бреговъ поднявъ хребетъ рѣка,
И паствамъ и лугамъ грозитъ издалека,
Долины и поля объемлюща въ началѣ,
Суровѣе течетъ, чѣмъ валъ кидаетъ далѣ,
Наполнивъ шумомъ водъ пещеры и лѣса,
И зданія влечетъ и горды древеса:
Такъ воинство на брань Россійское дерзало.
Но щастіе свою невѣрность оказало;
Уже отчаянье тревожило Татаръ,
Мечтался имъ Сеитъ, мечтался Исканаръ.
Уже Россійскихъ войскъ великая громада,
Касалась древняго Владимирскаго града.
Тамъ видятъ озеро извѣстныхъ мутныхъ водъ,
Которыя зоветъ бездонными народъ,
И градъ обрушенный считаетъ быть во ономъ,
Вѣщающій свою погибель частымъ звономъ.
Минуя воинство плачевныя брега,
Преходитъ градскія зеленыя луга;
Извѣстной въ древности нещастьями столицы,
Являются вдали Владимирски бойницы.

Тамъ видимы еще среди крутыхъ бреговъ,
Остатки жалкія пловучихъ острововъ;
Всечасной казнію они изображаютъ,
Коль строго небеса убійцевъ поражаютъ;
И предка Іоаннъ напомнивъ своего,
Сіе прочелъ, въ слезахъ, въ надгробіи его:
Боголюбиваго разторгли, яко звѣри,
Свирѣпы братія Кучковой злобной дщери;
Георгій симъ врагамъ за брата отомстилъ,
Во гробы заключивъ, живыхъ на дно пустилъ.
Земля не емлетъ ихъ, вода въ себя не проситъ,
Подъ видомъ острововъ доднесь убійцевъ носитъ;
Покрыты терніемъ поверьхъ воды живутъ,
И кажется, еще въ своей крови плывутъ.
Царь вспомнивый притомъ Ордынски разоренья,
Направилъ быстрый ходъ злодѣевъ для смиренья.
Ужè онъ Муромски предѣлы прелеталъ,
И Нижній-градъ идущь къ Велетмѣ миновалъ;
Оставивъ Суздальскихъ владѣтелей столицу,
Вступалъ Россійскія державы на границу.
Тамъ видитъ ярости Казанскія слѣды,
Разлившіяся вкругъ, какъ быстрый токъ воды:
Взведетъ ли Іоаннъ слезами полны взоры,
На долы томныя, на возвышенны горы,
На храмы божіи, на селы, на пески;
Все ризой черныя одѣянно тоски;
Въ крови, является, сожженны домы тонутъ,
Дымятся вкругъ поля; лѣса и рѣки стонутъ.
Пролей со мной, пролей, о Муза! токи слезъ,
Внимая плачь вдовицъ и тяжкихъ звукъ желѣзъ.
Печальны матери воителей встрѣчаютъ,
У коихъ слезы взоръ, и лица помрачаютъ,

Терзая грудь свою едина вопіетъ:
Мой сынъ, любезный сынъ, тебя во свѣтѣ нѣтъ!
Я видѣла его на части раздробленна,
Моя надежда съ нимъ и пища погребенна;
Отмстите за него! . . . Упала ницъ она,
И вышла изъ нее душа тоски полна.
Безчеловѣчную Ордынску помня ярость,
Подъемлется съ одра трепещущая старость;
На домъ свой указавъ дрожащею рукой:
Отсюду похищенъ, вѣщаетъ, мой покой;
Не давно набѣжавъ грабители суровы,
Взложили на моихъ дѣтей при мнѣ оковы;
Къ отмщенью видящій удобныя часы,
Подъ шлемомъ бѣлыя скрываетъ онъ власы;
И старцы многія, мечей внимая звуки,
Берутъ оружіе въ трепещущія руки.
Едва біющуся щитомъ покрыли грудь;
Казалось лебеди летятъ съ орлами въ путь;
Полуумершій духъ надежда оживила,
И будто вѣтьвія отъ кореня явила:
Такъ бодрость на челахъ у старцовъ процвѣла,
Котора скрытою, какъ въ пеплѣ огнь, была;
Безсильны отроки примѣромъ ободренны,
Явились въ ратниковъ мгновенно претворенны.
Въ долинѣ древній дубъ простерши тѣнь стоялъ,
Тамъ коренв у него токъ водный напоялъ;
Единъ изъ жителей Царя къ нему приводитъ,
Онъ страшное на немъ писаніе находитъ:
Народамъ симъ велитъ свирѣпая Казань,
Въ залогъ дѣтей привесть, свое имѣнье въ дань;
И естьли въ кратки дни та жертва не приспѣетъ,
То скоро вся страна на вѣки запустѣетъ;

Вос-

Россійской кровію омоются поля,
И будетъ пламенемъ пожерта ихъ земля.
Что дѣлать намъ теперь? нещастный вопрошаетъ
Царя, въ которомъ гнѣвъ и гласы потушаетъ;
Но скрывъ волненье, рекъ: Дадимъ Казанцамъ дань;
Однако не сыновъ; дадимъ кроваву брань!
Пускай отъ здѣшнихъ странъ сіи сыны любезны
Не злато понесутъ, но огнь, мечи желѣзны!
Воздвигли жители какъ море общій гласъ:
Веди, о Государь! скоряй къ Казани насъ!
Тогда предсталъ Царю, кипящему войною,
Почтенный нѣкій мужъ, украшенъ сѣдиною;
И тако возопилъ: Гряди противъ Татаръ,
Однако укроти на время ратный жаръ;
Ихъ пламень, Государь, въ ихъ сердцѣ непростынетъ,
А слава и тебя конечно не покинетъ;
Свое стремленіе, свой подвигъ удержи,
На лунный оборотъ походъ свой отложи;
Не мерзостный подлогъ въ мои слова вмѣщаю;
Для блага общаго сіе тебѣ вѣщаю.
Когда ты поспѣшишь желанною войной,
Войной противъ тебя возстанетъ смертный зной;
И долженъ братися не съ робкою Ордою,
Но съ воздухомъ, съ огнемъ, съ землею, и водою.
О! Царь движенія военны потуши;
Бѣдою общею для славы не спѣши.
Глаголы старика сѣдиной умащенна,
Какъ будто слышались изъ храма освященна;
И напояли всѣхъ какъ сладкая роса.
Но Царь, сказалъ, глаза возведъ на небеса:
О Боже! ты то зришь, что я не ради славы,
Но для спасенія сражаюся державы;

А естьли истребить желаетъ небо насъ,
Россія вкупѣ вся; да гибнемъ въ сей мы часъ!
Но ты премудростью исполненный небесной,
О старче! о дѣлахъ предбудущихъ извѣстной,
Взведи глаза кругомъ, и слухъ твой приклони,
Услышишь вопли здѣсь, увидишь вкругъ огни;
Младенцы бѣдныя о камень пораженны,
Текуща кровь по нихъ, и домы въ прахъ сожженны,
Повелѣваютъ намъ отмщеньемъ поспѣшать;
Зря пламень, можно ли намъ жаръ свой потушать?
Когда царева рѣчь сей страхъ изображала,
Вдругъ дѣва блѣдный видъ имѣюща вбѣжала;
Скрывающи ея печальныя красы
Прилипли ко лицу заплаканну власы;
Потокомъ слезъ она стенящу грудь кропила,
И руки протянувъ къ Монарху возопила:
Неси, о Государь! къ Казани огнь и мечь,
Вели ты воды вкругъ, вели ихъ землю жечь,
Да воздухъ пламенемъ надъ нею обратится;
Но что? Ужъ мой супругъ ко мнѣ не возвратится!
Я смертью многихъ Ордъ не оживлю его,
И жертва лучшая конецъ мой для него;
Вонзите, кто ни есть, мнѣ мечь во грудь стенящу,
Пустите душу вонъ къ любезному хотящу;
Скончайте съ жизнію и муку вдругъ мою.
Стыда я моего предъ вами не таю:
Любовной страстію къ любезному возженна,
Ужѐ была я съ нимъ закономъ сопряженна;
Ужѐ насъ брачныя украсили вѣнцы;
Какъ въ самый оный часъ, всеобщихъ бѣдъ творцы,
Казанцы лютыя, въ Господній храмъ вломились,
И брачныя свѣщи въ надгробны претворились;

 Око-

Оковы нѣжныя, связующія насъ,
Кровавыя мечи расторгли въ оный часъ;
Влекомый мой супругъ отъ глазъ безчеловѣчно,
На мѣсто: я люблю! сказалъ: прости мнѣ, вѣчно.
Рвалася я изъ рукъ, произносила стонъ;
Но далѣ что вѣщать? . . . поруганъ и законъ!
Скитаюся въ лѣсахъ, я странствую въ пустынѣ;
То завтра льщусь найти, чего не вижу нынѣ;
По камнямъ бѣгаю при солнцѣ, при лунѣ,
Нигдѣ не встрѣтится супругъ любезный мнѣ.
О небо! о земля! хоть тѣнь его явите;
Но что вы медлите? грудь вскройте, сердце рвите!
При семъ во всѣ страны кидаяся она,
Повергласъ на копье разсудка лишена;
И воина въ рукахъ копье сїе держаща,
Омыла кровїю лицемъ къ лицу лежаща.
Въ сїи печальныя и страшныя часы,
Подъемлются у всѣхъ отъ ужаса власы;
Царь въ сердцѣ горести носящїй остро жало,
Ко старцу обратясь, вѣщалъ: Еще ли мало!
Еще ли мало намъ причинъ спѣшить на брань?
И аду такова была страшна бы дань;
Простительно ли намъ, судьбину видя люту,
Отсрочивать войну хотя одну минуту?
Орды свирѣпыя мгновенно притекутъ,
Народъ, и съ нимъ тебя въ неволю повлекутъ;
Иное быть Царемъ, иное жить въ пустынѣ;
Не дѣлай! намъ препятствъ, и не кажись отнынѣ.
Но старецъ царскою грозой не укрощенъ,
Отвѣтствовалъ Царю, какъ Богомъ возхищенъ:
Живуща храбрость въ васъ, хоть день, хоть годъ продлится,
Отъ пламенныхъ сердецъ, о Царь! не отдѣлится;

Но

Есть бездна, солнечный куда не входитъ свѣтъ,
Во мракахъ вѣчныхъ тамъ Злочестїе живетъ;
Оно Стигїйскими окружено струями;
Пїетъ кипящїй ядъ, питается змїями;
Простерли по его нахмуренну челу,
Геенски помыслы, печали, горесть, мглу;
Отъ вѣчной зависти лице его желтѣетъ;
Съ отравою сосудъ въ рукѣ оно имѣетъ;
Устами алчными коснется кто сему,
Противно въ мїрѣ все является тому;
Злочастїе войны во свѣтѣ производитъ;
Рукой писателей оно безбожныхъ водитъ,
И ядомъ напоивъ ихъ каменны сердца,
Велитъ имъ отрыгать хулы противъ Творца;
Имѣя пламенникъ, съ привѣтствїемъ строптивымъ,
За щастьемъ въ слѣдъ летитъ, предъидетъ нечестивымъ;
Со знаменемъ предъ нимъ кровавый ходитъ бой;
Его изчадїе тоненье, страхъ, разбой;
Свирѣпство мечь остритъ вокругъ его престола;
Ни рода не щадитъ, ни разума, ни пола;
Колеблетъ день и нощь, ограду общихъ благъ;
Оно безчинства другъ, народной пользы врагъ;
Среди нечестїя, между развратовъ скрыто;
Но сѣя зло вездѣ, злодѣйствомъ въ вѣкъ не сыто.
Увидя, что вокругъ любезныхъ его мѣстъ,
Сїянїе простеръ побѣдоносный крестъ;
И что Россїяне, во слѣдъ за громкой славой,
Несутъ въ сердцахъ войну и мечь въ рукахъ кровавой;
Зря въ трепетѣ ему подверженну страну,
И тмы владычицу блѣднѣющу луну;
Злочестїе смутясь, въ отчаяньѣ завыло,
Широку грудь свою когтями изъязвило;

Увы! преходитъ власть моя, гласитъ оно,
Низверженна съ небесъ вселенныя на дно;
Послѣднее мое убѣжище теряю,
Завидно небесамъ, что вредъ я сотворяю;
Но богомъ будучи добра отчуждено,
Я имъ, конечно имъ, на вредъ и рождено,
И бытіе мое во связи міра нужно;
Со благочестіемъ не льзя мнѣ жити дружно;
Кто смѣетъ мой престолъ тѣснить, и разрушать?
Иль хощетъ Богъ меня послѣднихъ жертвъ лишать?
О тартаръ! на тебя оковы возлагаютъ!
Внимая гласъ его пороки прибѣгаютъ;
Огнями дышуща явилась черна Месть;
Имѣя видъ зміи, ползетъ за нею Лесть;
Гордыня предъ него со скипетромъ приходитъ,
Съ презрѣньемъ мрачный взоръ на небеса возводитъ;
Лукавство, яростный потупя въ землю видъ,
Передъ Злочестіемъ задумавшись стоитъ;
Вражда, исполненна всегда кипящимъ ядомъ,
Во трепетъ мать свою приводитъ грознымъ взглядомъ;
Изъ глазъ Отчаянья слезъ токи полились;
И всѣ злодѣйства въ домъ къ Злочестію сошлись,
Тогда оно главу висящую имѣя,
Но горести своей вины сказать не смѣя;
О чада! воздохнувъ, о други! говоритъ:
Или изъ васъ никто погибели не зритъ?
Познайте съ воинствомъ грядуща Іоанна;
Россія хощетъ быть, и вѣра ихъ вѣнчанна.
Взглянули.... И вдали зря крестъ съ мечемъ въ лучахъ,
Почувствовали мракъ на сердцѣ и очахъ!
Уста ихъ пагубы всеобщей не сказали,
Но бѣдство близкое ихъ лица доказали;

По-

Погибель зря свою, и робость видя въ нихъ,
Скрываетъ ужасы въ душѣ родитель ихъ;
И тако вопіетъ, кидая мрачны взгляды:
Колико слабы вы, мои нещастны чады!
Или забыли вы, что царство нашей тмы
Простерли по всему земному шару мы?
Любимцамъ Божіимъ законы подавали;
Забыли, что съ самимъ мы Богомъ воевали,
И въ трепетъ иногда ввергали небеса?
Вся та же мочь у насъ, хотя не та краса.
Хоть ликъ Злочестія спокойствомъ покрывался,
Но стонъ въ груди его, какъ въ сводахъ отзывался.

Простерши у сыновъ суровость на челахъ,
Подъемлется оно изъ мрака на крилахъ;
До облакъ вознеслось; на воинство взглянуло;
И видя Россіянъ во славѣ, воздохнуло;
Въ душѣ смятеніе, въ очахъ имѣя жаръ,
Какъ нѣкій огненный катилось къ Волгѣ шаръ;
Сыны, которы съ нимъ стремиться возхотѣли,
Изъ бездны адскія, какъ искры излетѣли;
Горящими они струями разлились,
Во слѣдъ Злочестію по воздуху неслись;
Подземнымъ воинствомъ, и мракомъ окруженно,
Досадой, мщеніемъ и гнѣвомъ разозженно,
Направило оно, какъ буря шумный ходъ,
Въ страну, гдѣ ослѣпленъ невѣжествомъ народъ.
О Муза! вѣдуща и доброе, и злое,
Изобрази ты мнѣ кумировъ царство тое.

Тамъ дебри видимы, пещеры, лѣсъ густой (1),
Ни пашни тучныя, ни жатвы нѣтъ златой;

(1) Сіе языческое идолослуженіе подробно описано въ путешествіяхъ Г. Профессора Лепехина.

Питается звѣрьми, народъ звѣрямъ подобный,
Свирѣпыя сердца и видъ имѣетъ злобный;
Лежащій вѣчный мракъ у нихъ на очесахъ
Имъ кажетъ божество и въ самыхъ древесахъ;
Вселились въ сей народъ, какъ въ темныя чертоги,
Отъ многобожія, и суевѣрства многи;
Жрецы и жрицы ихъ обманами живутъ,
Тѣ мрачныя Орды за-Волжскими слывутъ.

Злочестіе въ страну возлюбленну приходитъ;
На олтари свои печальный взоръ возводитъ,
И видя, что кругомъ померкнуть хощетъ свѣтъ,
Своихъ друзей духовъ въ собраніе зоветъ.
Являясь взору ихъ, какъ страшная комета,
Встрѣчаетъ во слезахъ пришедшихъ для совѣта;
Почто вамъ, говоритъ, коснѣти въ сей странѣ?
Теките, кройтеся! въ кромечну тму ко мнѣ;
Намъ дикая страна престоломъ оставалась,
Гдѣ наша прежня власть божественной считалась;
Но рокъ приходитъ нашъ, и близокъ грозный часъ,
Перуны божіи вездѣ находятъ насъ;
Лишаетесь вы жертвъ, лишаетесь и славы;
Вамъ адъ прибѣжище, во свѣтѣ нѣтъ державы;
Бѣгите! бѣдныя, отъ сихъ печальныхъ странъ,
Сюда преноситъ крестъ, и громы Іоаннъ;
И прежде чтущія народы васъ мольбами,
Россійскими теперь являются рабами.
Но смутныя слова произнесенны имъ,
Единый страхъ вселя, изчезли яко дымъ.

Тогда Злочестіе, какъ левъ заскрежетало,
И въ первый разъ оно отъ страха встрепетало;
Однако пламенный кидая всюду взглядъ,
Пустило изо устъ геенскій черный ядъ.

Какъ

Какъ молнія, когда и въ камень ударяетъ,
Свободный путь себѣ мгновенно отворяетъ;
Такъ ядъ Злочестія простерся на духовъ,
И слышны отъ него такія громы словъ:
Предъупредимъ, друзья! погибель
Пойдемъ и сокрушимъ противну ра
Взбунтуемъ тартаръ весь!... п
Что сильны мы вредить, п
Богинѣ, чтимо
Речетъ: О! правя
Разлей геенскій
О воздухъ! в
Луга и дре
Смутит
А ты
Пер
Ко
И

Томятся, хладною облитыя водою;
Все кажетъ гнѣвъ боговъ, имъ все грозитъ бѣдою;
Бездушны будучи ихъ боги страшны имъ;
...чный огнь погасъ, и видѣнъ только дымъ.
...старцы ихъ по внутренней гадаютъ,
... власы, и съ воплемъ упадаютъ;
... противныхъ жертвъ не жгутъ;
... трепетомъ бѣгутъ.
...ыя Друиды,

...бьютъ.
...ъ:
...емъ,

...тасъ,
...часъ;
...ны;

Доколѣ сладкій сонъ твои покоитъ члены?
Валятся вкругъ тебя Ордынски горды стѣны,
Казань, котору ты привыкла напаять,
Смотрясь въ струи твои не можетъ устоять.
Сія береговъ твоихъ толь древняя Царица,
Такъ сѣтуетъ теперь, какъ сирая вдовица;
Оставили ее земля и небеса,
Но съ нею и твоя погаснетъ вдругъ краса;
Соединенныя взаимною любовью,
Вы скоро будете гражданской полны кровью;
Дерзай! или съ моимъ перуномъ поспѣшу,
И нѣдры влажныя мгновенно изсушу;
Законы премѣню строительной природы;
Тамъ будетъ вѣчный зной, гдѣ нынѣ плещутъ воды;
Гдѣ плавала твоя среди валовъ глава,
Тамъ будетъ рость тростникъ, и дикая трава.
Онъ рекъ. . . и Волжскія струи остановились;
Глубокими они морщинами явились;
Вели мнѣ, грозный богъ! вели, речетъ она:
Желаніе твое исполнить я должна.
Взбунтуй! твои валы, свирѣпый Духъ вѣщаетъ,
Да гордыхъ Россіянъ пучина поглощаетъ!
Какъ камень сильною поверженный рукой,
Кидалась Волга внизъ съ поспѣшностью такой;
Раскинувъ рамена на влажныя дороги,
Изъ рукъ составила великія пороги;
Пресѣчь Россіянамъ въ струяхъ свободный путь,
Устроила она имъ въ встрѣчу тверду грудь;
Сгустилися валы власовъ ея сѣдиной;
Кремнемъ ея чело являлось надъ пучиной;
Журчащій вихрь въ струяхъ повѣяли уста,
И заперли судамъ во влажности врата;

Глава

Глава подъемлется и чреслы онѣмѣли,
Составились изъ нихъ препоны, камни, мѣли.
Летающій вкругъ нихъ имѣющи покой,
Россіяне плывутъ съ веселіемъ рѣкой;
Прохладну плаванью предѣлы близко числятъ;
Въ бесѣдѣ радостной о славѣ только мыслятъ.
Но вдругъ перемѣнивъ теченіе вода,
Помчала въ быстрину, какъ легку трость суда;
Подъемля Смерть главу изъ влажныя утробы,
Составила изъ волнъ колеблющися гробы;
Со свистомъ шумный вихрь во слѣдъ судамъ тнался,
И съ бурей страшный вопль отвсюду поднялся;
Казался каждый валъ чудовищемъ шумящимъ,
Пловущихъ поглотить съ ладьями вдругъ хотящимъ;
Ревущія струи поднявъ верьхи свои,
Возносятъ къ облакамъ великія ладьи;
И вдругъ разсыпавшись во рвы ихъ низвергаютъ,
Гдѣ кажется они теенны досягаютъ;
На крыльяхъ Евръ летитъ имъ въ встрѣчу по водѣ;
Что дѣлать въ таковой Россіянамъ бѣдѣ?
На небо взоръ взведутъ; покрыто небо мракомъ;
Въ различномъ страхѣ всѣ, въ смятеньѣ одинакомъ;
Куда отъ волнъ? куда отъ камней убѣгать?
Смерть видятъ; знаютъ смерть они пренебрегать;
Кипящи пѣною уста она отверзла,
Взревѣла; и въ пловцахъ кипяща кровь замерзла.
Уже свирѣпствуя сердитая рѣка,
Отторгла у судовъ кормила и бока;
И будто воины втѣснившися въ проломы,
По улицамъ текутъ, и сокрушаютъ домы:
Такъ бурная вода въ ущелины течетъ,
И Волга разъярясь, ко дну суда влечетъ.

Какъ

Какъ острый мечь, печаль Морозова пронзаетъ,
Что двухъ надежда войскъ мгновенно изчезаетъ;
Страшась не собственной, но общія бѣды,
Свирѣпство презрилъ онъ и вихря и воды;
И бурямъ и волнамъ противяся ревущимъ,
Велѣлъ ко берегамъ склонятися пловущимъ;
Но суша и вода во брань вступили съ нимъ,
Раждаютъ смерть валы; брега, огонь и дымъ;
Съ мечами, съ пламенемъ на нихъ Ордынцы злобны,
Вкругъ стадницы волкамъ являются подобны,
Которы челюсти разверзли на овецъ;
Такъ Россовъ истребить Орда спѣшитъ въ конецъ,
Бросаетъ копья въ нихъ, стрѣлами уязвляетъ,
Пристаница къ брегамъ имѣть не дозволяетъ.
Стонъ слышанъ на водѣ, вопль слышанъ на землѣ;
Струи ко дну влекли, огни Россіянъ жгли;
Свирѣпствующій адъ разитъ безчеловѣчно;
Другое воинство погиблобъ тамъ конечно;
Но кто бы ихъ спасти отъ сей напасти могъ,
Когда бы не простеръ съ небесъ къ нимъ перста Богъ.
О Муза! обрати отъ Волги взоры въ поле;
Тамъ страждетъ Іоаннъ, и зрится смертныхъ болѣ;
Воззрѣвъ на чистое сіяніе небесъ,
Едва знамена онъ къ Алатырю понесъ,
Казалось звѣзды съ нимъ желанье соглашали;
Поля кругомъ цвѣли, зефиры тамъ дышали;
Бореевыхъ вдали не слышно было крилъ,
И воздухъ ароматъ повсюду растворилъ.
Уже колеблются полки въ горахъ идущи,
Какъ класы желтыя серпа на нивахъ ждущи,
Которы тихій вѣтръ въ движеніе привелъ;
Казалось что Орфей передъ лѣсами шелъ,

Згущенны копья тамъ неслись за Іоанномъ,
И войско, какъ рѣка, текло въ пути пространномъ.
Но сокровенная опредѣлила власть,
Во искушеніе послати имъ напасть;
Для быстрой славы ихъ поставивъ имъ препоны,
Натура собственны нарушила законы;
Тогда Злочестіе имѣюще успѣхъ,
Отважилось явить имъ тысящи помѣхъ.
Вдругъ начали кипѣть ключи въ долинахъ злачныхъ,
И будто трубный гласъ возсталъ въ пещерахъ мрачныхъ;
На холмахъ вѣтьвія склонили древеса,
И синей ризою одѣлись небеса;
Лучи не въ облака, но въ нѣкій тускъ скрывались;
Стада пернатыхъ птицъ по воздуху взвивались;
Возсталъ згущенный прахъ, какъ туча отъ земли,
И будто возгремѣлъ безъ молній громъ вдали;
То вихри пламенны средь горъ вооружались,
На вѣтренныхъ коняхъ ко войску приближались;
Сіи незримыя и сильныя враги,
Напрягшись въ воздухѣ подобіемъ дуги,
Простерли крилія, знамены развѣваютъ,
И съ шумомъ ихъ изъ рукъ дхновеньемъ вырываютъ;
Сражаясь межъ собой згущаютъ пыль вокругъ;
День ясный въ мрачну ночь переложился вдругъ.
Когда громада войскъ въ пригоркахъ изгибалась,
Казалося земля подъ ними колебалась;
Срываетъ шлемы вихрь, извившись копья рветъ,
И растилаясь вдаль, все давитъ, и ревётъ;
Какъ риза разпустясь въ стремленіи суровомъ,
Все войско прахомъ вкругъ объемлетъ какъ покровомъ,
И воинамъ пресѣчь желанный путь велитъ;
То воетъ на горѣ, то съ трескомъ лѣсъ валитъ;

Лю-

Людей лишаетъ силъ, коней лишаетъ мочи,
Дыханіе мертвитъ, и ослѣпляетъ очи.
Великій духомъ Царь, позная гнѣвъ небесъ,
И руки, и глаза ко высотѣ вознесъ;
Колеблемъ вихрями въ слезахъ вѣщалъ: О Боже!
Или враги тебѣ твоихъ рабовъ дороже?
Ты ужасъ положилъ въ ограду ихъ странамъ;
Но все преодолѣть оставь надежду намъ!
Умолкъ, и небесамъ противнымъ не явится,
Велѣлъ межъ горъ крутыхъ полкамъ остановиться.
Тамъ взору предлежалъ весьма широкій долъ,
Гдѣ мнилось тишина устроитъ свой престолъ;
Военныя трубы повсюду возгремѣли;
Но съ вихремъ различить ихъ звука не умѣли,
Казалось напередъ, что вѣтры трубятъ то;
Склонясь на копіе, не шествуетъ никто;
Между стенящими отъ грозныхъ бурь горами,
Укрыться хощетъ Царь со войскомъ подъ шатрами;
Но будто бурная свирѣпствуя вода,
Гдѣ кущи ставятся, бѣжитъ и вихрь туда,
Изъ рукъ орудія и верви исторгаетъ,
Велики скиніи на землю повергаетъ.
Такой стихій мятежъ Монарха не смущалъ;
На рамо опершись Адашеву вѣщалъ:
Я зрю, что небеса моимъ слезамъ не внемлютъ;
Колеблютъ все они, меня не поколеблютъ!
Онъ бодрый видъ являлъ, сію вѣщая рѣчь,
И войскамъ повелѣлъ на ихъ мѣстахъ возлечь.
Едва походами и вихремъ удрученны,
Склонилися полки какъ класы посѣченны,
И на лицѣ земномъ, въ густой травѣ легли;
Бурливыхъ вдругъ коней и вихри отпрягли,

И въ воздухѣ свои оставивъ колесницы,
Свернули крилія, какъ утомленны птицы;
И будто бѣдствами насытился ихъ взоръ,
Дыханье укротивъ, упали между горъ.
Свѣтило дневное тогда въ моря скрывалось,
И небо ризою златою одѣвалось;
Возвысила чело дрожащая луна,
И сребрянымъ щитомъ являлася она;
Подъемлетъ къ небесамъ рога свои высоки,
Вмѣщаютъ глубоко луну рѣчныя токи,
И чистымъ хрусталемъ между бреговъ текутъ;
Казалось, томный сонъ они въ струяхъ влекутъ.
Царица звѣздъ лучемъ блистательнымъ сіяла;
Но хладною росой земли не напояла,
И сладкой влажности на древеса не льетъ,
Котора жизни имъ, и силы придаетъ.
Вершины уклонивъ стоятъ зелены рощи,
Не можетъ оживлять луговъ прохлада нощи;
Казалось, воздухъ спитъ, Зефиръ уснулъ въ кустахъ,
И слезъ Аврориныхъ не видно на цвѣтахъ;
Благоуханіе повсюду разпускаютъ,
Но тщетно питія небеснаго алкаютъ;
Прозрачность воздуха приходитъ въ густоту,
И съ мракомъ томную раждаетъ духоту.
Земля для воиновъ всегдашній одръ спокойной,
Теперь является и въ полѣ ложей знойной;
Жеска трава на ней, лице ея горитъ,
Возлегшимъ сладкаго покоя не даритъ;
Томленіе главы ко сну на землю клонитъ,
Но жаръ съ естественныхъ одровъ далеко гонитъ;
Тускъ зрится на цвѣтахъ не хладная роса,
И сводомъ огненнымъ казались небеса;

ВЪ полночныя часы растѣнья увядаютЪ,
И звѣзды, кажется, на землю упадаютЪ;
ЛетаютЪ дивныя по воздуху огни,
Предзнаменующи и зной, и жарки дни.
Томленный Царь небесЪ подЪ раскаленнымЪ сводомЪ,
ХотѣлЪ предЪупредить свѣтЪ солнечный походомЪ;
При утренней зарѣ гласЪ трубный возгремѣлЪ,
Возстали воины, и сЪ ними зной пошелЪ.
Не вѣтры свѣжія вЪ долинахЪ повѣваютЪ,
Которы тихихЪ дней предтечами бываютЪ;
Но только первый лучь на землю проглянулЪ,
КакЪ пещь разженная палящимЪ зноемЪ дхнулЪ;
Цвѣты и древеса росой неорошенны,
Являлись нѣжности и живости лишенны;
Небесныя кони спѣшащи солнце влечь,
Казалося хотятЪ вселенную зажечь;
И воздухЪ вкругЪ земли недвижимо стоящей,
Едва не равенЪ былЪ водѣ вЪ котлѣ кипящей.
Разжется тамЪ песокЪ, и травы стали тлѣть;
Герои начали о буряхЪ сожалѣть,
Которы прежде ихЪ толико утруждали,
Но удручаемыхЪ походомЪ прохлаждали;
ОтЪ солнечныхЪ лучей, какЪ будто отЪ огня,
ИхЪ шлемы разпеклись, и тяжкая броня;
КакЪ нѣкая рѣка, кругомЪ разлившись пламень,
Извлекши влажность вонЪ приводитЪ землю вЪ камень;
Палима воздухомЪ разсѣлася она,
И оживилися вЪ ней злыя сѣмена;
Тлетворныя пары главы кЪ звѣздамЪ подъемлютЪ,
И поднебесный кругЪ руками весь объемлютЪ;
ВЪ пучинѣ воздуха туманы око зритЪ,
И мнится надЪ главой небесный сводЪ горитЪ.

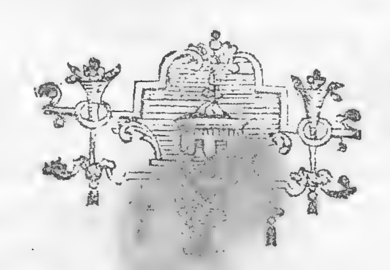
Зміи глотая ядъ, изъ мрачныхъ норъ выходятъ,
Болѣзни, раны, страхъ, и язвы производятъ,
Извившись вкругъ они въ густой травѣ шипятъ,
Бросаются стрѣлой и грудь насквозь язвятъ;
Не страхъ отъ сихъ зміевъ Монарха сокрушаетъ;
Но то, что воинство рокъ лютый уменьшаетъ.
Какъ будто острія сверкающихъ ножей,
Тамъ жалы подняли извившихся ужей;
Слѣды алкающей повсюду смерти видны;
Тамъ гады страшныя, тамъ черныя ехидны;
Вода, огонь, земля Россіянамъ грозятъ,
И воздухъ кажется, стрѣлами ихъ разитъ.
Томленны жаждою къ потокамъ прибѣгаютъ,
Піютъ; но воды ихъ утробу разжигаютъ,
И паче къ питію алкающихъ зовутъ;
Мутясь въ рѣчныхъ струяхъ пески съ травой плывутъ;
Журчащія ключи въ долинахъ задушенны,
Въ зеленистый коверъ озéра превращенны.
Казалося съ небесъ, какъ дождь падутъ огни;
Остановляются въ разпутіяхъ кони,
Главы упали внизъ, колѣна ихъ трепещутъ,
И пѣну красную уста на землю мещутъ;
Какъ мѣхи ребра ихъ разширяся дрожатъ,
Падутъ, и подъ ярмомъ безчувственны лежатъ.
На войско обратилъ Монархъ печальны взоры,
Велѣлъ ему возлечь, гдѣ тѣнь наводятъ гóры;
Тамъ сѣннолиственный стоялъ у брега лѣсъ,
И зрѣнью обѣщалъ убавить зной небесъ;
Вдругъ городъ изъ шатровъ составился высокихъ;
Но тотъ же зной лежалъ въ долинахъ и глубокихъ;
Подъ тѣнью хлада нѣтъ, прохлады нѣтъ въ струяхъ;
Долины зной палитъ, изъ рощей гонитъ страхъ.

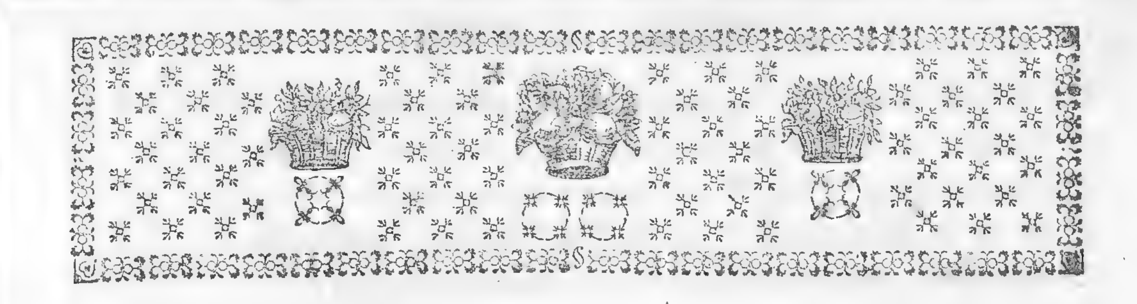
Дрі-

И разъяривiейся не рабствуя природѣ,
Скончали нашу жизнь, не въ лѣности, въ походѣ;
Толико славна смерть, хоть насъ и поразитъ,
Но прочихъ Россiянъ къ побѣдамъ ободритъ;
Возстанемъ! и пойдемъ! онъ рекъ.... Полки возстали;
Какъ томныя орлы къ знаменамъ прилетали;
Снимаются шатры, и трубный слышанъ звукъ;
Сiе согласiе мятежъ нарушилъ вдругъ.

Не уважая словъ, ни поощренiй Царскихъ,
Единый изъ дѣтей отъ Новграда боярскихъ;
Отъ зноя ль и трудовъ въ разсудкѣ поврежденъ,
Или отчаяньемъ и нѣгой убѣжденъ;
Сей ратникъ по полкамъ, и страхъ и горесть сѣя,
Помѣшанны глаза, разкрыту грудь имѣя,
Бѣгущiй возопилъ: Куда насъ Царь ведетъ?
Здѣсь голодъ насъ мертвитъ, а тамо язва ждетъ!
Оставили отцевъ, оставили мы домы,
Пришли сюда въ мѣста пустыя незнакомы;
Лишило естество и пищи насъ и водъ;
Не явноль Богъ казнитъ за дерзскiй насъ походъ?
Пойдемъ! назадъ пойдемъ! онъ рекъ; и возшумѣли,
Развратны юноши пристать къ нему поспѣли.
Но взоры Царь на нихъ, какъ стрѣлы обратилъ,
И вόлны мятежа сей рѣчью укротилъ:
Не славы мiра, я, о воины! желаю;
Но мстить за Христiанъ усердiемъ пылаю;
Коль вы не ищете торжественныхъ вѣнцевъ,
Спасать не мыслите ни братiй, ни отцевъ;
Нещастныя сыны! бѣгите не трудитесь;
Оставьте кόпья намъ, и въ домы возвратитесь;
Я вѣрныхъ Россiянъ, въ полкахъ моихъ найду;
Не слабыхъ женъ во брань, мужей съ собой веду.

Скончавъ слова, дабы стремленью не продлиться,
Велѣлъ ревнительнымъ, отъ робкихъ отдѣлиться;
И возопили всѣ: Съ тобой мы всѣ идемъ!
За вѣру, за тебя съ охотою умремъ!
Спокоило Царя усердіе такое,
Но мысль его была и сердце не въ покоѣ;
Срѣтая нощь, велѣлъ движенье отложить;
Пошелъ; но сонъ его не можетъ окружить;
Мечтаются ему болѣзни, гладъ, печали,
Которыя доднесь въ пути его встрѣчали;
Онъ душу полную тревогою имѣлъ;
И въ грусти далеко отъ воинства отшелъ.
Покрылось мрачною тоской чело Царево,
И въ полѣ онъ нашелъ развѣсистое древо,
На коемъ листвія не давно огнь сожегъ;
Тяжелый скинувъ шлемъ, подъ онымъ Царь возлегъ;
Онъ въ землю мечь вонзилъ; невидимый полками,
Склоненную главу поддерживалъ руками;
Не бѣдствомъ собственнымъ, но общимъ пораженъ,
Какъ въ облако луна, былъ въ горесть погруженъ;
И пролилъ токи слезъ! . . . Тоска его мнѣ бремя;
О Муза! пресѣчемъ печальну пѣснь на время.

ПѢСНЬ ОСЬМАЯ.

Имѣя въ сердцѣ мракъ, и тмою окруженъ,
Казался въ море Царь печалей погруженъ;
Какъ бури, душу въ немъ сомнѣнья волновали,
Покоя сладкаго, ни сна не отдавали.
Звѣзда его судьбы на небѣ не горитъ,
Она, сокрывъ лучи, на Іоанна зритъ;
Ни воздухъ, ни земля, тоскѣ его не внемлетъ,
И Щастье томное у ногъ Монаршихъ дремлетъ;
Какъ камень, горести его тягчили грудь;
Прерывистымъ словамъ потомъ открылся путь:
О Боже! онъ вѣщалъ, коль гнѣвомъ ты пылаешь;
За что напрасну смерть безвиннымъ посылаешь?
Моимъ знаменамъ въ слѣдъ пришли сюда они;
Коль казнь тебѣ нужна, за нихъ меня казни!
Я воиновъ моихъ привелъ въ сіи предѣлы;
Бросай ты на меня молніеносны стрѣлы!
Я старца мудраго совѣты пренебрегъ,
Который въ дерзости меня предостерегъ;
Се грудь! которая тщеславіе вмѣстила,
И упованіемъ себя напраснымъ льстила;
Рази! ее, рази! готовъ я казнь нести,
Когда чрезъ то могу моихъ людей спасти.
Вѣщая тѣ слова, повергся на колѣни;
И нощь вокругъ его простерла мрачны тѣни;

На перси томную склоняетъ Царь главу,
И зритъ во смутномъ снѣ какъ будто наяву.
Мечтается ему: „ Что мракъ густый рѣдѣетъ,
И облакъ огненный, сходя на землю, рдѣетъ;
Сокрылись звѣзды вдругъ, затмилася луна,
И въ полѣ страшная простерлась тишина;
Багрово облако къ Герою приближалось,
Упало предъ Царемъ, и вскорѣ разбѣжалось,
Мечтанье чудное исходитъ изъ него:
Полмѣсяца горитъ среди чела его,
Въ десницѣ держитъ мечь простертый къ оборонѣ,
Является сѣдящъ на пламенномъ Драконѣ;
Великій свитокъ онъ въ другой рукѣ держалъ,
Пророкамъ и Царямъ во славѣ подражалъ.„
Строптивый Іоаннъ видѣніемъ плѣнился;
И естьлибъ робокъ былъ, предъ нимъ бы преклонился;
Но взоръ къ нему склонивъ вниманіе и слухъ,
Являлъ тревожный видъ, но не тревожный духъ.
Представый предъ Царя, являя свѣтлы взоры,
Вступаетъ въ дружески съ Монархомъ разговоры:
О Царь! вѣщаетъ онъ, имѣешь ты вину,
Токъ слезный проливать пришедъ въ сію страну;
Печали вкругъ тебя сливаются, какъ море,
И ты въ чужой землѣ погибнешь съ войскомъ вскорѣ;
Погаснетъ щастіе, и слава здѣсь твоя;
Тебя забылъ твой Богъ; могу избавить я;
Могу! когда твой мракъ отъ сердца ты погонишь,
Забывъ отечество, ко мнѣ главу преклонишь;
Такимъ ли Іоаннъ предѣломъ дорожитъ?
Гдѣ мракъ шесть мѣсяцовъ, и снѣгъ вокругъ лежитъ;
Гдѣ солнце косвенно лучами землю грѣетъ;
Гдѣ сладкихъ нѣтъ плодовъ, гдѣ тернъ единый зрѣетъ;

Гдѣ

Гдѣ царствуетъ во всей свирѣпости борей;
Страна твоя не тронъ, темница для Царей.
Отъ снѣжныхъ водъ и горъ, отъ сей всегдашней ночи,
На полдень обрати, къ зарѣ вечерней очи;
Къ востоку устреми вниманіе и взоръ:
Тамъ первый встрѣтится твоимъ очамъ Босфоръ;
Тамъ гордыя стоятъ моихъ любимцевъ троны,
Дающихъ Греческимъ невольникамъ законы;
Тобою славимы угасли олтари;
Познай и мочь мою, и власть, и силу зри!
Съ священнымъ трепетомъ тобой гробница чтима,
Подъ стражею моей лежитъ въ стѣнахъ Салима;
И Газа древняя, Азоръ и Аскалонъ,
Гефана, Вифлеемъ, Юрданъ и Ахаронъ, — и правилен
Передъ лицемъ моимъ колѣна преклонили;
Мои раби, твой крестъ и святость поплѣнили.
Не страхомъ волю ихъ, я миромъ побѣдилъ;
Ихъ мысли, ихъ сердца, и чувства усладилъ;
Я отдалъ веси имъ, исполнены прохлады,
Гдѣ вкусныя плоды, гдѣ сладки винограды;
Гдѣ воздухъ и земля вмѣщаютъ фиміамъ;
Вода родитъ жемчугъ, пески златыя тамъ;
Тамъ чистое сребро, тамъ бисеры безцѣнны;
Поля цвѣтами тамъ и жатвой покровенны.
Полсвѣта я моимъ любимцамъ отдѣлилъ;
Богатый отдалъ Ормъ и многоводный Нилъ,
И поднебесную вершину Арбарима,
Отколѣ Ханаанъ и Полестина зрима;
Божественный Сіонъ, святый Давидовъ градъ,
И млекоточный Тигръ, и сладостный Ефратъ;
Тѣ воды, что Едемъ цвѣтущій напояли,
Гдѣ солнечны лучи впервые возсіяли.

Въ вечерней жители и въ западной странѣ,
Меня пророкомъ чтутъ, приносятъ жертвы мнѣ;
Склонись и ты! склонись! дѣла твои прославлю;
Печали отжену, и миръ съ тобой поставлю;
Я вѣтры тихія на полночь обращу;
Стихіи на тебя возставши укрощу;
Украшу твой вѣнецъ, вручу тебѣ державы,
Достойны твоего вниманія и славы;
Послѣдуй, Царь! за мной; дай руку мнѣ твою.
Недвижимъ Царь взиралъ внимая рѣчь сію.
Какъ вѣтрами вода, въ немъ духъ поколебался;
Молчать и рѣчь простерть къ видѣнью опасался,
Хотѣлъ главу склонить; но вдругъ на щитъ взглянулъ;
Померкнулъ щитъ! и Царь о старцѣ вспомянулъ;
Такое зрѣлище въ немъ ярость возжигаетъ,
Вспрянулъ, и мечь рукой дрожащей изторгаетъ,
Разитъ. Въ единый мигъ померкнулъ воздухъ чистъ;
Ударилъ страшный громъ, возсталъ и шумъ и свистъ;
Блеснули молніи, видѣнье обновилось:
И страшное Царю чудовище явилось,
Во мрачномъ облакѣ на воздухъ поднялось;
Какъ страшный змій, оно въ три круга извилось,
Зіяло пламенемъ! Злочестіе то было;
И таковы слова Монарху возтрубило:
Напрасно отъ меня ты чаешь избѣжать;
Стени! я знаю чѣмъ Монарховъ поражать;
Хоть нынѣ казнь твою свирѣпый рокъ отложитъ,
Но душу онъ твою, и мысли возтревожитъ;
Спокойства сладкаго не будешь ты вкушать,
Ни брачною себя любовью утѣшать;
Владѣніе твое во ужасъ превратится;
И долженъ ближнихъ ты и подданныхъ страшиться;

Ты

Ты сына! умертвишь. . . . . Ударилъ паки громъ!
Сокрылось возстенавъ чудовище потомъ;
Оно въ подземныя пещеры отлетало,
И сердце храбраго Царя возтрепетало;
Но мракъ сомнѣнія разсѣясь нынѣ въ немъ,
Жестокимъ наконецъ явилъ его Царемъ;
[Целена ввергнула въ подобный страхъ Енея]
Вздохнулъ, и предъ собой увидѣлъ вдругъ Алея;
Вторичною мечтой приходъ его почелъ,
Онъ окомъ на него отчаяннымъ воззрѣлъ;
Алей задумчивъ былъ, и рубищемъ одѣянъ,
По всѣмъ его чертамъ печаль и мракъ разсѣянъ;
Онъ слёзы лилъ предъ нимъ; и Царь къ нему вѣщалъ:
Еще ли мало ты покой мой возмущалъ?
Предатель, трепещи! теперь одни мы въ полѣ;
Бѣги! не умножай моей печали болѣ.
Ко Царскимъ въ трепетѣ Алей упалъ ногамъ,
И рекъ: Не причисляй меня къ твоимъ врагамъ;
Благочестивыхъ я не удалялся правилъ,
Былъ виненъ, и вину теперь мою исправилъ;
Однако нужнаго, о Царь! не трать часа,
Который щедрыя даруютъ небеса;
Отважность лютую судьбину побѣждаетъ;
Тебя въ густомъ лѣсу пустынникъ ожидаетъ.
Тоскою удрученъ, когда я къ войску шелъ,
Онъ мнѣ тебя обрѣсть подъ древомъ симъ велѣлъ,
И мнѣ сіе вѣщалъ: Скажи ты Іоанну,
Коль хощетъ онъ достичь ко щастью несказанну,
Да придетъ онъ ко мнѣ. Во мракѣ и въ ночи,
Сіяли вкругъ его чела, о Царь! лучи.
Въ молчаніи Іоаннъ словамъ ужаснымъ внемлетъ,
И тяжкій стонъ пустивъ, Алея онъ подъемлетъ;

Потомъ вскричалъ: Хощу для войска щастливъ быть;
И болѣе хощу вину твою забыть;
Я жизнь мою тебѣ, Россіи жизнь вручаю;
А естьли вѣренъ ты, я друга получаю,
Довольно мнѣ сего! къ пустыннику пойдемъ;
Но повѣсть мнѣ твою повѣдай между тѣмъ;
Скажи, почто ты стѣнъ Свіяжскихъ удалился?
За чѣмъ ходилъ къ врагамъ, за чѣмъ въ Казань вселился?
И какъ обратно ты явился въ сей странѣ?
Будь искрененъ во всемъ, коль вѣрный другъ ты мнѣ.
Идущій за Царемъ къ пустыннику лѣсами;
Отвѣтствовалъ Алей такими словесами:
О Царь! повѣдаю тебѣ мою вину;
Но стыдъ почувствую отколѣ ни начну;
Когда не буду я вѣщать чистосердечно,
Да темна нощь сія меня покроетъ вѣчно!
Да горы на меня кремнистыя падутъ,
И въ сей странѣ меня живаго погребутъ!
Сомнѣнья Царскаго Алей въ опроверженье,
Повѣдалъ о своемъ къ Казани приближенъѣ;
Представилъ прелести; Сумбекинъ лестный взглядъ,
Обманы, хитрости, и шествіе во градъ;
Оно клонилося, вѣщалъ, къ единой цѣли,
Дабы оружія напрасно не гремѣли,
И мира вѣчный храмъ желалъ я отворить;
Ордынцовъ безъ меча Россіи покорить;
Ужѐ вражду мои совѣты потушали;
Но, рекъ онъ, хитрости успѣхамъ помѣшали;
Увы! которую сердечно я любилъ,
Я тою жизнь и честь едва не погубилъ.
Въ едину нощь, Алей стоная продолжаетъ,
Меня и мысль о томъ, какъ громомъ поражаетъ,

Въ едину нощь, когда къ спокойству я прибѣгъ,
Когда на одръ я свой единенъ возлегъ;
Увидѣлъ я къ себѣ невольника входяща,
Одежду бѣлую въ рукахъ своихъ держаща,
Котору будтобы трудясь наединѣ,
Сумбека, въ знакъ любви, отправила ко мнѣ.
Питая на ее усердіе надежду,
Дерзаю облещись во свѣтлую одежду;
Изъ рукъ невольничьихъ спѣшу ее извлечь;
Но внемлю страшную невольникову рѣчь:
О Царь! вѣщаетъ онъ, отринь сіе убранство!
Я помню и въ моихъ оковахъ христіянство;
Я нѣкогда твоимъ рабомъ въ Россіи былъ,
Я вѣренъ былъ тебѣ, и ты меня любилъ;
О! естьли, Государь, подаркомъ симъ польстишься,
И облечешься имъ, то жизни ты лишишься.
Раба я познаю, и вѣрить не хощу;
Злословію его свирѣпымъ взоромъ мщу;
Сей рабъ изъ рукъ моихъ одежду вырываетъ,
Онъ ею и главу и тѣло обвиваетъ;
Какой тогда я страхъ и ужасъ ощутилъ?
Невольникъ палъ, взревѣлъ, и духъ свой изпустилъ!
Велико для меня такое увѣренье;
Но могъ ли я склонить къ Сумбекѣ подозрѣнье?
Весь дворъ позналъ о злой опасности моей;
И се! вбѣжалъ ко мнѣ мой вѣрный другъ Гирей;
Спѣши отсель! спѣши! со трепетомъ вѣщаетъ,
Сагрунъ противъ тебя Казанцовъ возмущаетъ;
Сумбека ищетъ средствъ Алея отравить;
Османъ тебя грозитъ злодѣйки умертвить;
Бѣги отсель! уже Казанска чернь мутится;
Моею помощью тебѣ не можно льститься;

Я слабъ противу ихъ; и только помогу,
Что тайнымъ образомъ я друга собрегу,
Потомъ погибну самъ! . . . То слово грудь пронзило,
И какъ стрѣлой меня безгласна поразило;
Окаменен смотрю на друга моего,
Потомъ въ объятія кидаюся его;
И вопію къ нему: Нейду, мой другъ! отсюду;
Пускай я жертвою моихъ злодѣевъ буду!
За что тебѣ страдать? живи! мой другъ, живи!
Да злобу утушитъ Казань въ моей крови.
Но вдругъ мы слышимъ вопль, волненіе народно;
Погибнуть я хотѣлъ изъ храминъ неизходно;
Спасай себя! спасай! Гирей мнѣ съ плачемъ рекъ,
И силою меня подъ мрачный сводъ повлекъ.
Когда наполнился Сумбекинъ дворъ народомъ,
Провелъ меня Гирей изъ града тайнымъ ходомъ,
И скрылся отъ меня . . . . Унылъ, окамененъ,
Я шелъ, бія себя во грудь, отъ градскихъ стѣнъ;
Вручилъ я жизнь свою на произволъ судьбинѣ;
И долго странствовалъ по дебрямъ и въ пустынѣ;
Зри рубища сіи, и бѣдность зри мою!
Пустынникъ нѣкій далъ одежду мнѣ сію;
И разумъ крѣпости мнѣ въ сердцѣ помѣстился;
Я къ Волжскимъ берегамъ безстрашно обратился;
Россіянъ на поляхъ разсѣянныхъ нашелъ,
Открылся имъ; и ихъ съ собою въ путь повелъ.
Со мной великія толпы соединились;
Мы въ срѣтенье тебѣ по Волгѣ уклонились;
Но только веси мы Свіяжски претекли,
Въ опасной брани тамъ Россіянъ обрѣли;
Отъ волнъ и отъ небесъ пловущія страдали;
Въ нихъ пламень съ береговъ враги твои кидали;

Тво-

Твоимъ воителямъ спасенья нѣтъ нигдѣ;
Смерть видятъ на землѣ! смерть видятъ на водѣ!
Я спутниковъ спѣшилъ къ защитѣ ихъ устроить;
Ордынцовъ поразить, Россіянъ успокоить;
Враговъ твоихъ отгнать мнѣ не было труда;
Потомъ склонилъ мое стремленіе сюда;
Я зналъ, что воинство отъ глада изтлѣвало,
И воздухъ васъ мертвилъ, и солнце убивало;
Врачебную траву и пищу къ вамъ принесъ;
Но только я вступилъ во мрачный близкій лѣсъ,
Тамъ старецъ нѣкакій предсталъ передомною,
И былъ свиданія съ моимъ Царемъ виною.

Полстадіи прешли, бесѣдуя они,
И видятъ межъ древесъ блистающи огни,
Къ которымъ спутники чѣмъ ближе подвигались,
Тѣмъ далѣе огни отъ оныхъ уклонялись;
И вдругъ склубившись, ихъ къ пещерѣ привели;
Лежаща старца тамъ на камнѣ обрѣли;
На персяхъ у него какъ ленъ брада лежала,
И мудрость во его чертахъ изображала;
Священну книгу онъ чело склоня читалъ;
Увидя предъ собой пришельцевъ, бодръ возсталъ;
Пріятнымъ воздухъ весь наполнился зефиромъ,
И старецъ рекъ къ Царю: гряди въ пустыню съ миромъ!
Какъ въ солнечныхъ лучахъ играюще стекло,
Покрылось Царское веселіемъ чело;
Но стыдъ при радости въ лицѣ изобразился;
Сіяніемъ озаренъ, рукою онъ закрылся;
Позналъ во старцѣ онъ пустынника того,
Который въ путь нейти увѣщевалъ его,
И щитъ ему вручилъ; онъ рекъ: взирать не смѣю,
Я сердца чистаго, о старче! не имѣю;

Сумнѣньемъ и тоской терзается оно;
Твое, свѣтло какъ день; мое, какъ нощь темно;
Могуль бесѣдовать? . . . Душевну видя муку,
Пустынникъ простиралъ ко Іоанну руку,
И возвѣстилъ сіе: Печаль твою забудь;
Примѣромъ мужества главамъ вѣнчаннымъ будь;
Ты крѣпостью своей, терпѣніемъ, бѣдами,
Какъ злато чрезъ огонь, очистилъ духъ трудами;
Но паче тѣмъ себя во славѣ утвердилъ,
Что льстящую тебѣ фортуну побѣдилъ;
Злочестіе ты зрѣлъ подъ видомъ Махомета;
И естьлибы его не отженилъ совѣта,
Тебя бы страшный громъ мгновенно поразилъ,
И въ бездну вѣчныхъ слезъ на вѣки погрузилъ.
Теперь противъ страстей являясь храбрый воинъ,
Небесъ вниманія, и славы ты достоинъ;
Они велѣли мнѣ гремящею трубой,
Твой разумъ изпытать бесѣдуя съ тобой:
Се каменна гора! се поле передъ нами!
Тамъ видишь ты стези усыпанны цвѣтами;
Зефиры царствуютъ, утѣхи видны тутъ;
Подъ тѣнью миртовыхъ древесъ они живутъ;
Безцѣнны бисеры идущимъ предлагаютъ;
Вѣнцы на нихъ кладутъ, въ нихъ страсти возжигаютъ;
Которы наконецъ преобращая въ ядъ,
Изъ сихъ прекрасныхъ мѣстъ влекутъ идущихъ въ адъ.
Гора является ужасною въ началѣ;
Но страховъ меньше тамъ, чѣмъ ты восходишь далѣ;
Тамъ встрѣтишь пламенемъ сіяющихъ зміевъ;
Висящія холмы, услышишь звѣрскій ревъ;
Стези препутанны, какъ верви кривизнами,
И камни сходныя движеньемъ со волнами.

Когда

Когда вниманіемъ не будешь подкрѣпленъ,
Падешь въ развалины разбитъ и ослѣпленъ;
Но естьли твердости душевной не погубишь,
По долгомъ странствіи труды и страхъ возлюбишь;
Увидишь вскорѣ ты небесный чистый свѣтъ;
Во храмъ безсмертія твой Богъ тебя зоветъ;
О Царь мой! избирай изъ двухъ стезю едину,
И знай, что я тебя на трудной не покину.
Какъ нектаръ Іоаннъ въ бесѣдѣ сей вкушалъ;
Взявъ руку старцеву къ горѣ онъ поспѣшалъ,
И рекъ: Иду съ тобой, на подвигъ мой въ надеждѣ;
Но сей хотѣлъ склонить ко сну Алея прежде,
Дабы единый Царь позналъ судьбу небесъ;
Напитокъ нѣкакій сопутнику поднесъ,
Который силы въ насъ тѣлесны ослабляетъ;
И вдругъ у дна горы Алея усыпляетъ.
Царю пустынникъ рекъ: Иди, и буди смѣлъ;
Потомъ на крутизну безстрашнаго повелъ;
По дебрямъ провождалъ держа его рукою,
Въ немъ силы ободривъ бесѣдою такою:
О Царь! вѣщаетъ онъ, себя ты ввѣрилъ мнѣ,
Во мрачной сей нощи, въ незнаемой странѣ;
Сумнѣньемъ твоея души не возтревожилъ,
И тѣмъ вниманіе мое къ тебѣ умножилъ;
Я дружество тебѣ взаимно докажу,
О имени моемъ, о званіи скажу:
Познай во мнѣ того, которому гонитель,
И ближній сродникъ былъ, усопшій твой родитель;
Я тотъ, котораго онъ презрилъ родъ и санъ;
Я есмь нещастливый пустынникъ Вассіянъ (1);

Но

(1) Сей Вассіянъ, или Савастіянъ, сосланъ былъ въ заточеніе Царемъ Василіемъ Іоанновичемъ.

Но горести мои и слёзы я прощаю,
И сыну за отца любовью отомщаю;
Не онъ мнѣ былъ врагомъ, враги мои льстецы,
Преобращающи въ колючій тернъ вѣнцы;
Я былъ гонимъ отъ нихъ. За слёзы и терпѣнье,
Душевное теперь вкушаю утѣшенье;
И естьли слушаетъ Господь молитвъ моихъ,
Враговъ моихъ простивъ, молюся я за нихъ;
Мнѣ рай, душевный рай, въ вертепахъ отворился;
Я тридесяти лѣтъ въ пустыню водворился;
Здѣсь плачу о грѣхахъ мірскихъ наединѣ;
Нѣтъ злата у меня; чего бояться мнѣ?
Тѣ, кои приключить мнѣ бѣдства уповали,
Тѣ злобствуя, мнѣ жизнь пріятну даровали . . .
Гряди! мужайся Царь! . . . Смотри на сихъ зміевъ;
Они срѣтая насъ, обуздываютъ гнѣвъ;
Здѣсь камни дикія устроились вратами;
Широкій путь отверзтъ идущимъ пѣснотами;
Кремни являются зеленою травой;
Се награждается, о Царь! мой трудъ, и твой;
Пойдемъ! . . . Идущія всѣ силы вновь подвигли,
И чистыя они вершины вдругъ достигли.

Уже по розовымъ они грядутъ цвѣтамъ;
На самой вышинѣ явилось зданье тамъ;
Не мраморомъ оно, не кровлею златою,
Оно гордилося пріятной простотою;
Развѣсисты древа стояли близъ его;
Зеленый зрѣлся холмъ подпорой у него;
Тамъ нѣжилась кругомъ роскошная природа;
Во зданіе сіе не видно было входа.

Водимый тако Царь пустынникомъ, молчалъ;
Но удивляемый смутился и вскричалъ:

Я чувствую тщеты со трономъ сопряженны;
Колико предъ Царемъ пустынники блаженны!
Какъ тихая вода, ихъ сладкій вѣкъ течетъ;
Хощу въ пустынѣ жить! стоная Царь речетъ,
Или, о старче! вынь изъ сердца смертно жало,
Меня видѣніе которымъ поражало;
Оно напастію грозило мнѣ такой,
Которая ужѐ отъемлетъ мой покой;
Открой судьбину мнѣ! ... Взглянувый кроткимъ взоромъ
Пустынникъ ободрялъ Монарха разговоромъ:
Уединенія желаешь ты вотще,
Ты долженъ царствовать до старости еще;
Судьба, которую ничто не умоляетъ,
Короны бремя несть тебя опредѣляетъ; ....
Угрозъ сердитаго видѣнья не забудь;
Коль хощешь щастливъ быть, Царемъ правдивымъ будь.
Но трудно достигать намъ тайности небесной,
Доколь мы плотію одѣяны тѣлесной;
Божественну судьбу отъ смертнаго очей,
Сокрылъ на вѣки Богъ во глубинѣ ночей.
Сіяньемъ окруживъ Царя, сіе вѣщаетъ,
И духомъ онъ его на небо возхищаетъ,
Гдѣ животворный огнь, какъ свѣтлый токъ течетъ;
Градъ божій указавъ, Вассьянъ Царю речетъ:
Здѣсь пламенны стоятъ во мракѣ Херувимы,
Стрегущи дверь судебъ, и имъ судьбы не зримы;
Превыше сихъ, гдѣ звонъ небесныхъ слышанъ лиръ,
Неосязаемый, но чувственный есть міръ;
Сей міръ блистательный, пріятный и нетлѣнной,
Есть въ духѣ божіемъ чертежъ всея вселенной;
Тамъ солнца нѣтъ во дни, и нѣтъ луны въ ночи,
Но вѣчно тамъ горятъ Господнія лучи.

Се! зришь обители, которыя Содѣтель
Устроилъ, гдѣ вмѣщать прекрасну добродѣтель;
Святынею святыхъ сіи мѣста зовутъ,
Нетлѣнны въ храминахъ нетлѣнныхъ здѣсь живутъ;
Которы Бога чтутъ, пороки отметаютъ,
Тѣ быстро въ сей предѣлъ по смерти возлетаютъ.
Здѣсь предка твоего Всевышній помѣстилъ,
Который полночь всю крещеньмъ просвѣтилъ;
На третьемъ небеси Владимиръ обитаетъ,
И божій видя ликъ, восторгомъ духъ питаетъ;
Се! Ольга мудрая, пріемля божій свѣтъ,
Въ безсмертныхъ радостяхъ съ безплотными живетъ;
Превыше всѣхъ планетъ и движимаго неба,
Къ веселіямъ вознесъ Господь съ Борисомъ Глѣба;
Се! храбрый Александръ, включенъ въ верховный санъ;
Се! общій сродникъ нашъ; се! дѣдъ твой Іоаннъ;
Являются очамъ всѣ князи тѣ святыя,
Которыми поднесь спасается Россія;
На небѣ Іоаннъ живущу мать узрѣлъ,
Вокругъ ея главы изъ звѣздъ вѣнецъ горѣлъ;
Увы! вскричалъ въ слезахъ, назначеноль судьбою,
Мнѣ въ небѣ обитать, любезна мать! съ тобою?
Въ восторгахъ онъ желалъ ее облобызать;
Но тѣла не возмогъ устами осязать,
То тѣнь одна была; и Вассіянъ вѣщаетъ:
Пойдемъ отсель! тебя сей нѣжный видъ смущаетъ.
Имѣющъ радости сіяніе въ лицѣ,
Царю отецъ его встрѣчается въ вѣнцѣ;
И Царь сіи слова отъ Вассіяна внемлетъ:
Воззри, какую мзду достоинство пріемлетъ!
И наша въ божествѣ почерпнута душа,
Преграды тѣлеси и узы разрѣша,

Взне-

Взнестися до сего святилища удобна,
Когда на сей землѣ была чиста, незлобна;
Изчезнетъ передъ ней судьбу держащій мракъ;
Познаетъ все она; увидитъ божій зракъ.
Ужѐ я познаю, въ восторгѣ Царь вѣщаетъ,
Что Богъ и въ жизни сей твой разумъ просвѣщаетъ;
И то, что намъ явятъ по смерти небеса,
То видятъ на землѣ премудрыхъ очеса;
Твои уста мнѣ гладъ и бури предсказали:
И бѣдствія меня предвидѣнны терзали;
Прости ты, отче мой! сумнѣнью моему,
Твой свѣтъ не могъ прогнать мою душевну тму;
Коль мрачны Царскія безъ мудрости престолы!
Вѣщалъ; и старцевы сіи внималъ глаголы:
О! естьли Іоаннъ, познал я что нибудь,
Смиренна жизнь моя мнѣ сей отверзла путь;
Душѣ отъ сей землѣ на небо есть дорога;
Она есть точное изображенье Бога,
Живетъ и движется въ объятіяхъ его;
Душа есть лучь живый; Богъ солнце у него!
Отъ мысли сей въ моихъ трудахъ не удаляюсь,
И духомъ къ божеству всечасно возкриляюсь.
Что могъ проразумѣть о будущей судьбѣ,
О Царь! открою то во храмѣ и тебѣ,
Оставимъ небеса; но тайны сей во вѣки
Да слышатъ отъ тебя не будутъ человѣки!
Отверзу взоръ тебѣ на будущія дни;
Гряди! . . . И шествуютъ ко зданію они;
Врата, которыя между стѣнами крылись,
Врата нетронуты входящимъ отворились;
Съ священнымъ трепетомъ грядетъ за старцемъ Царь,
И видитъ посредѣ стоящій въ тмѣ олтарь;

 Подъ

Подъ нимъ живой воды являлся ключь біющій;
Пустынникъ къ олтарю рукой Царя ведущій,
На персты взявъ воды къ Монарху приступилъ,
И очи и чело Царево окропилъ;
Какъ нѣкая кора съ очей его низпала,
Очистился олтарь, мгновенно тма пропала,
И будто усыпилъ Царя пріятный сонъ,
Что вижу предъ собой? вѣщаетъ старцу онъ;
Иль духъ мой прелетѣлъ въ небесную вершину? . . .
Ты видишь, старецъ рекъ, божественну судьбину;
Колѣна преклони! се книга предлежитъ;
Зри таинства черты; и Царь во книгу зритъ:
Крестообразно вкругъ ее лучи спирались,
Въ ней сами отъ себя листы перебирались;
Какъ чистою брега наполненны водой,
Являютъ небеса текущи надъ рѣкой:
Во книгѣ ясно такъ изображенно зрится,
Чему назначено въ грядуще время збыться.
Недвижимъ зритель былъ; пустынникъ замолчалъ;
Се! вижу я себя, въ восторгѣ Царь вскричалъ;
Безъ долговремянной и многотрудной брани,
Врата отверзлися мнѣ гордыя Казани;
Ордынскій сильный Царь у ногъ моихъ лежитъ;
И Волга и Кавказъ отъ стрѣлъ моихъ дрожитъ;
Смущенна Астрахань упала на колѣни;
Уже моихъ знаменъ въ Сибирь простерлись тѣни;
На Шведовъ громъ падетъ изъ храбрыхъ Росскихъ рукъ;
Вкругъ Белта внемлю я Московской славы звукъ;
Мятежная Литва, какъ агнецъ, усмирилась;
И Нарва съ трепетомъ Россіи покорилась;
Тревожный Новгородъ на вѣки укрощенъ;
Побѣдами покой народамъ возвращенъ;

Поля-

ПоляковЪ усмиривЪ, я царствую во славѢ;
СосѢдямЪ мирЪ дарю, и мирЪ моей державѢ....
Престань тщеславиться! смиренный старецЪ рекЪ,
И знай, что ты не БогЪ, но смертный человѢкЪ;
Блаженства самЪ себѢ не можешь ты устроить,
Коль онымЪ БогЪ тебя не хощетЪ удостоить.
На оживленныя творенья взорЪ простри;
Будь твердЪ, и суету земнаго щастья зри;
Се! виды страшныя Монарха поражаютЪ:
ТамЪ отрока вЪ крови черты изображаютЪ;
Обвившись змій кругомЪ, гортань его грызетЪ;
Кто отрокЪ сей? МонархЪ ко старцу вопіетЪ!
Я зрю жену надЪ нимЪ во грудь себя разящу,
Терзающу власы, и жизнь пресѢчь хотящу.
Ты видишь мать его, вѢщаетЪ ВассіянЪ,
Се сынЪ твой! се твоя супруга, ІоаннЪ!
О! славолюбія неслыханное дѢйство,
Корысти поострятЪ убійцевЪ на злодѢйство;
Димитрій вЪ юности увянетЪ, яко цвѢтЪ;
Царь стонетЪ, и едва на землю не падетЪ;
Но силы вдругЪ его пустынникЪ подкрѢпляетЪ;
Во свѢтлыхЪ небесахЪ Димитрія являетЪ;
СкрѢпися, рекЪ Царю, во славѢ сына зри,
Какой не многія причастны суть Цари;
Неувядаему корону онЪ получитЪ;
Во адѢ вѢчный огнь его убійцевЪ мучитЪ.
Спокоило Царя видѢніе сіе;
Но гдѢ, онЪ вопросилЪ, потомство гдѢ мое?
КнѢ вихремЪ нѢкакимЪ мгновенно окружились,
ВдругЪ многія листы во книгѢ преложились;
Не все изпытывай, пустынникЪ рекЪ Царю;
Я вѢтьви твоего потомства отворю;

 Се

Се твой на тронѣ сынъ! не буди безотраденъ;
Но въ немъ изсякнетъ кровь, онъ кончитъ жизнь безчаденъ.
Со стономъ Іоаннъ, потупя взоръ, молчалъ;
Потомъ на небеса взирающій вскричалъ:
Ты Боже! строишь все, твоя да будетъ воля!
Тобой предписана моя мнѣ въ жизни доля;
Но мучится мой духъ, и слезный токъ течетъ,
Что корень Рюриковъ судьбина извлечетъ.
Не сѣтуй! старецъ рекъ: Твой плодъ не истребится,
Но долженъ въ землю онъ на время углубиться;
Въ благословенной онъ утробѣ прозябетъ,
И выступитъ потомъ торжественно на свѣтъ;
Отъ вѣтьви Царскому колѣну пріобщенной,
Изыдутъ отрасли въ Россіи возмущенной;
Какъ сильный кедръ, они до облакъ возрастутъ;
Народы ликовать подъ тѣнь его придутъ;
Россія возгремитъ, и славу узритъ нову;
Но нынѣ обрати твой взоръ ко Годунову,
И другъ и родственникъ онъ сына твоего;
По немъ пріемлюща ты зришь вѣнецъ его;
Ты видишь вкругъ его рѣкою кровь текущу,
Стенящу истинну, невинность вопіющу.
Царь въ черныхъ мракахъ зритъ преемника сего;
Какъ облакъ носится печаль кругомъ его;
Не веселитъ души ни трономъ онъ, ни славой;
Рукою держитъ мечь, другой сосудъ съ отравой;
Крѣпитъ на тронѣ власть кровавымъ онъ перомъ;
Но видитъ молніи, вдали внимаетъ громъ;
Смущенныя глаза на тучу взводитъ черну,
И Годунова тронъ подобенъ зрится терну.
Кто дни спокойствія Царева погасилъ?
У Вассіяна Царь со стономъ вопросилъ;

Рас-

Раскаянье и грѣхъ, пустынникъ отвѣчаетъ;
Убійца Дмитріевъ отравой жизнь скончаетъ.
Смотри, какъ дѣйствуетъ въ его утробѣ ядъ;
Отрепьева на тронъ Поляки взнесть хотятъ;
Димитрій убіенъ, но имянемъ возстанетъ;
Отмщенье въ образѣ черица перуномъ грянетъ,
И сына Царскаго на тронѣ умертвитъ.
Но горести въ Москвѣ Отрепьевъ оживитъ;
Не есть и не было толикихъ золъ примѣра:
Благочестивая тѣснима зрится вѣра;
Въ Россіи тишина изчезла, яко дымъ,
Тамъ страждетъ Патріархъ въ темницѣ Іакимъ;
Латынской ересью и лестью упоенный,
Игнатій жезлъ беретъ и санъ первосвященный;
Ко благочинію утратилась любовь;
Сыновъ отечества рѣкой ліется кровь;
Изъ рукъ Отрепьева перунъ въ столицѣ грянулъ.
Но Шуйскій на него съ мечемъ отъ сна возпрянулъ;
Онъ пламенникъ нося отъ Россовъ гонитъ страхъ,
Предавъ огню черица, его развѣялъ прахъ;
Ты видишь Шуйскаго, носящаго корону;
Но зло къ Россійскому прильнетъ, какъ язва, трону,
Междоусобіе въ Россіянахъ горитъ;
Се жало на него боярска злость острить.
Забвенна древняя твоимъ народомъ слава;
На царство Польскаго онъ призвалъ Владислава;
И въ ризу черную Василій облеченъ,
Постриженъ, и врагамъ отечества врученъ;
Все царство мракъ покрылъ; ищи въ темницѣ свѣта!
Являетъ онъ Царю въ оковахъ Филарета;
Въ темницу вверженный, но въ ней неустрашимъ,
Изъ Польши пишетъ онъ къ собратіямъ своимъ,

Дабы

Дабы въ любви сердца къ отечеству крѣпили,
Вѣнца Россійскаго Литвѣ не уступили;
Нещастный старецъ зритъ оковы, пламень, мечь;
Безсильна смерть его къ предательству привлечь;
Онъ славу соблюсти отечество заставитъ;
И пастырствомъ свой санъ въ Москвѣ потомъ прославитъ.
Но мракъ скрывается; зри! солнечный возходъ;
Романовыхъ грядетъ отъ Филарета родъ;
Явится въ полномъ онъ сіяньи при началѣ,
И больше свѣта дастъ, чѣмъ въ вѣчность пройдетъ далѣ;
Увы! доколь заря въ Россіи не взойдетъ,
На всю твою страну глубокій мракъ падетъ!
Се тронъ колеблется хранимый многи вѣки;
Москву наполнили Поляки, будто рѣки;
Забвенны древнія природныя Князья;
Ты стонешь, Іоаннъ! стеню и плачу я!
Иноплеменники Москвою овладѣли . . . .
При семъ видѣніи небесны своды рдѣли;
Опустошенныя являются поля;
Кровавыя кусты, багровая земля;
Растерзанны тѣла гробовъ не обрѣтаютъ,
И птицы хищныя надъ ними вкругъ летаютъ.
Отрынула Москва отъ персей томныхъ чадъ;
Къ Россійскимъ ратникамъ приходитъ блѣдный гладъ,
Мечи изъ рукъ падутъ; душевны слабнутъ силы;
Преобращаются вкругъ стѣнъ шатры въ могилы;
И гладъ бы пламенно геройство погасилъ,
Когда бы召Mининъ ихъ сердецъ не воскресилъ,
Сей другъ отечества на бурю взоръ возводитъ;
Беретъ сокровища, къ Пожарскому приходитъ;
Богатство тлѣнъ и прахъ, но славится оно,
Коль будетъ общему добру посвящено;

Познал имѣнія такую Минин цѣну;
Он злато изострил, дабы попрать измѣну;
Россійской храбрости удерживает вѣс;
И се разит Орла Россійскій Геркулес!
Как бурный вихрь Москву Пожарскій окружает,
Кидает молніи, Поляков поражает;
С другой страны дарит отечеству покой,
Бросая гром на них Димитрій Трубецкой.
Сей род со времянем с тѣм родом сединится,
От коего пѣвец Казанских дѣл родится;
Увидѣть свѣт ему судьбина повелит,
Гдѣ Польшу бурный Днепр с Россіею дѣлит;
Прости, коль он тебя достойно не прославит,
Любовь к отечеству писать его заставит.
Но взоры Іоанн к Героям устреми,
И черную печаль от сердца отьими;
Пожарскій с Трубецким побѣду возвѣщают;
Женут врагов, разят, и в бѣгство обращают.
Очистились теперь от мрака небеса;
Москвѣ возвращена и слава и краса;
Пожарскому вѣнец народом поднесется;
Но сей великій муж от царства отречется,
И сею кротостью Монархов превзойдет;
Избрать Романова на царство даст совѣт;
В уединеніе потом возхощет скрыться;
И Филаретов сын со славой воцарится.
Смотри, как мать ему принять вѣнец претит;
Колеблемый престол души ея не льстит,
И сына образу в слезах она вручает;
Сигклит его берет, и бармами вѣнчает;
На царство отрок сей торжественно вступил,
И жало страшнаго дракона притупил;

Ц Скло-

Склоненную главу при немъ подъемлетъ царство,
И оградилося спокойствомъ государство.
Пріемлетъ сынъ его корону Алексѣй,
Законодателемъ владѣтель будетъ сей;
Благоустройство онъ даетъ своей державѣ;
Уготовляется Россія къ новой славѣ.
Преемникомъ своимъ онъ сына наречетъ;
Но смерть Феодора въ цвѣтущи дни сѣчетъ;
Горька отечеству такая будетъ трата,
Оставитъ по себѣ юнѣйшаго онъ брата.
Что вижу? Царь вскричалъ: Что вижу я? Скажи!
Родятся новыя въ Россіи мятежи;
Зрю вкупѣ двухъ Царей, и вижу двѣ короны;
Трепещетъ стольный градъ, трепещутъ Царски троны;
Разторглось дружество и братская любовь;
Въ Москвѣ грабежъ и вопль, течетъ по стогнамъ кровь.
Кто сей нещастный мужъ на крестъ въ слезахъ взираетъ,
И за власы влекомъ на копьяхъ умираетъ?
Какая хитрая и гордая жена,
Мнѣ видится въ вѣнцѣ мечемъ вооружена?
Віющися зміи свои разверзли зѣвы,
Хотящи жалами язвить уста Царевы;
Но вдругъ печальная простерлась тишина,
Междоусобная укрощена война;
Кто отрокъ сей? скажи, что громы взявъ рукою,
Разитъ мятежниковъ для общаго покою;
Коварство плачуще у ногъ его лежитъ,
Злоумышленіе отъ стрѣлъ его бѣжитъ;
Но что? Не новыя ль раждаются народы;
Иль въ годъ вмѣстилися безчисленныя годы?
Столицу вижу я; но вижу не мою!
Въ Москвѣ Россіянъ зрю; но ихъ не узнаю!

Се

Се Царь, оставивъ тронъ, простеръ къ работѣ руки;
Цвѣтутъ кругомъ его художества, науки;
Или я вижу сонъ? или мутится взглядъ?
Се вдругъ раждается у Белта пышный градъ!
Скажи, коликими созижденъ онъ Царями?
Единымъ! . . . Сей единъ да чтится олтарями! . . .
Державу осѣнитъ сей мужъ, какъ нѣкій кедръ; . . .
Се Богъ, иль человѣкъ? . . . . Се твой потомокъ Петръ!
Онъ людямъ дастъ умы, дастъ образъ нравамъ дикимъ,
Россіи нову жизнь; и будетъ слыть Великимъ.
Свѣтило оное въ началѣ міракъ затмитъ,
Сестра противъ него коварства устремитъ;
Ты видишь, какъ она владѣть престоломъ жаждетъ,
Москва отъ хитрости Софіи гордой страждетъ;
Стрѣльцы Матвѣева безвинну кровь ліютъ,
Се! чашу смертную Нарышкины піютъ;
Но зри Петра своимъ народомъ окруженна;
Его перуномъ злость и гордость пораженна;
Се гонитъ онъ за Днепръ съ полей Полтавскихъ Льва;
И видитъ новый градъ во дни его Нева;
Парящимъ онъ орломъ въ чужихъ краяхъ явился,
И свѣтъ его трудамъ и свойствамъ удивился;
Превыше смертныхъ силъ подъемлетъ онъ труды;
Се флотъ, се воинство, науки, и суды!
Его перунъ въ моряхъ, и громъ на сушѣ грянулъ;
Но въ самыхъ торжествахъ вдругъ мудрый Царь увянулъ!..
Смущенъ пріятною и жалостной мечтой,
Воскрикнулъ Іоаннъ: О! грозна смерть, постой!
Оставь потомка мнѣ! Но свѣтъ Петра объемлетъ,
И Царь сіи слова отъ Вассіяна внемлетъ:
Сей мужъ великими дѣлами долго жилъ,
И жизнямъ Богъ предѣлъ и славѣ положилъ;

Пресвѣтлый духъ Петровъ на небо преселится;
Но онъ въ другомъ лицѣ на землю возвратится;
Познаетъ свѣтъ, когда его прервется вѣкъ,
Лишь только по тому, что былъ онъ человѣкъ;
Во всей подсолнечной сей мужъ себя прославитъ,
И въ плачѣ по себѣ Россію всю оставитъ;
Образованіе душѣ и славѣ сей,
Въ крови Нарышкиныхъ устроитъ Алексѣй;
Примѣромъ нашего онъ будетъ полукруга.
Взойдетъ на Царскій тронъ по немъ его супруга;
И славы странъ твоихъ преумножая звукъ,
Оставитъ Аннѣ тронъ его безчадный внукъ...
И се Россійскаго къ усугубленью свѣта,
Петрова Дщерь грядетъ на тронъ Елисавета;
Ознаменуется правленіе сіе,
Щедротой, щастіемъ и кротостью ее;
При ней расторгнутся наукъ словесныхъ узы,
Россію посѣтятъ возлюбленныя Музы;
Сѣдящи миртовыхъ древесъ въ густой тѣни,
Ужѐ поютъ они свои златыя дни;
Подъ скипетромъ ея шумятъ обильны нивы,
Вокругъ ея цвѣтутъ и лавры и оливы;
Науки видимы какъ новый виноградъ;
Ихъ нѣжитъ и раститъ Россійскій Меценатъ.
Но что за зрѣлище въ восторгъ мой духъ приводитъ?
Свѣтило новое въ странѣ полночной всходитъ,
Вѣщаетъ Іоаннъ.... Теряется мой взоръ;
Колики радости, какой торжествъ соборъ!...
Се! лучшая времянъ, пустынникъ рекъ, судьбина,
Пріемлетъ царствія вожди ЕКАТЕРИНА;
Премудрость съ небеси въ полночный край грядетъ,
Блаженство на престолъ въ лицѣ ея ведетъ;

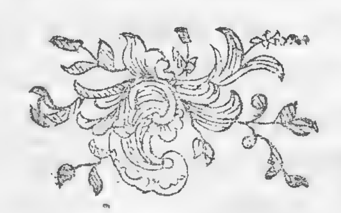
Зри!

Зри! какъ предъ Ней любовь отечества пылаетъ;
Она цвѣтами путь Ей къ трону устилаетъ;
Тѣсна Ея лучамъ обширная страна,
Должна бы озарять вселенну всю Она;
Божественны Она народамъ дастъ уставы,
Гласящи подданныхъ и Государей правы;
Содѣйствуетъ Ея намѣреніямъ Богъ;
Устроитъ совѣсти и милостямъ чертогъ;
Она стенанію вдовицъ и сирыхъ внемлетъ;
Нещастливыхъ дѣтей на рамена пріемлетъ,
Питаетъ, грѣетъ ихъ, имъ нову жизнь даетъ;
Судя преступниковъ, какъ Матерь слёзы льетъ;
Дать подданнымъ покой, лишается покою,
И щедрости ліетъ на подданныхъ рѣкою.
Учися царствовать, учися ты у Ней;
Будь подданнымъ отцемъ и жизни ихъ жалѣй!
Какъ крины процвѣтутъ въ Ея державѣ грады,
Упьются тишиной, насытятся отрады;
Гонимой истинны оковы разрѣшитъ;
Чего не кончилъ Петръ, премудро то свершитъ;
Отъ гордыхъ пирамидъ и титловъ отречется,
Но щедрой Матерью сердцами наречется;
Прибѣжищемъ Она народамъ будетъ всѣмъ;
Пріидутъ къ ней Цари, какъ въ древній Вифліемъ,
Не злато расточать, не зданіямъ дивиться
Пріидутъ къ ней Цари, но царствовать учиться;
Лучами озаритъ отечество Она,
Въ трудахъ Ея найдутъ Аврора и Луна.
Но буря бранная правленіе тревожитъ;
Шумитъ, и тѣмъ лучи вѣнца и трона множитъ;
Кротка въ отечествѣ, премудра въ тишинѣ,
Явилась грозною и страшной на войнѣ;

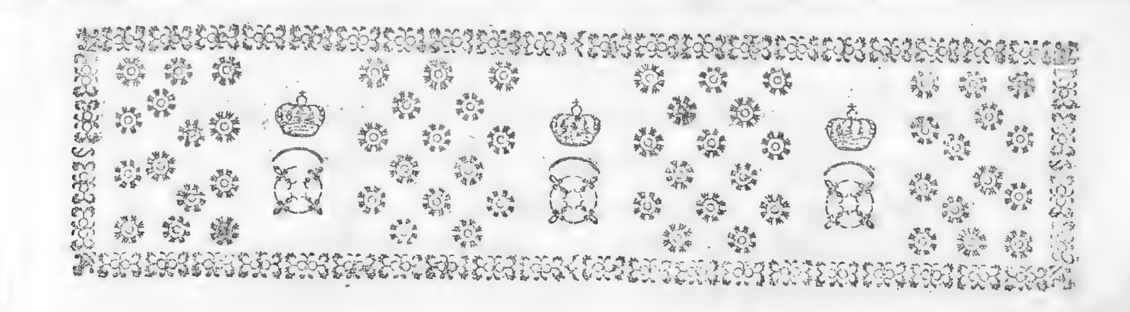
Чрезъ дальныя моря восточнымъ движетъ краемъ;
Вѣнцы и славный миръ пріемлетъ за Дунаемъ;
Безплоднымъ цвѣсть полямъ въ отечествѣ велитъ;
Разширивъ свой предѣлъ, народы въ немъ селитъ;
Увеселятъ Ее не лавры, не оливы,
То сердце усладитъ, что подданы щастливы;
Утѣшитъ страждущихъ, нещастныхъ оживитъ;
Побѣдой устрашитъ, щедротой удивитъ;
Возвыситъ разумы, сердца она исправитъ,
И домъ премудрости въ отечествѣ поставитъ.

Се Павелъ! старецъ рекъ, душа ея и кровь;
Зри! коль сильна къ нему народная любовь;
Се смерть въ цвѣтущій вѣкъ идетъ къ нему съ косою!
Народъ потокомъ слезъ, омылся какъ росою;
Проникнулъ небеса ЕКАТЕРИНИНЪ стонъ,
И паки возвращенъ и Ей и Россамъ онъ,
И вскорѣ томная утѣшилась Россія;
Се! входитъ съ Павломъ въ бракъ прекрасная Марія;
Цвѣтами въ честь ея украсились поля,
И въ даръ приноситъ ей богатый плодъ земля;
Ликующій народъ отъ сына видя сына;
Вѣнчанна славою цвѣтетъ ЕКАТЕРИНА....

Благополучіе познать полночныхъ странъ,
Желалъ еще взглянуть во книгу Іоаннъ;
Но вдругъ огонь блеснулъ! Царь къ старцу обратился,
Старъ затрепеталъ, и мракъ надъ нимъ згустился.

ПѢСНЬ

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ.

Отверзъ небесну дверь денницы перстъ златой;
Румяная заря встрѣчалась съ темнотой;
Гдѣ кисть простерту тѣнь отъ свѣта отличаетъ,
Тамъ зрѣніе черты межъ ими не встрѣчаетъ;
Смѣшенье сходное при утреннихъ часахъ,
Въ сліянномъ съ нощью дни являлось въ небесахъ;
Мракъ тонкій изчезалъ, сіяніе раждалось,
И каждо бытіе со свѣтомъ пробуждалось;
Тму гонитъ съ небеси пріятная заря;
Видѣнье гнало прочь печали отъ Царя.
Изъ храма Іоаннъ съ пустынникомъ выходитъ,
И зрѣніе кругомъ съ верьшины горъ обводитъ;
Сквозь чистый воздухъ зритъ пріятныя поля.
Тамъ нѣжной зеленью одѣлася земля,
И представлялася цвѣты производяща,
Какъ въ первый разъ изъ рукъ Господнихъ изходяща;
Зефиры тихія играютъ по лѣсамъ,
И свѣжесть отдаютъ землѣ и небесамъ;
Поля жемчужною росою орошенны;
Со мрачностью ночной ушли пары згущенны.
Когда бесѣдовалъ съ Монархомъ Вассіянъ,
Сокрылись ужасы отъ сихъ угрюмыхъ странъ,
И дождь, небесный дождь, лѣсовъ и горъ питатель,
Прохлады алчущимъ, и жизни сталъ податель;

Какъ

Какъ будто старцевыхъ внимая тайнѣ словъ,
Рѣкою зашумѣлъ изъ хладныхъ облаковъ;
Долины томныя и рощи оживились,
Былинки напились, цвѣты въ лугахъ явились;
Лазоревый покровъ одѣлъ поверьхность горъ;
Взводя на все сіе Монархъ веселый взоръ,
Вѣщалъ: Великій Богъ! о! коль тебѣ не трудно,
Во свѣтѣ то творить, что дивно намъ и чудно;
Но трудно намъ твои щедроты заслужить;
Ты Богъ! и Бога мы умѣемъ раздражить.

Глубоку мысль сію, питай всегда о Богѣ;
Но, старецъ рекъ, иди, твой станъ теперь въ тревогѣ;
Иди! друзей твоихъ, и войски успокой,
Неизреченною томящися тоской;
При семъ не забывай ужаснаго видѣнья!
Твой Богъ тебѣ Отецъ; ты будь отцемъ владѣнья!
Премудрый Царь почтенъ, хотя нещастенъ онъ;
Не злоключенія, пороки зыблютъ тронъ.

Пріосѣнивъ Царя, съ горы его низводитъ,
Гдѣ спящаго въ травѣ Алея Царь находитъ;
Се! вѣрный рабъ тебѣ, Монарху старецъ рекъ,
Не въ дружбѣ, но въ любви онъ слабый человѣкъ;
Ввѣряйся ты ему. Алей свой сонъ оставилъ;
Сокрылся Вассіянъ.... Царь къ войску путь направилъ;
И слéзы радостны лія рѣкой изъ глазъ,
По бѣдствахъ видъ являлъ спокойный въ первый разъ.

Во станѣ между тѣмъ, лишь Царь въ нощи сокрылся,
Неизреченный страхъ, и ужасъ воцарился,
Адашевъ по шатрамъ ходилъ какъ внѣ ума;
Ему казалася черняе нощи тма,
Колеблемой земля, по коей онъ ступаетъ;
Молчитъ, языкъ его къ гортани прилипаетъ;

Тре-

Трепещетъ какъ тростникъ, во всѣ страны смотря,
Не смѣетъ вымолвить, что нѣтъ уже Царя;
Онъ рыщетъ по лѣсамъ, на холмы онъ взбѣгаетъ,
Услышать ходъ Царевъ, къ землѣ онъ прилегаетъ;
Не слышитъ и не зритъ . . . . Толико грозный рокъ
Надолго скрытися отъ воинства не могъ;
Царево тайное отсутствіе познали;
Винить бѣдой своей другъ друга начинали;
Претерпѣвающи злощастье многи дни,
Въ сей часъ нещастными почли себя они;
Печали, гладъ, тоска, гоненья, скорби люты,
Явились страшны имъ, лишь только съ сей минуты;
Гдѣ Царь нашъ и Отецъ? повсюду вопіютъ;
Умолкнутъ вдругъ; и токи слезъ польютъ!
Но ратниковъ въ сей часъ внимая сокрушенью,
Послали небеса прохладу къ утѣшенью;
Древами зашумѣлъ зефиръ издалека,
И многоводныя надвинулъ облака,
Которы въ воздухѣ, какъ горы вкругъ ходили,
Сперлись, и вдругъ поля и рощи одождили.
Владѣющій доднесь Ордынскою страной,
Отъ вѣтровъ прячется подъ жаркій поясъ зной;
Цвѣты и былія въ долинахъ оживали;
А ратники Царя лишенны унывали;
Омытыя дождемъ и ощущая хладъ,
Вѣщали: Зной пошли, о небо! намъ назадъ;
Да голодъ насъ мертвитъ, и жажда несказанна,
Лишь только намъ отдай обратно Іоанна!
Разсыпались они по дебрямъ и лѣсамъ,
И простирали гласъ плачевный къ небесамъ:
Отдайте! горы намъ Царя, они взываютъ;
Изъ рощей, изъ пещеръ Монарха призываютъ;

Но разносящійся повсюду томный гласъ,
Имъ будто отвѣчалъ: Монарха нѣтъ у насъ.
Съ вечернія зари, до утренней ходили;
Безстрашнымъ, тропки имъ сумнѣнье наводили.
Ужѐ отъ свѣтлыя зари скрывалась тѣнь,
Луна подъ землю шла, и воцарялся день;
Адашевъ слѣдуя склоненію Цареву,
Рыдая шелъ къ тому развѣсистому древу,
Подъ коимъ Іоаннъ въ нощи видѣнве зрѣлъ;
Онъ шлемъ и мечь его подъ древомъ усмотрѣлъ,
Которыя Монархъ въ забвеніи оставилъ,
Когда къ пустыннику съ Алеемъ путь направилъ.
Какое смутное видѣнье для его?
Кипяща кровь спеклась вкругъ сѐрдца у него,
Воскрикнуть хощетъ онъ, но не имѣетъ мочи;
Остановилися стопы его и очи;
Такое зрѣлище, какъ острая стрѣла,
Пронзила грудь его, и сердце сквозь прошла;
Онъ руки къ небесамъ трепещущи возноситъ,
Истолкованія въ семъ дѣлѣ темномъ проситъ;
Взрыдалъ; и предъ собой воителей узрѣлъ!
Какъ хладный истуканъ, на нихъ Герой смотрѣлъ;
Воители его болѣнью сострадаютъ,
Біяво грудь себя на землю упадаютъ;
Волнующійся духъ въ Адашевѣ утихъ,
И вопрошающу о Іоаннѣ ихъ;
Объемлющи его колѣни повторяли:
Увы! и мы Царя Алея потеряли!
Тогда повѣдаютъ гонимы рокомъ злымъ,
Въ поляхъ свиданіе и разлученье съ нимъ;
Адашева въ тоскѣ ихъ повѣсть утѣшаетъ,
Онъ къ рощѣ, гдѣ Алей сокрылся, поспѣшаетъ;

Ле-

Летитъ чрезъ холмы онъ, желаніемъ горя,
И зритъ вдали; онъ зритъ идущаго Царя!
Какъ огнь влечетъ къ себѣ свѣтильникъ невозженный:
Такъ былъ къ Царю влекомъ Адашевъ восхищенный;
Онъ будто Ангела сходяща зря съ небесъ,
Въ объятія къ Царю повергся съ токомъ слезъ.
Ты вѣрнымъ другомъ быть, вѣщаетъ Царь, умѣешь;
Единаго искавъ, ты двухъ друзей имѣешь;
О отлученіи моемъ не сожалѣй,
Не плачь; я здравъ, и вѣренъ намъ Алей.
Тѣ рѣчи общее спокойство увѣнчали;
Зефиры къ воинству на крыльяхъ оны мчали;
Пріятнѣй вѣсть была зари лучей златыхъ,
И сладостнѣй дождя по многихъ дняхъ сухихъ;
Свѣтлѣе небеса и солнце появилось;
Вѣщаньемъ о Царѣ все войско оживилось.
Пришелъ нашъ Царь! пришелъ! повсюду вопіютъ;
Имъ взгляды Царскія пріятну жизнь даютъ;
Касаясь ризъ его, стопы его лобзаютъ,
И воплемъ радостнымъ небесный сводъ пронзаютъ.
Какъ токомъ водъ Моисей пустыню усладилъ,
Которы онъ жезломъ изъ камня изцѣдилъ:
Подобно Царскій взоръ, едино къ войскамъ слово,
Прохладу имъ даютъ, покой и щастье ново;
Его присутствіе блаженство принесло;
Воскресли радости и стало мертво зло.
Внимая грому трубъ Россійскихъ смутны Орды,
Престали дерзки быть, престали быти горды;
Какъ юница падетъ къ стопамъ идуща льва,
Простерлись предъ Царемъ Кокшайцы и Мордва;
Приходятъ, въ дань ему корысть и жизнь приносятъ;
За наглости свои они прощенья просятъ;

Вѣщая съ трепетомъ, что двигли ихъ на брань,
И суевѣріе, и гордая Казань;
Два мрака души ихъ и очи ослѣпили,
Что въ буйности они къ измѣнѣ приступили;
Но совѣсть изгнала вражду изъ ихъ сердецъ,
И быть они хотятъ рабами наконецъ.
Со умиленіемъ Монархъ просящимъ внемлетъ,
И въ подданныхъ число своихъ враговъ пріемлетъ;
Тогда наполнился ущербъ его полко́въ,
Донынѣ множимый отъ скорби и враговъ;
На мѣсто страждущихъ, на мѣсто умерщвленныхъ,
Онъ видитъ храбростью людей одушевленныхъ.
Такое диво зрѣлъ въ Колхидіи Язонъ,
Когда разсѣя тамъ зміины зубы онъ,
Увидѣлъ шлемы вдругъ, щиты, мечи блестящи,
И войски изъ земли, какъ класы изходящи;
Кочующи Мурзы, внимая славы шумъ,
Потупили глаза̀, унизивъ гордый умъ;
Изъ-подъ Казанскаго разторженна покрова,
Отъ молніи, что ихъ разить была готова,
Подъ сѣнь оружія Царева притекли;
И тамъ пристанище отъ бурей обрѣли;
Склонилися къ нему Висей со Еникеемъ,
И Царь отнынѣ сталъ ихъ другомъ, не злодѣемъ.
Какъ бурная рѣка со воинствомъ своимъ,
Къ Свіяжску двигнулся, и страхъ пошелъ предъ нимъ;
И се составились; о! дивная премѣна,
Махометанскія съ Россійскими знамена.
Ужѐ какъ два крыла раскинувый орелъ,
По воздуху съ дѣтьми, такъ Царь на брань летѣлъ;
Подобны тучамъ двумъ двѣ зрѣлись войска части,
Предохраняющи средину отъ напасти;

Когда

Когда вступилЪ Герой вЪ Свіяжскія поля,
Ликующей ему представилась земля;
КоторыхЪ жители Россіи покорились,
ТѢ селы вЪ тишинѢ какЪ садЪ изобразились;
Щедротой ихЪ привлекЪ вЪ покорство ІоаннЪ;
Изчезла злоба ихЪ противу ХристіянЪ;
Не изнуренныя ни данью, ни трудами,
Между великими покоятся скирдами;
ТамЪ нивы тучныя, тамЪ сладкія плоды,
Являли роскоши и щастія слѢды.
Среди прозрачныхЪ водЪ, вЪ лугахЪ, вЪ долинахЪ мирныхЪ,
Являются стада воловЪ и агнцовЪ жирныхЪ;
ПодЪ тѢнію древесЪ вѢнки пастушки вьютЪ,
Пріятну жизнь они и нѢжности поютЪ;
ТамЪ ризу пеструю раскинула природа;
Написанна вЪ очахЪ у всѢхЪ цвѢла свобода;
ВстрѢчаютЪ воинство, за войскомЪ идутЪ вЪ слѢдЪ,
Усердны жители нося млеко и медЪ.
Какое двухЪ державЪ несходство предлежало!
УвеселивЪ глаза оно сердца сжимало,
И горесть во слезахЪ на воиновЪ воззрѢвЪ,
Умножила вЪ ЦарѢ стремленіе и гнѢвЪ;
Не смѢлЪ ни зной, ни вихрь вЪ пути его тревожить;
Но радость общую и Царскую умножить,
Едва полки вЪ СвіяжскЪ оружія внесли,
И войски водныя ко брегу притекли;
Се вопль, веселый вопль небесный сводЪ пронзаетЪ!
ОтЪ волнЪ спасеннаго какЪ сына мать лобзаетЪ:
СЪ такимЪ восторгомЪ Царь пловущихЪ цѢловалЪ,
КоторыхЪ потерять на вѢки уповалЪ.

УмысливЪ дать примѢрЪ Казани горделивой,
Едва вступилЪ вЪ СвіяжскЪ, сей Царь миролюбивой,

Со увѣщаніемъ и кротостію словъ,
Оливну вѣтвь вручивъ, послалъ туда Пословъ;
Велѣлъ мятежникамъ кичливыя Казани,
Миръ вѣчный предложить, или кровавы брани.
Ведущая меня донынѣ на Парнасъ,
О Муза! укроти на время звучный гласъ;
Послы грядутъ въ Казань со миромъ, не съ войною;
Въ сей градъ, мятежный градъ, прейди и ты со мною;
Повѣдай прежнихъ бѣдствъ Алеевыхъ вину;
Развратъ представь очамъ; дай лиру, пѣть начну.
Подъ лунною чертой духъ мрачный обитаетъ,
Который день и нощь по всѣмъ странамъ летаетъ;
Раждаетъ онъ вражды между земныхъ Князей,
Раждаетъ мятежи, разрывы межъ друзей;
Онъ вноситъ огнь и мечь въ священные законы,
Гражданску точитъ кровь, колеблетъ Царски троны;
Сердца тревожитъ онъ, супружни узы рветъ;
Всѣхъ мучитъ, всѣхъ крушитъ, Развратомъ онъ слыветъ.
Сей духъ существовалъ до сотворенья неба,
Единородный сынъ и нощи и Ереба,
Во макѣ утаясь сіянье похищалъ,
Молчащу тишину ставъ буреи возмущалъ;
Во мразѣ кроясь сражался съ теплотою;
Онъ воздухъ устремлялъ на брань съ водой густою;
Когда въ Едемѣ жилъ безбѣдно человѣкъ,
Во древѣ знанія сокрылъ желѣзный вѣкъ;
Надъ нашимъ праотцемъ, прамашерью прельщеннымъ,
Плодомъ возликовалъ сынъ мрака запрещеннымъ;
На шарѣ здѣшнемъ онъ отъ тѣхъ времянъ живетъ;
Гнѣздилище его и царство цѣлый свѣтъ.
Онъ сѣетъ тамо зло, гдѣ только есть народы;
Гдѣ пустыни лежатъ, мутитъ съ песками воды;

Ды-

Дыхаетъ пламенемъ изъ чрева онъ земли;
Бросаетъ въ ярости о камень корабли;
Въ пучинѣ воздуха онъ яды разтравляетъ;
Онъ движитъ бурями, и громы составляетъ;
Болѣзни, горести, земное каждо зло,
Отъ мрачныхъ чреслъ его во свѣтъ произтекло.
Злочестіе во тму бездонну погруженно,
Лежало будтобы перуномъ пораженно;
Кометъ пламенной его подобенъ видъ;
Терзали грудь его досада, гнѣвъ и стыдъ;
Отчаянны глаза на небеса возводитъ,
И паки въ новыя злоумышленья входитъ,
Вѣщая: Нѣтъ! Москвѣ не дамъ торжествовать!
Смущу Казань, смущу! адъ будетъ ликовать!
И страшный пламенникъ рукой дрожащей емлетъ;
Изъ вѣчной тмы ползетъ, главу свою подъемлетъ;
Шипящи у него ехидны вкругъ чела,
Являли ярость всю неистоваго зла;
Куда ни ступитъ, все мертвитъ и пожигаетъ;
Въ свирѣпствѣ таковомъ къ Разврату прибѣгаетъ;
Чего ты мешкаешь? со стономъ вопіетъ;
Въ пріятной тишинѣ покоится весь свѣтъ;
Казань безпечною любовью услажденна,
Иль скоро быть должна Россіей побѣжденна,
Или не устыдясь невольническихъ узъ,
Съ Москвою рабственный содѣлаетъ союзъ;
Настанетъ вѣчный миръ! Почто, почто, коснѣешь?
Стыдись! что званіе Разврата ты имѣешь;
Смутилъ бы я весь свѣтъ; но дѣло то твое,
Для сихъ похвальныхъ дѣлъ имѣешь бытіе;
Злочестіе Развратъ къ злодѣйству ополчаетъ,
И пламенникъ ему изъ рукъ своихъ вручаетъ,

Со

Со скрежетомъ сказавъ: Гряди! гряди въ Казань;
И тамо сѣй раздоръ, мятежъ, измѣну, брань! . . .
Ко поднебесности восточной уклонился,
И огненной змѣей Развратъ въ Казань спустился;
Спокойствомъ упоенъ узрѣлъ Сумбекинъ взоръ;
Но въ грудь ея взглянувъ, прочелъ на ней притворъ;
Примѣтилъ скрытую у ней на сердцѣ рану,
Къ Алею хладъ одинъ, но всю любовь къ Осману;
Тогда объемля градъ своихъ пространствомъ крилъ,
Съ Сумбекой на вражду Османа онъ смирилъ;
Любовной страстію Царица ослѣпленна,
Не зрѣла бездны той, въ котору углубленна;
И терна межъ цвѣтовъ не чувствуя она,
Склонила злобнаго къ совѣтамъ Сагруна;
Нескромностью болѣзнь сердечну облегчала;
Нещастная! она злодѣю мечь вручала;
Призналась во своей мучительной любви,
Возобновленной жаръ явила во крови;
Но миръ уставленный, пріятный миръ съ Османомъ,
Желала окружить лукавствомъ и обманомъ;
Повѣдала притомъ предвозвѣщанья тѣ,
Которы ей изрекъ супругъ ея въ мечтѣ,
Что грома страшнаго не будетъ слышно брани,
Доколѣ Царь Алей не выдетъ изъ Казани;
Коль мнѣ изгнать его, возкрикнула она,
Мгновенно закипитъ кровавая война;
Когда съ нимъ купно жить, и здѣсь Царя оставить,
Спокойства сладкаго не можно мнѣ уставить;
Что дѣлать? и къ чему нещастной прибѣжать?
Того люблю, того не смѣю раздражать.

Сагрунъ, который ихъ какъ тартаръ ненавидѣлъ,
Внимая тѣ слова, вблизи надежду видѣлъ;

На-

Надежду лестную, котора наконецъ,
Казанской для него готовила вѣнецъ;
Густыми мраками онъ хитрости увился;
Недоумѣющимъ, задумчивымъ явился;
Непоказующій премѣны никакой,
Нахмуренно чело дрожащей теръ рукой;
Потомъ какъ будтобы смущаясь и робѣя,
Вѣщалъ: Усилила Царица ты Алея;
Мы бременемъ его руки угнѣтены;
Кѣмъ сѣти для него быть могутъ сплетены?
Я только то скажу, что жалость я имѣю;
Но далѣе вѣщать не стану и не смѣю.
Вѣщай, и не страшись, Сумбека вопіетъ;
Ахъ! естьли грѣхъ любить, такъ цѣлый грѣшенъ свѣтъ;
Увы! нещастная, но я вѣнца лишуся,
Когда отсель изгнать Алея соглашуся;
Слова пророчески могуль пренебрегать?
Могу ли бѣдная Османа убѣгать?
Сумбека мучилась, Сумбека тосковала,
И полу у раба рыдая цѣловала;
Къ толикимъ низостямъ приводитъ нѣжна страсть!
Влекущій по цвѣтамъ Сумбеку во напасть,
Сагрунъ, потупясь, рекъ: Нещастная! тобою,
Твоей любовію, и лютою судьбою,
Разтрогалась душа; подамъ тебѣ совѣтъ;
Но можетъ быть его почтетъ жестокимъ свѣтъ;
Однако гдѣ волна ладью на мѣль бросаетъ,
Тамъ каждый плаватель себя отъ волнъ спасаетъ.
Ты вѣдаешь, что два столѣтія назадъ,
На мертвомъ черепѣ воздвигнутъ здѣшній градъ;
Но вмѣсто должныя главы Махометанской,
Обманомъ въ землю скрытъ невольникъ Христіянской;

И здѣсь погребена нещастнаго глава;
А тѣмъ пророчески нарушены слова,
Которыхъ никогда Сагрунъ не позабудетъ;
Чья будетъ здѣсь глава, того и царство будетъ!
И такъ прейдетъ во власть Россіянъ городъ сей,
Коль мы не отвратимъ погибели своей,
Когда пророчества народу не напомнимъ;
И ясныхъ словъ его къ спасенью не исполнимъ.
Въ намѣреньяхъ всегда безплотный справедливъ,
Алей во градѣ семъ не долженъ быти живъ,
Не мысли, чтобы сей совѣтъ внушала злоба;
Но чаю, твой супругъ не съ тѣмъ возсталъ изъ гроба,
Чтобъ главный нашего отечества злодѣй,
Супругу получилъ и тронъ его, Алей;
Не можно склонну быть ему на мысль такую;
Я инако слова пророчески толкую,
И тако думаю, что въ тайнѣ думалъ онъ,
Для точной пагубы Алея звать на тронъ;
Алей уйдетъ отсель, я то вѣщаю смѣло;
Но неуйдетъ его изъ стѣнъ Казанскихъ тѣло;
Махометаниномъ развратникъ сей рожденъ,
И долженъ быть на немъ сей городъ утвержденъ;
Невольничью главу его главой замѣнимъ,
Себя чрезъ то спасемъ, и жребій нашъ премѣнимъ;
Кончиною его себя мы оживимъ,
Пророчеству свое вниманіе явимъ;
Но впрочемъ на моихъ словахъ не утверждайся,
Османа изгони! и плѣна дожидайся!
Сіе вѣщалъ Сагрунъ, имѣвый мрачный взглядъ;
Свирѣпство опрыталъ его устами адъ;
Тѣ злости у него, что въ сердцѣ обитали,
Невидимую сѣть Сумбекѣ соплетали;

Хотя

Хотя ослѣплена, хотя была страстна;
Но заразилася свирѣпствомъ и она,
И грознымъ кажду рѣчь сопровождая взоромъ,
Ко злобѣ стала вдругъ подвигнута Раздоромъ;
Онъ крылья разпростеръ, отъ радости взревѣлъ,
Подъ сѣнію своей въ чертогъ Османа ввелъ,
И тамъ разсудки ихъ лишивъ послѣдня свѣта,
Составилъ точный видъ геенскаго совѣта:
Тамъ Злоба извлекла окровавленный мечь,
И души ихъ клялась на варварство разжечь;
Коварство прелестью порокъ изобразило;
Злодѣйство жало имъ, какъ мечь, въ сердца вонзило;
Заставила Вражда убійство имъ любить,
И всѣ условились Алея погубить.
Сагрунъ съ веселіемъ неистовости внемлетъ,
И возмутить народъ на свой отвѣтъ пріемлетъ;
Но чая умыслъ свой съ успѣхомъ окончать,
Довѣренности въ знакъ взялъ царскую печать.

Вѣщай Сумбекинъ гнѣвъ печальнымъ звономъ лира:
Въ любови сдѣлавшись вторая Деянира,
Притворно пламенна, притворно ставъ нѣжна,
Прислала съ ризою раба къ Царю она;
Но твердую щитомъ имѣя добродѣтель,
Отъ смерти близкія избавился владѣтель;
Тогда то самъ Османъ къ нему съ мечемъ летѣлъ,
Неумерщвленнаго пронзити имъ хотѣлъ;
И въ самы тѣ часы раздоръ въ народѣ сѣя,
Сагрунъ изображалъ измѣнникомъ Алея;
Отъ Царскаго двора отгнать сумнѣнья прочь,
Для возмущенія глубоку избралъ ночь.

Внутри Казанскихъ стѣнъ надъ тинистымъ Булакомъ,
Висящій холмъ сѣдый есть многихъ лѣтъ признакомъ;

Тамъ дубы гордыя размѣтисто расли,
Они верхи свои до облакъ вознесли,
И вѣтьви по струямъ далеко простирали,
Отрубленну главу подъ корнями скрывали;
На сей то дикій холмъ, ко брегу мутныхъ водъ,
Въ полночный часъ прийти Сагрунъ склонилъ народъ;
Всегда бываетъ чернь къ премѣнамъ ненасытна,
И легкомысленна она и любопытна.
Едва свѣтило дня спустилося въ моря,
Погасла въ небесахъ вечерняя заря,
И звѣзды отъ страны полночной возблистали;
Казанцы подъ стѣной соединяться стали;
Немолчный шумъ древесъ, блистающа луна,
И царствующа вкругъ глухая тишина,
Непостижимый страхъ въ сердцахъ производила;
Казалося вкругъ нихъ стеняща тѣнь ходила;
Вдругъ нѣкій бурный вѣтръ по рощѣ зашумѣлъ,
Сагрунъ держащъ кинжалъ толпы въ средину вшелъ;
Являетъ видъ его лишенный духъ покою;
Онъ хартію держалъ дрожащею рукою;
Кровавыми народъ глазами озиралъ;
Безмолствуя и страхъ и ужасъ онъ вперялъ;
Вздохнулъ; и тако рекъ со стономъ лицемѣрнымъ:
Скажите! точно ли пришелъ я къ правовѣрнымъ?
Не знаю, говорить, или мнѣ умолчать?
Но какъ я утаю Царевнину печать!
Она вамъ истинну плачевную докажетъ,
И то, что думаетъ Царевна, вамъ разкажетъ;
Я токмо есмь ее истолкователь словъ;
Казанцы! громъ упасть на всѣхъ на насъ готовъ!
Вы льститесь, увѣнчавъ Алея, быть въ покоѣ,
О! коль обманчиво спокойствіе такое;

Подъ

Подъ видомъ дружества сей врагъ пришелъ въ Казань,
Дабы въ корысть собравъ неуплатиму дань,
Ордынцовъ разорить и давъ уставы новы,
Казанцевъ заманить въ Московскія оковы;
Сей извергъ естества, злокозненный вѣщалъ,
На васъ кресты взложить Россіи обѣщалъ.
Изображаетъ онъ ужаснымъ Христіянство,
Народъ въ страданіи, въ стыдѣ Махометанство,
Вельможей въ нищетѣ, Сумбеку во плѣну,
И въ рабствѣ горестномъ восточную страну;
О! други, говоритъ, прощайтесь со женами,
И дщерей горькими оплачте вы слезами!
Какъ стрѣлы, тѣ слова вѣщая, онъ кидалъ,
Сумбекою свои доводы подтверждалъ;...
Вдругъ ропотъ возстаетъ; народъ поколебался;
Какъ будтобы вода при бурѣ волновался;
Движенія придать волненію сему,
Сагрунъ стеная рекъ собранію всему:
Хотите ль, братія! отечеству радѣя;
Хотите ль истребить всеобщаго злодѣя?
Хотимъ! вскричалъ народъ.... Клянитеся! мнѣ въ томъ;
Зло должно истреблять равнообразнымъ зломъ;
Но естьли къ вѣрѣ вы привязаны любовью,
Запечатлѣйте вашъ союзъ злодѣйской кровью;
Здѣсь Христіянская глава въ землѣ лежитъ,
Надъ ней присягу намъ устроить надлежитъ;
Дабы вѣнчаннаго злодѣя въ градѣ вами
Привыкнуть поражать не робкими руками;
То дѣлайте! что я:... Онъ въ руку взявъ кинжалъ,
Который у него отъ варварства дрожалъ,
Разрылъ тамъ землю вкругъ, и корни развѣрзаетъ;
Исторгъ главу, и мечь въ чело ее вонзаетъ;

Но пламень издала, разрушася она,
И въ ужасъ привела народъ и Сагруна. . . .
Казанцы, варварскій примѣръ въ очахъ имѣя,
Разять главу, разить готовяся Алея;
Поднявъ кинжалы вверьхъ клянутся Сагруну,
Призвавъ въ свидѣтельство злочестія луну;
Луна подвиглась вспять, когда на нихъ воззрѣла,
И темной тучею лице свое одѣла;
Но въ ярости народъ толико дерзокъ сталъ,
Что онъ небесну тму за добрый знакъ считалъ;
Свирѣпства, буйности, смятенія народны,
Произносили шумъ, какъ рѣки многоводны.
Убійствомъ жаждущій Сагрунъ исторгнувъ мечь,
Ведетъ Казанску чернь всеобщій бунтъ возжечь,
Ругаются они вѣнцемъ, и Царскимъ саномъ;
Но вдругъ встрѣчаются внутри двора съ Османомъ,
Который шествуя, стеналъ, блѣднѣлъ, дрожалъ,
И вшедшимъ возвѣстилъ, что Царь Алей бѣжалъ.
Земля подъ Сагруномъ тогда поколебалась;
Толико страшною та вѣсть ему казалась;
По сердцу у него разпрострирался мразъ,
И слёзы потекли у варвара изъ глазъ.
Но свѣдавъ кто сокрылъ отъ звѣрства ихъ Алея,
Всю ярость устремилъ и злобу на Гирея;
Свой мечь исторженный въ ково ни есть вонзить,
Вздохнулъ, и клятву далъ Гирея поразить; . . .
Лѣнивою ногой къ намъ щастіе приходитъ;
На крыльяхъ зло летитъ, и горести наводитъ;
Святыя олтари разитъ не рѣдко громъ;
Спокоенъ шелъ Гирей, избавивъ друга, въ домъ;
Благополучнымъ быть своей услугой чаетъ,
Грядетъ; и Сагруна съ народомъ онъ встрѣчаетъ.

Какъ

Какъ хищный вранъ летящъ по воздуху шумитъ:
Сагрунъ, исторгнувъ мечь, такъ шествіе стремитъ;
И громко возопилъ: Отдай! ты намъ Алея;
Или въ тебѣ почту отечества злодѣя;
Но будто страшную увидивый змію,
Гирей подвигся вспять, внимая рѣчь сію;
Но угрожаемый, и видя мечь блестящій,
Мгновенной смертію за дружество грозящій;
Алея ищете? отвѣтствуетъ стеня:
Сей Царь не далеко; онъ въ сердцѣ у меня!
И естьли вы узнать, гдѣ скрылся онъ, хотите,
Такъ сердце у меня вы прежде извлеките;
Онъ былъ, и нынѣ тутъ! . . . . Сія святая рѣчь,
Котораябъ должна потоки слезъ извлечь,
Какъ море вихрь сердца встревожила суровы;
Гирея повлекли, и ввергнули въ оковы.
Влекомый Сагруномъ сей мужъ на смертну казнь,
Спокойный видъ имѣлъ; а тотъ въ очахъ боязнь;
Порокъ всегда унылъ, спокойна добродѣтель!
Сагрунъ повелѣвалъ народомъ, какъ владѣтель,
И самовластенъ ставъ по злобѣ при дворѣ,
Назначилъ смертну казнь при утренней зарѣ.

Межъ тѣмъ крушенія и безпокойства многи,
Какъ адъ, наполнили Сумбекины чертоги:
Тамъ черная печаль простершися кругомъ,
Своею ризою покрыла Царскій домъ;
Ее разкаянье и совѣсть угрызаетъ,
Надежда веселитъ, отчаянье терзаетъ,
Любовь утѣхи ей, невѣрность страхъ сулитъ;
Алея въ миртовыхъ садахъ искать велитъ;
Сѣтьми еленица какъ будто устрашенна,
Бѣжитъ по комнатамъ спокойствія лишенна;

Алея въ комнатахъ, въ садахъ Алея нѣтъ;
Стеняща, Сагруна коварнаго клянетъ;
Не нѣжность клятвы тѣ, не жалость извлекала,
Пророчества страшась, утекшаго искала;
И токи слезъ ея единый былъ обманъ;
Ей нуженъ не Алей, но нуженъ ей Османъ:
Казалось ей, въ одномъ другова погубила,
И паче нежель честь порокъ она любила;
Гирея плѣннаго изтязывать велитъ,
Ему сокровища за таинства сулитъ;
Но сей примѣрный другъ, какъ нѣкій твердый камень,
Пренебрегающій валы, и молніи пламень,
Въ свирѣпой глубинѣ недвижимо стоитъ,
Взнося чело свое, на громъ спокойно зритъ;
Безсильна развратить прямаго человѣка,
Съ Гирея снять главу дозволила Сумбека;
Притворство, хитрости, лукавство и боязнь,
Гирею скорую уготовляли казнь.

Уже небесное торящее свѣтило,
Ордынскія поля и горы озлатило;
Но будтобы Казань гнусна была ему,
Взирая на нее скрываетъ лучь во тму;
Нещастье ли оно Казанцамъ предвѣщало,
Или свое лице отъ злобныхъ отвращало;
Но солнце чрезъ Казань подобно такъ текло,
Какъ будто зрѣлося сквозь темное стекло;
Погасъ небесный огнь, но не угасла злоба;
Невинность повлекла она во мрачность гроба;
Подобенъ многому сліянью шумныхъ водъ,
Тѣснится стекшійся по улицамъ народъ;
За добродѣтели на смерть безчеловѣчну,
Изъ времянной идетъ Гирей въ темницу вѣчну;

У ногъ трепещущихъ сѣкиру смертну зритъ;
Се! твой предѣлъ, Сагрунъ Гирею говоритъ,
Въ услугахъ ты своихъ Алею сталъ безплоденъ,
Яви ты намъ его, и будешь ты свободенъ;
Похвально дружество; но ежели мы имъ
Наносимъ общій вредъ, мы дружбою грѣшимъ! . . .
Тебѣ ли чувствовать, рекъ узникъ, дружбы благо?
Не оскорбляй, злодѣй! ты имяни святаго;
Небесна дружества извѣстна тѣмъ степень,
Кто совѣстію чистъ, какъ солнце въ ясный день;
А ты носящій ядъ и хитрость во утробѣ,
Какъ ноющую кость, и тму во хладномъ гробѣ,
Учися твердости, злодѣй! у чувствъ моихъ,
И знай, что дружество мнѣ даровало ихъ;
Оно безцѣннѣй всѣхъ богатствъ земнаго круга;
Пріятна съ другомъ жизнь, и смерть сладка за друга;
О мой любезный Царь! о часть моей души!
Спокоенъ будь Алей, отъ сихъ убійцъ спѣши;
Гдѣ ты ни странствуешь, въ лѣсахъ, въ вертепахъ, въ морѣ,
Мой духъ, безплотный духъ, тебя обрящетъ вскорѣ;
Заставитъ онъ узнать по нѣжностямъ себя,
И успокоится онъ въ сердцѣ у тебя;
А вы! нещастныя вельможи и граждане,
Я плачу, видя васъ въ погибельномъ обманѣ;
Прощаетъ васъ моя ко ближнему любовь;
Но ахъ! невинная отмстится вскорѣ кровь;
Сагрунъ! . . . Се смерть тебя крилами осѣняетъ!
Вѣщавый то, главу подъ острый мечь склоняетъ.

Сагрунъ умножить зло, и страхи уменшить,
Ужѐ повелѣвалъ скорѣе казнь свершить;
Се мечь подъемлется! но вдругъ какъ вихрь шумящій,
Народъ возопіялъ отъ казни прочь бѣжащій;

Тамъ лица блѣдныя, тамъ трепетъ, тамо стонъ!
И се! является свирѣпый Асталонъ;
Какъ будто зданіе грозящее паденьемъ;
Иль нѣкимъ темна нощь грозяща привидѣньемъ:
Такъ рыцарь сей народъ по стогнамъ разсыпалъ;
Гремящъ оружіемъ въ среду толпы вступалъ.
Подобно какъ главу увидящій Медузы,
Или почувствуя на членахъ тяжки узы,
Свершитель казни мечь еще въ рукахъ имѣлъ;
Недвижимъ онъ стоялъ отъ страха онѣмѣлъ.
Спокойно Асталонъ безвинной казни внемлетъ,
Онъ узы тяжки рветъ, Гирея онъ объемлетъ,
Вскричавъ: О дружеской сокровище любви!
Не бойся никого; живи Гирей! живи!
Гонителей твоихъ да гонитъ смертъ сурова;
Почто не я имѣлъ наперстника такова!
Межъ тѣмъ Сагрунъ ужѐ во Царскій дворъ вбѣжалъ;
Народнымъ рыцаря врагомъ изображалъ;
Лукавство никогда во злыхъ не умираетъ;
Изгнать сего врага Османа поощряетъ;
Увѣренъ дерзости о слѣдствіяхъ худыхъ,
Скрываетъ горькій ядъ сей змій въ рѣчахъ своихъ:
Теперь, онъ говоритъ, коль храбрымъ ты явишься,
Казанцовъ устрашишь, на тронѣ укрѣпишься,
Народную молву и наглость усмиришь;
Единымъ словомъ ты Ордынцовъ покоришь;
И непрепятственно облекшися въ порфиру,
Царицу прочь отгнавъ, на тронъ взведешь Емиру;
Сжимая руки то Османовы речетъ;
И силою его на торжище влечетъ.
Сумбека въ тѣ часы изъ храмины взираетъ,
Дрожащи руки въ слѣдъ Осману простираетъ;

По-

Постой, Осман! постой! рыдая вопіетъ . . .
Любовь его къ себѣ; а рокъ отъ ней влечетъ.
Сей Князь, развратный Князь, любовникъ малодушный,
Не силамъ разума, но слабостямъ послушный,
И нѣжности одни имѣющъ во умѣ,
Идетъ за Сагруномъ, какъ блѣдна тѣнь во тмѣ;
Къ Емирѣ обративъ всѣ мысли и ко трону,
Дрожащею стопой приходитъ къ Асталону,
Онъ трижды блѣдныя уста отверзть хотѣлъ;
Но трижды во устахъ языкъ его хладѣлъ,
И будтобъ на змію ступивый странникъ въ полѣ,
Сказалъ, не храбростью, но страхомъ двигнутъ болѣ:
Кто звалъ тебя сюда, вражда или пріязнь?
Коль другъ ты намъ, такъ дай свершить намъ смертну казнь;
Мы общаго врага въ Гирѣ наказуемъ;
Но дружествомъ тебѣ весь городъ обязуемъ.
Какъ будто гордый кедръ вершиной съ высоты,
Является взирать на слабыя цвѣты:
Такъ взоры Асталонъ на робкаго низводитъ;
Съ презрѣніемъ къ нему заскрежетавъ приходитъ:
Но ты кто? Онъ вѣщалъ какъ трубъ гремящихъ звукъ?
Османъ отвѣтствовалъ: Царицынъ есмь супругъ!
Тогда вступила кровь ко Асталону въ очи;
Онъ вкупѣ всѣ свои соединяя мочи,
Османа сильною рукой за грудь схватилъ,
И трижды, какъ перо, вкругъ шлема обратилъ,
Тряхнулъ и возопилъ: Се! мзда ее измѣны;
И на Казанскія Османа вергнулъ стѣны;
Разсѣлася глава, по камнямъ мозгъ потекъ;
Взирая, Асталонъ, на страждущаго, рекъ:
Се! твой вѣнецъ; гордясь онъ силой превосходной,
И палицу свою повергъ къ толпѣ народной;

Окаменѣвшему онъ такъ ему вѣщалъ:
Я смертію казнить измѣну обѣщалъ;
Теперь исполнилъ то. Скажите вы Сумбекѣ,
Чтобы не плакала о слабомъ человѣкѣ;
Во градъ сей не принесъ пріятныхъ взоровъ я;
Но тронъ ее спасутъ рука и страсть моя;
Однако я себя предъ нею не унижу;
Я хитрости ея и всѣ коварства вижу;
За то, что пренебречь меня она могла,
Хощу, чтобы теперь ко мнѣ въ шатеръ пришла;
Я стану на лугахъ за градскими стѣнами,
И утромъ жду ея съ Ордынскими Чинами;
Я тамо сердце съ ней на вѣки обручу;
Исполните сіе; . . . Велю, и такъ хочу!
А ежели она еще не покорится;
Польется ваша кровь, сей городъ загорится;
Не нужно будетъ вамъ Россіянъ ожидать,
Одинъ дерзну огню и смерти васъ предать.
Безстрашенъ на коня, вѣщая то, садился,
Щитомъ хребетъ покрывъ за стѣны удалился;
Не вѣдалъ въ тѣ часы нещастный Асталонъ,
Что съ палицей своей и жизнь теряетъ онъ.
Тирея заключивъ во мрачную темницу,
Сагрунъ спѣшилъ разить перунами Царицу . . .
Въ какомъ отчаяньѣ находитъ онъ ее?
Ужѐ плачевна вѣсть достигла до нее;
Вѣщаютъ, будтобы Царицѣ ослѣпленной,
Явился сквозь туманъ Османъ окровавленной;
Струей изъ ранъ его кровь черная лилась,
На грудяхъ, на челѣ, ручьями запеклась;
Трепещущій онъ рекъ: Погибъ я Асталономъ;
Преобратился въ дымъ, и вдругъ изчезъ со стономъ.

Какъ

Какъ вѣтвь отторженна ударомъ громовымъ:
Сумбека зрѣлищемъ была сраженна симъ.
Сагрунъ блѣднѣющій къ одру ея приходитъ,
И на безпамятну веселый взоръ возводитъ;
Такъ смотритъ радостно на горлицу стрѣлокъ,
Пронзенну въ облакахъ, трепещущу у ногъ.
Есть нѣкій звѣрскій духъ у злаго человѣка;
Когобъ не тронула нещастная Сумбека?
Какъ розы сорванной увядшія красы;
Полуумершій взоръ, разтрепанны власы;
Подъемлющася грудь; тяжелое вздыханье;
Являютъ страждущу при самомъ издыханьѣ;
Ужѐ отъ глазъ ее небесный крылся свѣтъ;
Но ей Сагрунъ еще готовилъ злый совѣтъ;
Онъ рекъ: И такъ ты жизнь кончаешь безъ отмщенья,
Сего послѣдняго нещастнымъ утѣшенья?
Оставь тоску и стонъ, Царица! укрѣпись,
За смерть Османову къ возмездію склонись;
Се! тѣнь его стоитъ въ крови передъ тобою!
Симъ словомъ злый Сагрунъ, какъ громкою трубою,
Лишенну памяти Царицу возбудилъ;
Совѣты ей свои, и страхи подтвердилъ . . .
Открывъ печальный взоръ, Сумбека замолчала;
Но силы вдругъ собравъ, терзая грудь вскричала:
Ахъ! нужно ли мнѣ то, что рушится Казань,
Когда свирѣпа смерть взяла Османа въ дань!
Мнѣ нѣтъ пристанища теперь въ пространномъ свѣтѣ;
Сагрунъ! ты ядъ скрывалъ въ неискренномъ совѣтѣ;
Да! будутъ прокляты минуты и мѣста,
Гдѣ въ первый разъ твои отверзлися уста,
Отверзлися моей души ко погубленью;
Почто давалъ ты видъ пріятный преступленью?

Измѣнницей бы я Алею не была,
И въ мирной тишинѣ спокойны дни вела;
Теперь престолъ и честь, и славу я теряю;
Ужѐ Османа нѣтъ! . . . Почто не умираю!
Вѣщая тѣ слова, исторгнула кинжалъ;
Но вдругъ въ ея чертогъ рыдая сынъ вбѣжалъ;
Сей отрокъ плачущій ея познавый муки,
Бросается къ ногамъ, ея цѣлуетъ руки;
Припалъ къ ея грудямъ; рѣкою слезы льетъ;
Увы! не умирай, рыдая вопіетъ;
Не оставляй меня во свѣтѣ сиротою!
Сумбека тронулась невинностію тою;
Ей кажется въ лицѣ сыновнемъ Сафгирей;
Послѣдня зрится вѣтьвь Казанскихъ въ немъ Царей;
И сердце у нее расторглося на части;
Возопіяла кровь, умолкли прежни страсти;
Кинжала удержать руками не могла,
Простерла ихъ стеня, и сына обняла;
Ланиты токомъ слезъ смоченны лобызала;
Живи, мой сынъ! живи! и мсти! врагу сказала;
Рѣчей не докончавъ, безмолвна и блѣдна,
Повергласъ на одрѣ безпамятна она . . .
Младенецъ онѣмѣлъ; Сагрунъ свирѣпый льстится,
Что жизнь Сумбекѣ вновь ужѐ не возвратится;
Онъ помыслы свои вѣнчанными считалъ,
И паче яростенъ, и дерзновененъ сталъ;
Ко предстоящимъ рекъ, которыхъ грусть терзала:
Вы слышали, что намъ Сумбека приказала;
Она велѣла мстить злодѣямъ и врагамъ;
Услугу я мою явлю и ей, и вамъ;
Погибнетъ Асталонъ!... Отторгся съ онымъ словомъ,
Смятеніе нося въ лицѣ своемъ суровомъ;

Гдѣ

Гдѣ палицу свою оставилъ Асталонъ,
Пришелъ на торжище, къ толпѣ народа онъ;
Сіе оружіе имъ ужасъ наводило;
Почтеніе и страхъ въ сердцахъ производило;
Взирая на него, какъ будто на перунъ,
Умыслилъ дѣйствіе его отнять Сагрунъ;
О! други, онъ вскричалъ, отъ бѣдства градъ избавимъ;
У Асталона силъ въ сей палицѣ убавимъ,
И намъ грозящую судьбину сокрушимъ;
Потомъ отмстить за плачь Сумбекинъ поспѣшимъ;
Она неволею грозима умираетъ.
Съ симъ словомъ палицу чеканомъ ударяетъ;
Народъ ее разитъ, взирая на сіе,
Незапно бурный огнь изходитъ изъ нее.
Увидя палицу во прахъ преобращенну,
Къ свирѣпству ободрилъ онъ душу развращенну; . . .
Се! первый нашъ успѣхъ, Казанцамъ вопіялъ,
О! естьлибъ Асталонъ такой конецъ пріялъ!
Коль видѣть плѣнницей Царицу не хотите,
Друзья! и за себя, и за нея отмстите;
Въ шатрѣ своемъ лежитъ свирѣпый Асталонъ,
И члены у него во узахъ держитъ сонъ;
Престолу, Сумбекѣ, отечеству радѣя,
Пойдемъ! и умертвимъ тщеславнаго злодѣя.
За стѣны градскія вѣщая то грядетъ,
И двадцать воиновъ къ отмщенію ведетъ;
Тогда небесный сводъ звѣздами окружался,
Сагрунъ ужѐ къ шатру съ дружиной приближался.
Ко стану гордому, гдѣ спалъ нещастный Ризъ,
Подобно шествовалъ во тмѣ нощной Улиссъ.
Казалося Сагрунъ свой образъ покидаетъ,
Поникнувъ во травѣ, на чрево упадаетъ;

Какъ

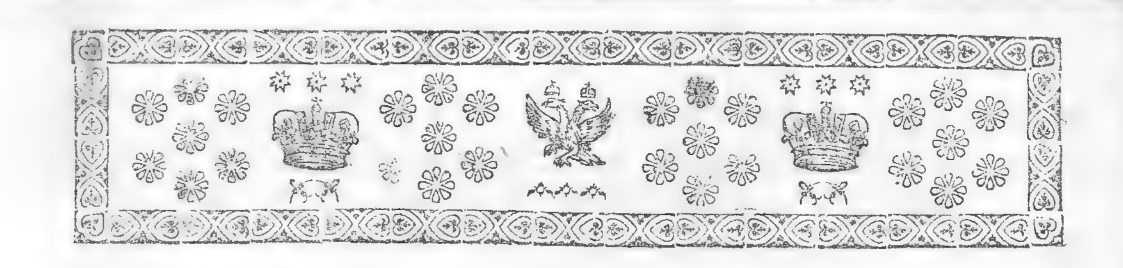
Какъ лютая змія, землею онъ ползетъ;
Но сердце у него и страхъ, и злость грызетъ.
Онъ входитъ, и грядетъ къ одру стопой дрожащей,
На коемъ возлежалъ безпечно рыцарь спящей;
Сагрунъ успѣхами злодѣйскій духъ маня,
Кинжаломъ поразить хотѣлъ сперва коня,
Дабы послѣднихъ средствъ герою не оставить,
Коль бѣгствомъ онъ себя подумаетъ избавить;
Но видя при лунѣ блистающій кинжалъ,
Броздами загремѣлъ строптивый конь, заржалъ;
Мгновенно Асталонъ, какъ аспидъ, пробудился;
Вскочилъ, заскрежеталъ, за острый мечь хватился;
Но мечь его Сагрунъ, уже въ рукахъ имѣлъ;
Смутился Асталонъ, и на коня взлетѣлъ;
Бронями зашумѣлъ, какъ вѣтвистое древо;
Сагрунъ разя его, коня ударилъ въ чрево,
Который бѣгъ къ брегамъ Казанскимъ обратилъ;
Но рыцарь Сагруна за выю ухватилъ,
И буйнаго коня здержать не въ силахъ болѣ,
Летѣлъ, какъ молнія, на немъ къ рѣкѣ чрезъ поле;
Конь вихрю бурному подобенъ въ бѣгѣ былъ;
Крутился, возпрядалъ, ногами воздухъ билъ:
И се въ полночный часъ неумерщвленна злоба,
Въ лицѣ Османовомъ воставъ изъ хладна гроба,
Касаясь облаковъ, во слѣдъ врагамъ текла;
И пламеннымъ бичемъ въ струи коня гнала;
Пріявъ ихъ всѣхъ на дно Казанка зашумѣла.
Такой конецъ вражда и злоба возымѣла!

Казанцы грознымъ то предвѣстіемъ почли;
Въ то время въ градъ Послы Россійскія пришли,
Нельстивыя слова вельможамъ предлагали;
Лукавствомъ прадѣды всегда пренебрегали;

Рав-

Равняя съ бурными спокойства свѣтлы дни,
Казанцамъ чистый миръ представили они.
　　Отъ мира мы не прочь, Казанцы отвѣчали;
Виновны, что доднесь о мирѣ мы молчали;
Но просимъ у Царя для точной жертвы сей,
Не года, мѣсяца, но трехъ мы просимъ дней.
Узнавъ, что ихъ Князья Россiи покорились,
Тѣ волки агнцами на время притворились;
Но мира иль войны понудимы желать;
Условились къ Царю Сумбеку въ плѣнъ послать;
Всю винность на нее, и лютость обратили;
Притворствомъ таковымъ ядъ черный позлатили;
Давая дружбы видъ недружескимъ дѣламъ,
Отвѣтъ свой принесли о Сумбекѣ Посламъ;
Лишенны совѣсти они клянутся Богомъ,
Что вѣрности къ Царю, Царицу шлютъ залогомъ,
И данниками быть Россiянамъ хотятъ.
　　Но ахъ! какiя мнѣ то Музы возвѣстятъ,
Какой былъ горкiй стонъ, коликое рыданье,
Когда услышила Сумбека о изгнаньѣ?
Тоску ея вѣщать мнѣ силъ недостаетъ;
Помедлимъ! . . . я стеню . . . перо изъ рукъ падетъ.

ПѢСНЬ ДЕСЯТАЯ.

О Нимфы красныя, лѣсовъ и рощей злачныхъ,
И вы, живущія теперь въ струяхъ прозрачныхъ,
Оставьте водный токъ, оставьте вы лѣса,
И дайте ваши мнѣ услышать голоса;
Украсьте пѣснь мою, и лиру мнѣ настройте,
Любезну тишину кругомъ Казани пойте.
Ужѐ въ поляхъ у васъ кровавыхъ браней нѣтъ,
Гдѣ прежде кровь лилась, тамъ малый Тибръ течетъ;
Парнасскія цвѣты, какъ благовонны крины,
Цвѣтутъ подъ сѣнію щедротъ ЕКАТЕРИНЫ;
Ликуютъ жители во щастливой странѣ,
Въ прохладномъ житіи въ безбѣдной тишинѣ.
Недавный грозный рокъ вы Нимфы позабудьте,
Спокойствомъ общества благополучны будьте;
Съ моей свирѣлію хощу пристати къ вамъ,
Придайте вы моимъ пріятности стихамъ;
Вы зрѣли шествіе прекрасныя Сумбеки,
Когда ее изъ стѣнъ несли къ Свіяжску рѣки;
Вы видѣли тогда страданіе ее;
Вложите плачь и стонъ во пѣніе мое;
Дабы Царицы сей вѣщалъ я о судьбинѣ,
Какъ бѣдства, страхи, плачь, умѣлъ вѣщать донынѣ;
Отъ браней ко любви я съ лирой прелеталъ,
Недовершенный трудъ моимъ друзьямъ читалъ;

О!

О! естьли истинну друзья мои вѣщали,
Мои составленны ихъ пѣсни возхищали;
И Музъ любители у Невскихъ береговъ,
Сихъ часто слушали внимательно стиховъ.
Придайте Нимфы мнѣ, цвѣтовъ и силы нынѣ,
Да будетъ пѣснь моя слышна ЕКАТЕРИНѢ;
Цвѣтущій предъ Ея престоломъ яко кринъ,
Да внемлетъ пѣнію Ея любезный сынъ;
О праотцѣ твоемъ Великій Князь вѣщаю,
Гремящую трубу Тебѣ я посвящаю;
Геройскія дѣла поютъ стихи мои,
Да будутъ нѣкогда воспѣты и твои.
Еще печали нощь Сумбеку окружала,
Еще рыдающа въ одрѣ она лежала,
Когда приходитъ къ ней несладостная лесть,
Но слухъ разящая изгнаньемъ вѣчнымъ вѣсть;
Въ лицѣ пріятный цвѣтъ, въ очахъ потухнулъ пламень,
И сердце у нее преобратилось въ камень.
Какъ узникъ внемлющій о смерти приговоръ,
Сомкнула страждуща полуумершій взоръ,
Однимъ вздыханіемъ пришедшимъ отвѣчала,
И устрашенная душа ея молчала;
Въ устахъ языкъ кладѣлъ, въ груди спирался стонъ;
Но чувствъ лишенную крилами обнялъ сонъ,
И мысли усыпивъ, тоску ее убавилъ;
Тогда въ мечтаніи ей Ангела представилъ,
Который ризою небесною блисталъ;
Держащъ лилейну вѣтьвь Царицѣ онъ предсталъ;
И съ кротостію рекъ: О чемъ, о чемъ стонаешь?
Возстань нещастная, и ты меня познаешь;
Я руку у тебя въ то время удержалъ,
Когда вэносила ты на грудь твою кинжалъ;

Я посланъ былъ къ гробамъ всесильною судьбою,
Когда супругъ въ нощи беседовалъ съ тобою;
Что сердце ты должна отъ страсти отвращать,
Я тени страждущей велелъ сіе вещать;
Но ты любовію твой разумъ ослепила;
Советы данныя и клятву преступила,
И бедства на тебя какъ волны потекли;
Въ пучину горести отъ брега отвлекли.
Однако не крушись печальная Сумбека;
Богъ смерти грешнаго не хощетъ человека;
Последуй здраваго светильнику ума;
Сей городъ мрачная покроетъ вскоре тма,
Взгляни ты на Казань! . . . На градъ она взглянула,
И зря его въ крови, и спяща воздохнула;
Узрела падшую огромность градскихъ стенъ;
Рыдающихъ девицъ; влекомыхъ юношъ въ пленъ;
Зритъ старцевъ плачущихъ, во грудь себя разящихъ,
Оковы тяжкія Казанцовъ зритъ носящихъ. . . .
Се! рокъ твоей страны, небесный Ангелъ рекъ;
Настанетъ по златомъ Ордамъ железный векъ;
Тебя въ Свіяжске ждетъ пріятная судьбина,
Гряди, и не забудь Гирея взять и сына;
Гряди! . . . И возсіявъ какъ светлая заря,
На небо возлетелъ то слово говоря.
Печали скрылися; Сумбека пробудилась,
Мечтой подкреплена, въ надежде утвердилась;
Какъ будто нежная любовница въ венце,
Являла радости сіяніе въ лице;
Величественный видъ изгнанница имела,
И къ шествію ладьи готовить повелела;
Спешитъ исполнить злость последній сей приказъ;
Но какъ смутилась ты Сумбека въ оный часъ?

Ка-

Какою горестью душа твоя разилась?
Когда судьба твоя тебѣ вообразилась;
Когда взглянула ты ко брегу шумныхъ водъ,
Гдѣ вкругъ твоихъ судовъ стѣсняется народъ.
Повинна слѣдовать небесъ опредѣленью,
Сумбека власть дала надъ сердцемъ сожалѣнью;
Взглянула на престолъ, на домъ, на вертоградъ,
И смутнымъ облакомъ ея покрылся взглядъ;
Все̂ кажется мѣста уже̂ осиротѣли,
Но прежни красоты отъ нихъ не отлетѣли;
Тогда, отъ видовъ сихъ не отъимая глазъ,
Рекла: И такъ должна я въ вѣкъ оставить васъ!
И вѣчно васъ мои уже̂ не встрѣтятъ взоры;
Любезный градъ прости! простите стѣны, го̂ры;
Объемлетъ во слезахъ всѣ вещи, всѣ мѣста;
Примкнула ко стѣнамъ дрожащія уста;
Простите всѣ теперь, Сумбека, возопила,
И томнымъ шествіемъ изъ храма изступила.
Лишь только довлеклась она златыхъ дверей,
Изъ мѣди изваянъ предсталъ ей Сафгирей;
Почтенный видя ликъ, она затрепетала,
Простерла длани вверьхъ и на колѣни стала;
Порфиру свергнула; пеняющей на рокъ,
Въ очахъ супруговыхъ ей зрится слезный токъ;
Терзая грудь рекла: Супругъ великодушный!
О мнѣ нещастливой ты плачешь и бездушный;
Ты чувствуешь, что я въ позорный плѣнъ иду;
Ты видишь токи слезъ, мою тоску, бѣду;
Въ послѣдній разъ, мой Царь! стопы твои объемлю,
Въ послѣдній, гдѣ ты скрытъ, сію цѣлую землю;
Не буду скрыта въ ней съ тобою, мой супругъ!
Лобзая истуканъ затрепетала вдругъ.

Какъ будто ночь ее крилами окружала,
Въ объятіяхъ стеня бездушнаго держала;
Вѣщаютъ, будтобы поколебавшись онъ,
Иль мѣдь звѣнящая произносила стонъ;
Но свѣтомъ нѣкакимъ незапно озаренна,
Отторглась отъ Царя Сумбека ободренна;
Вѣнецъ и тронъ, рекла, ужѐ вы не мои!
Бѣги, любезный сынъ! въ объятія сіи;
Отъ многихъ мнѣ богатствъ, мнѣ ты единъ остался;
Почто нещастный сынъ надеждой ты питался,
Что будешь нѣкогда престоломъ обладать?
Невольница твоя, а не Царица мать;
О! князи сей страны и знамениты мужи,
Простите; стали мнѣ въ отечествѣ вы чужи;
Вы мнѣ враги теперь; Россіяне друзья;
Гирея одного прошу въ награду я;
Отъ многихъ подданныхъ мнѣ онъ остался вѣренъ,
Онъ мало чтилъ меня, но былъ нелицемѣренъ;
Ахъ! естьли есть еще чувствительны сердцà,
Послѣдуйте за мной, хотя я безъ вѣнца.
Какъ дщери видя мать отъ свѣта отходящу,
Ужѐ безчувственну въ одрѣ ея лежащу,
Рабыни возрыдавъ произносили стонъ,
Возкрикнувъ: Чуждъ и намъ Казанскій нынѣ тронъ!
Послѣдуемъ тебѣ въ неволю и въ темницу;
Въ тебѣ мы признаéмъ и матерь и Царицу.
Сумбека снявъ вѣнецъ съ потупленной главы,
Взглянувъ на истуканъ рекла: Мой Царь, увы!
Не долго будешь ты въ семъ ликѣ почитаться,
Спокоенъ и въ мѣди не можешь ты остаться;
Ты узришь городъ весь горящій вкругъ себя;
На части разбіютъ безгласнаго тебя;

И тѣнь твоя кругомъ летая въ сокрушеньѣ,
Попраннымъ Царское увидитъ украшенье;
Попраннымъ узришь ты сей домъ, и сей вѣнецъ,
И кровь текущую повсюду наконецъ;
Гробницы праотцевъ граждане позабудутъ;
Мои гонители меня нещастнѣй будутъ!
Опустошится градъ, Сумбека вопіетъ;
Терзающа власы руками грудь біетъ.
Когда рыдающа изъ храминъ выступала,
Въ объятія она къ невольницамъ упала;
Какъ Пифія она, являлася тогда,
Трепещетъ, и грядетъ съ младенцемъ на суда.
Коль басня истинны не помрачаетъ вида;
Такъ шествуетъ въ моряхъ торжественно Фетида;
Съ весельемъ влажныя простря хребты свои,
Играютъ вкругъ ее прозрачныя струи,
Готовятъ легкія стези своей Царицѣ,
Сѣдящей съ скипетромъ въ жемчужной колесницѣ;
Тритоны трубятъ вкругъ въ извитыя рога,
Ихъ гласы звучныя пріемлютъ берега;
И погруженныя во рвахъ сѣдыя пѣны,
Поютъ съ цѣвницами прекрасныя Сирены;
Тамъ старый видится въ срединѣ Нимфъ Нерей,
Вождами правящій богининыхъ коней;
Главы ее покровъ зефиры развѣваютъ,
И въ воздухъ ароматъ крилами изливаютъ.
Такое зрѣлище на Волгѣ въ мысляхъ зрю,
Сумбеку вобразивъ плывущу ко Царю.
Пріятно пѣніе повсюду раздавалось;
Гордилася рѣка, и солнце любовалось;
Златыми тканями покрытыя суда,
Изображала тамъ струистая вода;

Рабы-

Рабыни пѣніемъ Сумбеку утѣшаютъ,
Но горести ея души не уменьшаютъ.
Тогда увидѣла она сквозь токи слезъ,
Увидѣла вдали пріятный оный лѣсъ,
Гдѣ сердце нѣкогда Алеево пронзила;
Его любовь, свою невѣрность вобразила;
Въ движеніе пришли душа ее и кровь;
И зритъ по воздуху летающу любовь,
Котора пламенникъ пылающій имѣя,
Пеняетъ и грозитъ Сумбекѣ за Алея;
Кипридинъ сынъ во грудь ей искру уронилъ,
И страсть къ Алею въ ней мгновенно воспламенилъ.
Сумбека чувствуетъ смятеній нѣжныхъ свойство;
Не вожделѣнное и сладкое спокойство;
Но тѣнь одну утѣхъ, спокойства нѣкій родъ,
Тронувшій какъ зефиръ крыломъ поверхность водъ,
Сумбеку стыдъ смутилъ; разсудокъ подкрѣпляетъ,
Надежда веселитъ и льститься дозволяетъ.
Межъ тѣмъ Россійскій Царь осматривая градъ,
Услышавъ пѣніе, простеръ по Волгѣ взглядъ;
Не постигаетъ онъ, чей гласъ несутъ зефиры,
Который слышится пріятнѣй нѣжной лиры;
Но Царскія Послы, ходившія въ Казань,
Принесшія къ Царю лилейну вѣтьвь, не брань;
Отвѣтомъ ихъ вельможъ, Россіянъ возхищаютъ;
И шествіе Царю Сумбекино вѣщаютъ;
Царь выгоднымъ себѣ признакомъ то почелъ,
Сумбекѣ радостенъ во срѣтенье пошелъ;
Подъ градомъ зритъ ладьи, у брега пѣсни внемлетъ,
И съ полнымъ торжествомъ Царицу онъ пріемлетъ.
Подобну грудь имѣвъ колеблемымъ волнамъ,
Ко Царскимъ Сумбека не падаетъ стопамъ;

Ка-

Какихъ еще побѣдъ, вскричала, ищешь болѣ?
Казань ты побѣдилъ, коль я въ твоей неволѣ;
Смотри, о Государь! вѣнца на суету,
И щастье почитай за тщетную мечту!
Я узница твоя; но я была Царица;
Всему начало есть, средина, и граница;
Когда мнѣ славиться не льзя уже ни чѣмъ,
Нещастіе мое почти въ лицѣ моемъ;
Признаться я хощу, какъ трономъ я владѣла,
О пагубѣ твоей я день и нощь радѣла;
Я съ воинствомъ тебя хотѣла изтребить;
Но можешь ли и ты враговъ твоихъ любить?
Враговъ? которыя оружіе подъемлютъ,
И царство у тебя, и твой покой отъемлютъ;
Что сдѣлать хощешь ты, то дѣлала и я;
И естьли я винна; свята вина моя;
Но ахъ! за то, что я отечество любила;
Свободу, щастіе, и скипетръ погубила;
Ахъ! для чего не твой побѣдоносный мечь,
Судьбы моей спѣшилъ златыя дни пресѣчь?
Утратилабъ мое со трономъ я спокойство;
Но побѣдителемъ мнѣ было бы геройство;
Вдовицѣ плачущей вниманіе яви,
Съ нещастнымъ сиротой меня усынови;
Въ Казанѣ не имѣвъ ни дружества, ни трону,
Все я хочу забыть, и даже до закону;
На погруженную невѣжества въ ночи,
Вели, о Царь! простерть крещенія лучи.

Царь въ сердцѣ ощутилъ, ея пронзенный стономъ,
Любовь ко ближнему предписанну закономъ;
Обнявъ ее вѣщалъ: Не врагъ нещастнымъ я;
Твой сынъ, сынъ будетъ мой; ты будь сестра моя.

Любовь, которая на небѣ обитаетъ,
На шаръ земный тогда мгновенно низлетаетъ;
Сїе любезное вселенной божество,
Которое живитъ и краситъ естество,
Въ прозрачномъ воздухѣ затрепетавъ крилами,
Двумя златыми лукъ направило стрѣлами;
И предназначенны для брачнаго вѣнца,
Пронзило ими вдругъ разторженны сердца.
Какъ нѣжная весна ихъ страсти возобновилась;
Любовь изъ воздуха въ ихъ души преселилась;
Алей готовился невѣрности забыть;
Сумбека искренно готовилась любить.
Какъ солнце, косвенны лучи бросая лѣтомъ,
Осїяваетъ вкругъ всѣ вещи ихъ отсвѣтомъ:
Такъ взоръ, Сумбекинъ взоръ, хотя къ Царю сїялъ,
Но онъ Алея жегъ, который близъ стоялъ.
Сей мужъ противъ нее колико былъ ни злобенъ,
Есть воску мягкому въ сїи часы подобенъ;
Суровый сей Катонъ, сталъ нѣжный Ипполитъ;
Прости меня! прости! вѣщалъ Сумбекинъ видъ;
Душа Алеева весь пламень ощутила,
Какъ взоръ она къ нему стыдливый обратила.
Монархъ томящимся ихъ чувствамъ сострадалъ;
Любовь Алееву къ Сумбекѣ оправдалъ;
И рекъ: Разстроилъ васъ законъ Махометанскїй,
Теперь да сѣдинитъ на вѣки Христїанскїй;
Злопамятнымъ Царевъ не долженъ быти другъ;
Ты былъ любовникъ ей; и будешь ей супругъ!
Мятежная Казань, которы разлучаетъ,
Хощу, да тѣ сердца Россїя увѣнчаетъ.
Алей на то сказалъ: Щедроты, Царь! твои
Обезоружили суровости мои;

Но

Но я униженъ былъ позорною любовью;
Мнѣ время оправдать сердечну слабость кровью;
Прости! что предпочту супружеству войну;
Я щастливъ не совсѣмъ; мой другъ еще въ плѣну!
Когда изъ устъ его та рѣчь произнеслася,
И съ жаромъ вырвавшись по Волгѣ раздалася;
Вступилъ на брегъ рѣки стенящій человѣкъ,
Дрожащею рукой онъ цепь землею влекъ;
Лишенный зрѣнія воззвалъ сей мужъ Алея;
Алей возтрепеталъ объемлющій Гирея...
Се! ты, вскричалъ Гирей, благодарю судьбѣ!
Лишился я очей, рыдая по тебѣ;
Но я ужè теперь о свѣтѣ не жалѣю,
Коль отданъ мнѣ Алей, коль отданъ я Алею;
И цепь, которую влечетъ моя рука,
Чѣмъ я окованъ былъ, мнѣ цепь сія легка.
Алей возопіялъ, проливъ источникъ слезный:
Достоинъ ли такихъ я жертвъ, мой другъ любезный?
Я мало вѣрности взаимной докажу,
Коль мстящій за тебя животъ мой положу;
Сумбека! зри теперь, и зрите Христіяне,
Какія могутъ быть друзья Махометане.
Тогда вскричалъ Гирей: Хвалы сіи оставь;
Я чуждъ въ народѣ семъ, Царю меня представь;
Одѣянъ въ рубища предстать ему не смѣю,
Но дѣло важное открыть ему имѣю;
Гдѣ онъ стоитъ? скажи; я нощь едину зрю;
Взявъ руку у него, Алей привелъ къ Царю,
И возопилъ къ нему: Се! зриши Царь Гирея,
Другова зришь меня, другова зришь Алея;
Отъ рубищъ ты моихъ очей не отвратилъ,
И преступившаго ты нѣкогда простилъ;

Къ сему покрытому всегдашнимъ мракомъ ночи,
Простри кротчайшій слухъ, и милосерды очи.
Рукою ощупивъ Царя вблизи Гирей,
Повергся, и вѣщалъ: О! сильныхъ Царь Царей,
Вели мнѣ тайное простерти нынѣ слово;
Я сердце къ вѣрности принесъ тебѣ готово;
Алея любишь ты; довольно и сего,
Для возпаленія усердья моего;
Мятежную Орду на вѣки забываю;
Что совѣсть мнѣ велитъ, Россіи открываю:
Отечество мое Свіяжскъ, а не Казань;
Она вѣщаетъ миръ, а я вѣщаю брань;
Ордынской лести я не вѣдаю примѣра!
Склонясь на миръ, они склонили Едигера,
Склонили, дабы онъ на ихъ престолъ сѣлъ;
Сей Князь у береговъ Каспійскихъ водъ владѣлъ,
И скоро въ стѣны онъ Казанскія приспѣетъ;
Шесть храбрыхъ рыцарей въ дружинѣ Царь имѣетъ,
Которы подкрѣплять клялись войну и тронъ,
И каждый есть изъ нихъ возкресшій Асталонъ;
Межъ ими дерзкая скрывается дѣвица,
Смѣла какъ лютый вепрь, свирѣпа яко львица.
Война тебѣ грозитъ, когда оступишь градъ,
Война послѣдуетъ, коль склонишься назадъ;
Въ темницѣ свѣдалъ я о замыслахъ Казанскихъ;
Орда невольниковъ терзаетъ Христіянскихъ;
Угрозами теперь стремится ихъ склонить,
Иль муки претерпѣть, иль вѣру премѣнить;
Но я безбожную ихъ вѣру отметаю;
Ордынцовъ я кляну, Россіянъ почитаю;
Хощу я божество вселить въ душѣ моей,
Какое знаешь ты, и знаетъ Царь Алей.

Про-

Простерши руку, Царь сіе вѣщалъ Гирею:
Тотъ будетъ другъ и мнѣ, кто вѣрный другъ Алею;
Твой разумъ слѣпота безсильна ослѣпить;
Тебя не просвѣщать, осталось подкрѣпить,
Ты братъ Россіянамъ; но что Орда мутится,
На ихъ главу ихъ мечь и ужасъ обратится;
Я дѣтскою игрой считаю ихъ совѣтъ;
Россійскому мечу дадутъ прямой отвѣтъ.
Тогда онъ повелѣлъ въ Россійскую столицу
Отправить плѣнную съ пришедшими Царицу . . .
Насталъ разлуки часъ! въ ней духъ возтрепеталъ,
Ужѐ онъ пламенну къ Алею страсть питалъ;
Объемлетъ онъ ее, стенящъ объемлетъ друга;
И рекъ: Священна есть для васъ моя услуга.
Рыдающи они взаимно обнялись,
Какъ лозы винныя руками соплелись;
Другъ друга долго бы изъ рукъ не отпустили,
Сумбекъ шествія когдабъ не возвѣстили;
Алей возтрепеталъ; Гирей обнявъ его,
Не могъ прощаяся промолвить ничего;
Сумбека обомлѣвъ повергласъ въ колесницу,
И зрѣніемъ Алей препровождалъ Царицу.
Тогда простерла нощь на землю перву тѣнь;
Назначилъ Царь походъ въ послѣдующій день;
Лишь только путь часы Аврорѣ учредили,
Гремящія трубы все войско возбудили;
И купно съ солнцемъ вставъ Россійскія полки,
Дерзали за Царемъ на оный брегъ рѣки;
Какъ туча двигнувшись, военная громада,
На многи поприща лежала окрестъ града;
Свіяжскъ, который тѣнь далеко простиралъ,
Какъ дубъ на листвія, на воинство взиралъ.

Се бра́ни предлежатъ; о вы! Казански во́лны,
Которы звуками Россійской славы полны,
Вѣщайте силу мнѣ, вѣщайте грозну брань;
Явите во струяхъ разрушенну Казань;
Мнѣ стѣны въ пламени, трепещущія го́ры,
Сраженія, мечи представьте передъ взоры,
Да громче воспѣвать военну пѣснь могу,
Сѣдящій съ лирою на Волжскомъ ~~на~~ брегу.

Умыслилъ Іоаннъ, боярской ввѣривъ власти,
Все войско раздѣлить на полчища и части;
Дабы познати ихъ къ отечеству любовь,
И порознь разсмотрѣть геройску въ каждомъ кровь.

Ты, Слава, подвиги Россійскія любила,
Казанской бра́ни ты донынѣ не забыла;
Повѣдай мнѣ теперь геройски имяна,
Вѣнчанныя тобой въ прошедши времяна (1).

Большій пріемлетъ полкъ, какъ левъ неустрашимый,
Микулинскій въ войнѣ вторымъ Иракломъ чтимый;
Мстиславскій съ Пенинскимъ сотрудники его,
Они ограда суть у воинства всего.

Щенятевъ правую всей рати принялъ руку,
Сей мужъ отмѣнно зналъ военную науку;
Князь Курбскій раздѣлялъ начальство вмѣстѣ съ нимъ,
Сей рыцарь славенъ былъ, великъ, неустрашимъ;
Имѣлъ цвѣтущихъ лѣтъ съ собою брата купно,
Который слѣдовалъ герою неотступно;
Ихъ смѣлость, дружба ихъ, неустрашима кровь,
Жарчае дѣлали въ нихъ братскую любовь.

Причисленъ Пронскій Князь къ полку передовому;
Онъ тучѣ сходенъ былъ, его доспѣхи грому;

Хил-

---

(1) Сіе ополченіе изъ подлинныхъ тогдашнихъ записокъ взято.

Хилковъ опредѣленъ помощникомъ ему;
Никто не равенъ есть съ нимъ въ войскѣ по уму.
Неужасаемый боязнью никакою,
Романовъ лѣвою начальствовалъ рукою,
И храбрость на лицѣ сіяла у него;
Плѣщеевъ, твердый мужъ, сотрудникъ былъ его.
Главою Палецкій полка сторожеваго;
Во браняхъ вихря видъ имѣетъ онъ крутаго,
Преходитъ сквозь ряды, что встрѣтится валитъ;
Герой Серебряной начальство съ нимъ дѣлитъ;
Два рыцари сіи и Шереметевъ съ ними,
Являлись воинства перунами троими.
Шемякинъ строевымъ повелѣвалъ челомъ;
Князь Троекуровъ несъ и молніи, и громъ;
Отмѣнной храбростью сіяющи во станѣ,
Сложились Муромски въ особый полкъ дворяне;
Являлися они какъ страшны львы въ бою,
И славу сдѣлали безсмертною свою.
Царь войска знатну часть на сотни раздѣляетъ,
И бодрыхъ юношей по нихъ разпредѣляетъ;
Твердыней каменной явилась кажда часть,
Въ которой сердцемъ былъ имущъ надъ нею власть.
За сими двигались военныя снаряды,
Сіи надежныя воителей ограды;
Начальство Розмыслу надъ ними Царь вручилъ (1)
На сихъ сподвижникахъ надеждой опочилъ.
Какъ сильный Богъ на всю вселенную смотрящій,
И цепь связующу весь миръ въ рукѣ держащій:
Такъ властью въ войскѣ Царь присутствуетъ своей;
Сопутствуютъ ему Адашевъ и Алей.

Царь

(1) Кто сей Розмыслъ былъ въ Исторіи не означено.

Царь воинство свое устроевающъ къ бою,
Какъ вихрь листы подвигъ полки передъ собою;
Казалось каждый валъ поднявъ главу свою,
По шумной Волгѣ несъ съ героями ладью.
Какъ множествомъ цвѣтовъ среди весенной нѣги,
Покрылись воинствомъ противположны бре́ги;
Уготовляемы орудія къ войнѣ,
Блестятъ на луговой у Волги сторонѣ;
Тогда великому подобясь войско змію,
Къ Казани двигнулось, прошедъ насквозь Россію.
Тимпановъ громкихъ звукъ, оружій многихъ шумъ,
Ко брани въ ратникахъ воспламеняли умъ.
Ужѐ прекрасное вселенныя свѣтило,
Два раза небеса и землю озлатило;
И дважды во звѣздахъ являлася луна;
Еще Казань была идущимъ не видна;
Не дальное градовъ сосѣдственныхъ стоянье,
Далекимъ сдѣлало всемѣстно препинанье;
Казанцы грозныя имѣющи мечты,
Разрушили кругомъ преправы и мосты;
Потоки мутныя, озе́ра, топки блата,
Для войска времяни была излишня трата;
Сквозь всѣ препятства Царь неустрашимъ парилъ;
Идущимъ воинамъ съ весельемъ говорилъ:
О други! бодрствуйте; не долго намъ трудиться;
Вы видите теперь, что насъ Казань страшится;
Когдабъ не ужасалъ ихъ славы нашей гласъ,
Они бы встрѣтили на сихъ равнинахъ насъ;
Коль храбрость у врага души не возжигаетъ,
Онъ къ подлой хитрости воюя прибѣгаетъ;
Дерзайте, воины! намъ стыдно унывать,
Познавъ, съ какимъ врагомъ мы будемъ воевать; . . .

Не страшны намЪ враги, Россiяне вскричали;
Возстали, двигнулись, и путь свой окончали;
Едва сокрылася сЪ луною нощи тѢнь,
Казань представилась ихЪ взорамЪ вЪ третiй день.
Сей градЪ является великЪ, прекрасенЪ, славенЪ,
Обширностiю стѢнЪ едва МосквѢ неравенЪ;
Казанка быстрая, отЪ утренних холмовЪ,
ВЪ водѢ являя градЪ, течетЪ среди луговЪ;
ОтЪ запада БулакЪ выходитЪ непроходный,
Но тиной заглушенЪ, влечетЪ источникЪ водный;
Натура двѢ рѢки старалась вкупѢ свесть,
Бойница первая твердынь гдѢ градскихЪ есть;
ТѢсня ногой КабанЪ, другою Арско поле,
ПодЪемлется гора великая оттолѢ;
Не можетЪ досязать ее вершины взглядЪ.
На пышной сей горѢ стоитЪ вЪ полкруга градЪ;
Божницы гордыя, и царскiя чертоги,
ЯвляютЪ на своихЪ вершинахЪ лунны роги,
Которыя своимЪ символомЪ чтитЪ Казань;
Но имЪ она сулитЪ не мирЪ, кроваву брань;
Казанцы робкiя вЪ стѢнахЪ высокихЪ скрыты,
ОтЪ нихЪ, не отЪ луны надежной ждутЪ защиты.
На рвы глубокiя, на стѢны Царь возрѢвЪ,
ПочувствовалЪ вЪ душѢ крушенiе, не гнѢвЪ;
ВообразилЪ себѢ обиды, страхи, брани,
Которыя несла Россiя отЪ Казани;
Возпламенилась вЪ немЪ ко сродникамЪ любовь,
КоторыхЪ на стѢнахЪ еще дымится кровь;
ВоображаетЪ онЪ невольниковЪ стенящихЪ,
О помощи его вЪ отчаяньѢ молящихЪ;
ВнимаетЪ гласЪ вдовицЪ, онЪ видитЪ токи слезЪ;
Простерты длани зритЪ, ко высотѢ небесЪ,

И слышитъ вопль сиротъ на небо вопіющихъ,
Спасенья отъ него въ неволѣ тяжкой ждущихъ.
Но вдругъ представился необычайный свѣтъ;
Явился въ облакахъ Царю усопшій дѣдъ;
Онъ перстомъ указавъ, на гордыя бойницы,
На возвышенныя чертоги и божницы;
Вѣщалъ: О! храбрый внукъ, смиряй, смиряй Казань;
Не жалость ко стѣнамъ тебя звала; но брань.
Какъ будтобы отъ сна владѣтель пробудился;
Мгновенно пылкій духъ ко брани въ немъ родился;
Глаза ко небесамъ и длани устремилъ,
Сокровища Творцу сердечны отворилъ,
О Боже! помоги, возопіялъ предъ войскомъ. . !
И зрѣлися лучи въ лицѣ его геройскомъ.
Тогда на всю Казань, какъ узы наложить,
Полкамъ своимъ велѣлъ сей городъ окружить,
И смертоносною стрѣльбою ненасытны,
Оружія велѣлъ устроить стѣнобитны;
Казалось мѣдяны разверзивъ смерть уста,
По холмамъ и лугамъ заемлетъ всѣ мѣста;
И стрѣлы и мечи, являлось возшумѣли,
Которы во тулахъ воители имѣли.

Дабы начальникамъ осаду возвѣстить,
Велѣлъ Монархъ хоругвь святую разпустить:
Князь Пронскій, жаждущій сего священна знака,
Съ отборнымъ воинствомъ прешелъ струи Булака;
Стоящій близъ его въ лугахъ съ полкомъ своимъ,
По волѣ Царской шелъ и Троекуровъ съ нимъ;
Какъ туча воинство ко граду поднималось,
И молніями въ ней оружіе являлось;
Преходятъ; зрится имъ Казань, какъ улій пчелъ,
Который межъ цвѣтовъ стоящій запустѣлъ;

Мо-

Молчаща тишина во градѣ пребывала;
Но бурю грозную подъ крыльями скрывала;
Такъ часто Океянъ предъ тѣмъ впадаетъ въ сонъ,
Когда ужасную готовитъ бурю онъ;
И многи ратники войной неизкушенны,
Казанской тишиной являлись возхищенны;
Но два начальника молчащу злость сiю
Почли за скрытую въ густой травѣ змiю.

Съ орлиной быстротой прешедъ холмы и рвины;
Едва крутой горы достигли половины,
Отверзивъ пламенны уста, какъ страшный адъ,
И вдругъ затрепетавъ, изрыгнулъ войска градъ;
Казанцы бросились полкамъ Россiйскимъ въ стрѣчу,
И съ воплемъ начали кроваву съ ними сѣчу.
Какъ волки нашихъ силъ въ средину ворвались;
Кровавыя ручьи мгновенно полились;
Россiйски ратники на части раздѣленны,
Быть скоро не могли въ полки совокупленны;
Съ одной страны, какъ градъ, летала туча стрѣлъ;
Съ другой являлась смерть; пищальный огнь горѣлъ.
Послѣдующи два героя Едигеру,
Покинувъ смутный градъ, какъ страшны львы пещеру,
Оставивъ двѣ четы героевъ во стѣнахъ,
Смѣшали воинство, какъ вихрь смущаетъ прахъ;
Ихъ стрѣлы не язвятъ, и копья устремленны,
Ломаясь о щиты, падутъ какъ трости тлѣнны.
Озмаръ единъ изъ нихъ, производящiй родъ
Отъ храбрыхъ рыцарей у Крымскихъ черныхъ водъ,
На Россовъ страхъ въ бою, какъ молнiя, наводитъ;
Трепещутъ всѣ, куда сей витязь ни приходитъ;
Главу единому на части разразилъ;
Другова въ чрево онъ мечемъ насквозь пронзилъ;

ТакЪ коситЪ, какЪ траву, кто щитЪ свой ни уставитЪ;
Строптивый конь его тѣла кровавы давитЪ;
Ужѐ сЪ Русинскаго мечемЪ онЪ снялЪ главу,
Она роптающа упала на траву;
Угримова повергЪ немилосердый воинЪ;
Сей витязь многiя жить вѣки былЪ достоинЪ;
Единый сынЪ сей мужЪ остался у отца,
И вЪ юности не ждалЪ толь скораго конца;
ОтЪемлетЪ злый ОзмарЪ супруга у супруги;
ВозплачутЪ отЪ него и матери и други.
Тогда злодѣй полки какЪ воду раздѣлилЪ,
На Троекурова всю ярость устремилЪ;
Воитель вЪ подвигахЪ неустрашимый, злобный,
ЗакинувЪ на хребетЪ свой щитЪ лунѣ подобный,
ВЪ уста вложивЪ кинжалЪ, и вЪ руки взявЪ мечи,
Которы у него сверкали какЪ лучи,
БѣжитЪ; но встрѣтилЪ Князь мечемЪ сего злодѣя;
Текуща кровь сЪ броней на землю каплетЪ рдѣя;
НаводитЪ ужасЪ онЪ какЪ близкая гроза;
СверкаютЪ подЪ челомЪ у варвара глаза;
Злодѣй свирѣпостью какЪ аспидЪ напитался;
Подвигся, отступилЪ, во всѣ страны метался,
ХотѣлЪ со двухЪ сторонЪ мечи свои вонзить;
Но Князь успѣлЪ его сквозь сердце поразить;
Злодѣй заскрежетавЪ сомкнулЪ кровавы очи,
И весь возтрепеталЪ низшедый вЪ мраки ночи.

Поверженна врага увидѣвЪ своего,
Герой Россiйскiй снять спѣшилЪ броню сЪ него;
Удары злобныхЪ ОрдЪ щитомЪ своимЪ отводитЪ;
ИхЪ нудитЪ отступить, сЪ коня на землю сходитЪ,
ПоникЪ; но храбрость ту вторый злодѣй пресѣкЪ;
СЪ копьемЪ вЪ одной рукѣ, вЪ другой сЪ чеканомЪ текЪ;

Шу-

Шумитъ какъ древній дубъ, великъ тяжелымъ станомъ,
И Троекурова ударилъ онъ чеканомъ;
Свалился шлемъ съ него, какъ камень на траву;
Злодѣй алкающій срубить его главу,
Направилъ копіе рукою сильной въ выю,
И скоро бы лишилъ поборника Россію;
Ужѐ броню его, и кольцы сокрушилъ;
Но Пронскій на конѣ къ сей битвѣ поспѣшилъ;
Узнавый, что его сподвижникъ погибаетъ,
Какъ молнія ряды смѣшенны прелетаетъ;
Разитъ, и руку прочь успѣлъ онъ отдѣлить,
Которой врагъ хотѣлъ геройску кровь пролить;
Свирѣпый витязь палъ. Ордынцы вспрепетали;
Возкрикнули, щиты и шлемы разметали;
Смѣшались, дрогнули, и обратились въ бѣгъ;
Съ полками Пронскій Князь на ихъ хребты налегъ;
Какъ волны предъ собой борей въ пучинѣ гонитъ,
Или къ лицу земли древа на сушѣ клонитъ:
Такъ гонятъ Россы ихъ въ толпу соединясь;
Рубите! бодрствуйте! вопилъ имъ Пронскій Князь.
Весь воздухъ огустѣлъ шумящими стрѣлами,
И долъ наполнился кровавыми тѣлами;
Звукъ слышится мечный, и ржаніе коней;
Летаетъ грозна смерть съ косою межъ огней;
Катятся тамъ главы, ліются крови рѣки;
И человѣчество забыли человѣки!
Что былобъ варварствомъ въ другія времяна,
То въ полѣ сдѣлала достоинствомъ война;
Отрублена рука кровавый мечь держаща,
Ни страшная глава въ крови своей лежаща,
Ни умирающихъ противный слуху стонъ,
Не могутъ изъ сердецъ изгнать свирѣпства вонъ;

За что бы не хотѣлъ герой принять короны,
То дѣлаетъ теперь для царства обороны;
Недосязающій бѣгущаго мечемъ,
Старается его догнати копіемъ;
Бросаетъ вдаль копье, и кровь течетъ багрова;
Лишь только умерщвлять, на мысли нѣтъ инова!
Окровавилися лазоревы поля;
И стонетъ, кажется, подъ грудой тѣлъ земля.
Казанцы робкія свой путь ко граду правятъ;
Тѣснятся во вратахъ, сѣкутъ, другъ друга давятъ;
Безвремянно врата сомкнувши робкій градъ,
Какъ вихремъ отразилъ вбѣгающихъ назадъ.
Казанцы гордый духъ на робость премѣнили,
Оставлены у стѣнъ, колѣна преклонили;
Князь Пронскій мщеніемъ ужè не ослѣпленъ,
Ихъ прозьбой тронутъ былъ, и принялъ ихъ во плѣнъ;
Тогда луна свои чертоги отворила,
И ризой темною полки и градъ покрыла.
Но кровію своей и потомъ омовенъ,
Князь Троекуровъ былъ во Царскій станъ внесенъ;
Какое зрѣлище! съ увядшимъ сходенъ цвѣтомъ,
Который преклонилъ листы на стеблѣ лѣтомъ,
На персяхъ онъ главу висящую имѣлъ.
Взглянувый на Царя, вздохнулъ и онѣмѣлъ;
Рыдая Іоаннъ бездушнаго обѣемлетъ;
Но Царь, обнявъ его, еще дыханье внемлетъ;
Герой сей живъ! онъ живъ! . . . въ восторгѣ вопіетъ;
Самъ стелетъ одръ ему, и воду подаетъ.
Коль такъ владѣтели о подданныхъ пекутся,
Они безгрѣшно ихъ отцами нарекутся;
Ахъ! для чего не всѣ носящія вѣнцы,
Бываютъ подданнымъ толь нѣжныя отцы!

По-

Побѣдоносному Монархѣ представый войску,
Ихъ подвигъ превознесъ, и бодрость ихъ геройску;
Но встрѣтивъ Пронскаго, о Князь! вѣщалъ ему,
Коль всѣ послѣдуемъ примѣру твоему,
Наутріе Орда и градъ ихъ сокрушится; . . .
Сіе пророчество вне долгѣ совершится!
Ордамъ защитникъ адъ, поборникъ Россамъ Богъ;
Начальникъ храбрый Царь; кто имъ сравнятся могъ?
О Муза! будь бодра, на крилѣхъ вознесися,
Блюди полночный часъ и сномъ не тяготися.
Что медлишь мрачна нощь, и вόлны спятъ въ рѣкѣ?
Лишь вѣютъ тихія зефиры въ тросникѣ;
Что солнца изъ морей денница не выводитъ?
Натура спитъ, а Царь ужѐ по стану ходитъ;
Доколѣ брани духъ въ сердцахъ у васъ горитъ,
Дерзайте воины, владѣтель говоритъ;
Казань меня и васъ польстила миромъ ложнымъ;
Мы праведной войной отмстимъ врагамъ безбожнымъ;
Во взорахъ молніи, нося перунъ въ рукахъ,
Онъ храбрость пламенну зажегъ во всѣхъ полкáхъ.
Но чьи простерлися отъ града черны тѣни,
Текущія къ полкáмъ, какъ быстрыя елени?
Какъ въ стадѣ агничемъ, смятенномъ Страшнымъ львомъ,
Ужасный слышанъ вопль въ полкѣ сторожевомъ;
Россійски ратники въ горахъ себя скрываютъ,
И тинистый Булакъ строптиво преплываютъ;
Являетъ ужасъ ихъ блистающа луна,
Которая была въ окружности полна;
Тамъ шлемы со холма кровавыя катятся;
Тамъ кóпья, тамъ щиты разбросанныя зрятся;
Какъ óвцы воины разсыпанны бѣгутъ;
Четыре храбрые героя ихъ женутъ:

То

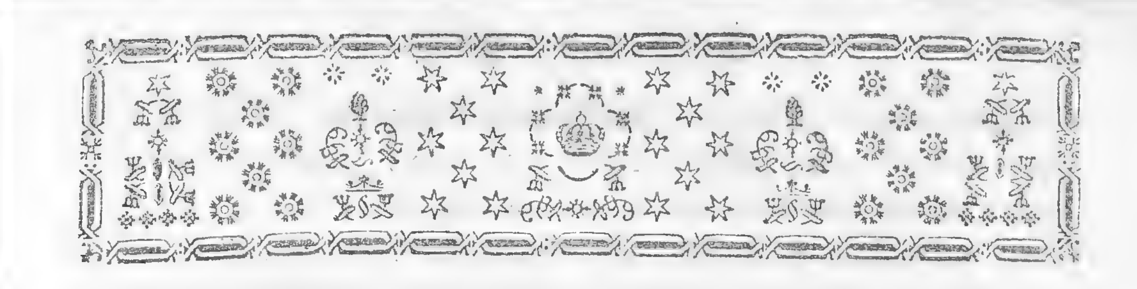
То страшны витязи изшедши изъ Казани,
Отмщать Россіянамъ успѣхъ вечерней брани;
Изъ Индіи Мирседъ, Черкешенинъ Бразинъ,
Рамида Персянка, и Гидромиръ Срацинъ;
Горящія огнемъ позорныя любови,
Алкаютъ жаждою ко Христіанской крови;
Изторгнувъ въ ярости кинжалы и мечи,
Какъ бури страшныя повѣяли въ ночи,
И войска нашего ударили въ ограду;
Какъ стадо лебедей скрывается отъ граду,
Такъ стражи по холмамъ отъ ихъ мечей текли...
Злодѣи скоро бы вломиться въ станъ могли;
Когдабъ не прекратилъ сію крованy сѣчу,
Князь Курбскій съ Палецкимъ врагамъ текущи встрѣчу.
Но вдругъ нахмурила пріятна нощь чело;
Блистающа луна, какъ предъ огнемъ стекло,
Во мрачны облака свое лице склонила,
И звѣзды въ тусклыя свѣтила премѣнила;
Згустилась вскорѣ тма предшественница дня;
Лишенны витязи небеснаго огня,
Другъ къ другу движутся, другъ друга оттираютъ;
Но воздухъ лишь во тмѣ мечами ударяютъ,
И слышится вдали отъ ихъ ударовъ трескъ;
Встрѣчаяся мечи, кидаютъ слабый блескъ;
О камни копья бьютъ, когда другъ въ друга мѣтятъ;
Имъ пламенны сердца въ бою при навкѣ свѣтятъ.
Тогда кристальну дверь небесну отворя,
Являться начала багровая заря,
И удивилася взглянувъ на мѣсто боя,
Что бьются съ четырьмя Россійскихъ два героя;
Дивилася Казань взглянувъ съ крутыхъ вершинъ,
Что Палецкій съ тремя сражается единъ;

Какъ

Какъ левъ среди волковъ, ихъ скрежетъ презираетъ,
Такъ Палецкій на трехъ героевъ не взираетъ;
Кидается на нихъ съ блистательнымъ мечемъ,
Который тройственнымъ является лучемъ,
Толь быстро обращалъ герой свой мечь рукою;
И съ кровьюбъ източилъ Ордынску злость рѣкою;
Но Гидромиръ, взмахнувъ велику булаву,
Вдругъ съ тыла поразилъ героя во главу;
Потупилъ онъ чело, сомкнулъ померклы очи,
И руки опустивъ низшелъ бы въ бездну ночи,
Когдабъ не прерванъ былъ незапно смертный бой.
Со Курбскимъ на холмѣ біющійся герой,
Въ изгибахъ ратничьихъ подобенъ змію зрится;
Что больше есть упорствъ, то больше онъ ярится;
Къ главѣ коня склонивъ герой чело свое,
Пустилъ во Курбскаго шумящее копіе;
Но язву легкую почувствуя едину,
Князь Курбскій быстроту имѣющій орлину,
Толь крѣпко мечь во шлемъ злодѣйскій углубилъ,
Что въ части всѣ его закрѣпы разрубилъ;
Противника ручьи кровавы обагрили;
Волнистыя власы плеча его покрыли;
По гордому челу кровь алая текла,
Какъ будто по сребру . . . Рамида то была;
Рукою данную ей рану захватила,
Смутилась, и коня ко граду обратила.
Увидя витязи ея текущу кровь;
Чего не дѣлаетъ позорная любовь!
Какъ будто молніи надъ ними разгромились,
Всѣ трое на коняхъ ко граду устремились;
Имъ стрѣлы въ слѣдъ летятъ, они летятъ отъ нихъ;
Во пламенной любви снѣдала ревность ихъ;

Рамиду уступить другъ другу не хотѣли;
Отъ славы ко любви безпамятны летѣли.
Но въ чувство Палецкій межъ тѣмъ ужѐ пришелъ;
Онъ взоры томныя на рыцарей возвелъ,
Бѣгутъ они! вскричалъ... Болѣзнь пренебрегаетъ;
Врагамъ дерзаетъ въ слѣдъ, за ними въ градъ вбѣгаетъ;
Разитъ, тревожитъ, жметъ, отмщеньемъ ослѣпленъ;
Сомкнулись вдругъ врата; и Князь повергся въ плѣнъ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯНАДЕСЯТЬ.

Багровый солнце лучь бросало въ небеса;
Являлась на цвѣтахъ румяная роса;
Кровавыя земля туманы изпустила,
Обѣимъ воинствамъ бой смертный возвѣстила;
Тамъ топотъ отъ коней, тамъ тяжкій млатъ стучитъ;
Желѣзо движется, и мѣдь сама звучитъ.
Казанскій Царь, внутри Казани затворенный,
Свирѣпствуетъ, какъ вепрь въ пещерѣ разъяренный;
Звучащи внемлющій оружія вокругъ,
Реветъ, и кинуться въ злодѣевъ хощетъ вдругъ;
Свирѣпый Едигеръ, осады не робѣя,
И Князя плѣннаго подъ стражею имѣя,
Четырехъ витязей скрывая во стѣнахъ,
Надежду основалъ на твердыхъ сихъ столпахъ;
Пищалей молніи и громы презираетъ;
Какъ будто на тростникъ, на стрѣлы онъ взираетъ,
И яко лютый тигръ спокойно пищи ждетъ,
Когда пастухъ къ нему со стадомъ подойдетъ;
Имѣющъ мрачну мысль, и душу къ миру мертву,
Россіянъ подъ стѣной себѣ назначилъ въ жертву.
Тогда велѣлъ Ордамъ сокрывшимся въ лѣсахъ,
Когда воздвигнутся знамена на стѣнахъ,
Оставить тайную въ глухихъ мѣстахъ засаду;
И силы устремить совокупленно къ граду;

Свирѣпствомъ упоенъ, успѣхами манимъ,
Онъ чаетъ славу зрѣть летающу надъ нимъ;
Надежда мрачными его мечтами водитъ;
Отъ звѣрства Едигеръ ко хитрости преходитъ.
Нещастный Палецкій толпою увлеченъ,
Израненъ, скованъ былъ, въ темницу заключенъ.
Благочестивый Царь Посла въ Казань отправилъ;
Сто знатныхъ плѣнниковъ за выкупъ Князя ставилъ:
Но яростью кипящъ и зла не зная мѣръ,
Посла изгналъ изъ стѣнъ съ безчестьемъ Едигеръ.
Едва златую дверь Аврора отворила,
Дремучія лѣса и горы озарила;
Имѣющъ бодрый духъ и пламень во очахъ,
Влечется Палецкій на торжище въ цепяхъ;
Народомъ окруженъ зритъ мѣсто возвышенно,
Червлеными кругомъ коврами обложенно;
Ужасно зрѣлище для сердца и очей!
Тамъ видно множество блистающихъ мечей;
Тиранства вымыслы, источники боязни,
Огни, сѣкиры тамъ, различны смертны казни;
Князь очи отвратилъ въ противную страну,
Тамъ видитъ бисеромъ украшенну жену;
Подобное водѣ сквозь тонко покрывало,
Неизреченныя красы лице сіяло.
Среди позорища являлся самъ тиранъ;
Сѣдитъ держащъ въ рукахъ безбожный Алкоранъ;
И Князю вопіетъ: Зри казни! зри на дѣву!
Имѣющу красы небесны, кровь Цареву;
Едино избери! когда желаешь жить,
Казани обяжись, какъ вѣрный другъ, служить;
Понявъ жену сію для вящшаго обѣта,
Склони твое чело предъ книгой Махомета;

О

О плѣнникъ! пользуйся щедротою моей;
На Рускаго Царя надежды не имѣй;
Приди, и преклонись! ... Отъ гнѣва Князь трепещетъ;
Онъ взоры пламенны на Едигера мещетъ;
И тако отвѣчалъ: Иду на смертну казнь!
Оставь мнѣ мой законъ; себѣ оставь боязнь!
Ты смѣлымъ кажешься сѣдящій на престолѣ;
Не такъ бы гордъ ты былъ со мною въ ратномъ полѣ;
Не угрожай ты мнѣ мученьями тиранъ:
Господь на небесахъ! у града Іоаннъ.
Жестокій Едигеръ словами уязвленный,
Весь адъ почувствовалъ въ душѣ возпламененный;
Біющій въ грудь себя онъ ризу растерзалъ,
И Князя плѣннаго замучить приказалъ:
Но гордый Гидромиръ на мѣстѣ казни сущій,
Достойныхъ рыцарей короны выше чтущій,
Изъ рукъ нещастнаго у воиновъ извлекъ;
И къ трону обратясь къ Царю безстращенъ рекъ:
О Царь! ты рыцарскихъ священныхъ правъ не зная,
Невольника казнишь, казнить героя чая;
Ни жизнь, ни смерть его ненадобны тебѣ,
Стыдись робѣть, меня имѣя при себѣ.
Съ молчаніемъ, народъ и Царь Срацыну внемлетъ;
Спокойно Гидромиръ со Князя узы съемлетъ;
За стѣны подъ щитомъ препроводилъ его,
Сразиться въ полѣ съ нимъ взялъ клятву отъ него.
Межъ тѣмъ Россійскій Царь занявъ луга и горы,
Съ вершины, какъ орелъ, бросалъ ко граду взоры;
За станомъ повелѣлъ соорудить раскатъ,
И въ немъ перуны скрывъ, въ нощи привлечь подъ градъ;
Какъ нѣкій Исполинъ стопы тяжелы двигнулъ,
Потрясся, заскрипѣлъ, и градскихъ стѣнъ достигнулъ;

Разверзлись пламенны громады сей уста,
Упала молнія на градскія врата;
Казань кичливую перуны окружаютъ,
По стогнамъ жителей ходящихъ поражаютъ;
Пресѣчь пути врагамъ, весь градъ разрушить вдругъ,
Царь турами велѣлъ обнесть твердыни вкругъ,
И будто малый холмъ объемлющій руками,
Столицу окружилъ Россійскими полками;
Стараяся къ тому осаду совершить,
Велѣлъ опричникамъ подкопомъ поспѣшить.
Казанцы, кои взоръ отворенный имѣли,
Оружія схвативъ, какъ пчѐлы возшумѣли;
Тогда явился знакъ колеблемыхъ знаменъ,
Зовущій изъ засадъ союзниковъ со стѣнъ.
И се! изъ градскихъ вратъ текутъ рѣкѣ подобны,
На осаждающихъ чрезъ ровъ Ордынцы злобны;
Вскричали, здвигнулись и сѣча началась;
Ударилъ громъ, и кровь ручьями полилась.
Стенанья раненыхъ небесный сводъ пронзаютъ;
Ордынцы до бойницъ Россійскихъ досязаютъ,
И силѣ храбрый духъ Россійскій уступилъ;
Засада наскочивъ ударила имъ въ тылъ;
Войну побѣдою Казанцы бы рѣшили,
Дворяне Муромски когдабъ не поспѣшили;
Сіи воители, какъ твердая стѣна,
Котора изъ мечей единыхъ сложена,
Летятъ, стѣсняютъ, жмутъ, Ордынцовъ раздѣляютъ;
Жаръ множатъ во своихъ; въ Казанцахъ утоляютъ;
Какъ прахъ развѣяли толпы враговъ своихъ,
Прогнали; бра́ни огнь съ сея страны утихъ.
Но три воителя сомкнувшися щитами,
Изъ градскихъ вышли стѣнъ особыми вратами;

Какъ

Весь воздухъ возшумѣлъ и битва началась. . .
Сражаются; но кровь не скоро полилась;
Мстиславскій на врага, какъ молніи кидаетъ;
То съ лѣвыя страны, то съ правой нападаетъ;
Но будто камень онъ орудіемъ біетъ,
Ужѐ разить копьемъ Бразина устаетъ;
Вотще ласкается побѣдою и миромъ,
Схватившись Палецкій съ свирѣпымъ Гидромиромъ;
Кони спотнулися, упали шлемы съ нихъ,
Закрыли ихъ щиты главы у обоихъ;
Склоненныя къ землѣ еще они біются;
Возпрянувъ здвигнулись, удары раздаются;
Спираясь три четы, состановляютъ кругъ,
То въ груду сложатся, то раздадутся вдругъ.
Отвсюду зрится смерть, отвсюду и побѣда;
Князь Курбскій копіемъ ударилъ въ грудь Мирседа;
Щитомъ себя Мирседъ закрыть не ускорилъ,
Взревѣлъ, и тыломъ онъ хребетъ коня покрылъ;
Рамида въ оный часъ со стѣнъ на брань взглянула,
И видя во крови Мирседа воздохнула;
Къ Мирседу паче всѣхъ склонна была она;
Забыла, что сама въ чело поражена;
Мгновенно въ сердце къ ней Мирседовъ боль преходитъ,
И въ духѣ пламенномъ жестокость производитъ;
Россійскихъ ратниковъ мечемъ своимъ сѣчетъ,
И клятву разорвавъ къ союзникамъ течетъ.

Познавъ лукавство ихъ, Россіяне возстали,
Ихъ очи и мечи какъ молніи блистали;
Едва сраженіе межъ рыцарьми зажглось,
Какъ твердая земля водой разорвалось;
Кипитъ сраженіе, полки къ полкáмъ ліются;
Герои съ вящшею досадой разстаются.

Князь Курбскій обратясь унять свой полкъ хотѣлъ;
Во время то Мирседъ на Князя налетѣлъ,
Копьемъ ребро его подъ сердцемъ прободаетъ,
Разитъ въ главу и Князь безчувственъ упадаетъ;
Пылаютъ мщеніемъ Россійскія полки,
Слились съ Казанскими, какъ будто двѣ рѣки,
Гдѣ волны съ яростью теченье устремляютъ,
Другъ друга прутъ назадъ, другъ друга подавляютъ;
Сперлися воины въ поднявшейся пыли;
Безгласенъ Курбскій Князь простерся на земли.
И се развившися, какъ страшныя стихіи,
Четыре витязя грозятъ бѣдой Россіи;
Иль какъ свирѣпствуя четыре вѣтра вдругъ,
Бунтуютъ Океянъ летая съ шумомъ вкругъ;
Ихъ пламенны мечи въ густой пыли сверкаютъ,
Средь войска скачущи, какъ страшны львы рыкаютъ.
Россіяне ужè склонялись отступить;
Но силы новыя пришли ихъ подкрѣпить;
Вельможи съ мудрыми приспѣли къ нимъ рѣчами;
Самъ Царь вліялъ въ сердцà имъ храбрый духъ очами.
Но Курбскій между тѣмъ почти во смертномъ рвѣ,
Едва дыша стеналъ израненъ на травѣ;
Вблизи лежалъ единъ изъ витязей Казанскихъ,
Глотая пыль, отъ рукъ поверженъ Христіянскихъ;
Сей вдругъ опомнился, на Курбскаго взглянулъ,
Онъ мужество его и силы вспомянулъ;
Зря Князя дышуща, убійство долгомъ ставитъ;
На лакоть опершись песокъ колѣномъ давитъ,
По крови собственной нога его скользитъ,
И умирающій безчуственну грозитъ;
Но свой кинжалъ рукой дрожащей исторгаетъ,
Какъ змій раздавленный, онъ тѣло придвигаетъ,

По-

Послѣдню варваръ кровь стремится източить,
И чаетъ тѣмъ вѣнецъ на небѣ получить;
Велика бы сія была Россіи трата;
Но Курбскій наскакалъ искавый старша брата,
Убійцѣ острое копье въ хребетъ вонзилъ,
Надъ тѣломъ братнинымъ злодѣя поразилъ;
Залившись юноша горчайшихъ слезъ рѣками,
Обьемлетъ блѣдный трупъ дрожащими руками,
Увы! любезный братъ, стоная вопіетъ,
Покинулъ ты меня, и сей покинулъ свѣтъ;
Но нѣтъ! ты живъ еще ко мнѣ твоей любовью,
И дружествомъ во мнѣ, и братней живъ ты кровью;
Я гнѣва моея души не насыщу,
Доколѣ въ пепелъ всю Казань не превращу.
Израненный взглянулъ, пожавъ у брата руку,
Болѣзненну его убавилъ въ сердцѣ муку;
О! братъ мой, онъ вскричалъ, ты живъ; на часъ прости;
И ратникамъ велѣлъ въ шатры его нести;
Героя ратники, какъ пчѣлы окружили,
Поднявъ стенящаго, на твердый щитъ взложили,
Коль бремя легкое воительскимъ рукамъ,
Почтенное для нихъ, но тяжкое сердцамъ!

Межъ тѣмъ, какъ левъ младый повсюду Курбскій рыщетъ,
Бразина въ тѣснотѣ и Гидромира ищетъ;
Рамидѣ хощетъ онъ за брата отомстить,
Въ Мирседовой крови блестящій мечь омыть;
Водимый мщеніемъ и храбростью слѣпою,
Онъ вдругъ обьемлется Казанскою толпою,
И стрѣлы на него, какъ градъ густой падутъ;
Тамъ видитъ онъ мечи; чеканы, копья тутъ;
Но тяжко то ему, что мщеніемъ коснѣетъ;
Пять стрѣлъ вонзенныхъ онъ въ ногахъ своихъ имѣетъ;

Преломлено копье въ щитѣ его виситъ,
И кровь изъ ранъ его всходящу пыль роситъ;
Но онъ толпы враговъ, какъ стогны расширяетъ,
Однихъ мечемъ, другихъ сѣкирой ударяетъ;
И въ полѣ на конѣ, какъ молнія летитъ,
Ласкаясь, что врагамъ за брата отомститъ.
Въ различныя мѣста начавшагося боя,
Какъ вихри разошлись четыре всѣ героя;
Мирседъ съ Рамидою спасти стараясь градъ,
Взявъ пламенникъ зажгли придвигнутый разкатъ;
Какъ нѣкая гора, громада изтлѣваетъ;
Мирседъ съ Рамидой ровъ глубокій преплываетъ,
На стѣны градскія скоряе бурь текутъ,
И лѣствицы къ стѣнамъ приставленны сѣкутъ;
Колеблются они, падутъ; и Россы съ ними,
Тѣлами градскій ровъ наполнили своими.
Стоящу на стѣнѣ Мирседу Курбскій рекъ:
Ты щастливъ, что во градъ, какъ робкій звѣрь утекъ;
Но мстить другимъ врагамъ за брата не оставлю;
Я раны и твои ко ранамъ ихъ прибавлю;
Текущу кровь унявъ, летитъ скоряе стрѣлъ,
Туда, гдѣ брани огнь, свирѣпѣе горѣлъ.
Готовься къ дивному повѣствованью лира;
Средь Муромскихъ дворянъ онъ видитъ Гидромира,
Которы витязя отрѣзавъ отъ полковъ,
Его объемлютъ вкругъ, какъ стадо юныхъ львовъ;
Межъ ними зміемъ онъ является крылатымъ,
И движитъ онъ щитомъ, какъ крыліемъ пернатымъ;
Ни онъ себя отъ нихъ не можетъ свободить,
Ни Муромцы его не могутъ побѣдить;
Какъ вѣтьвія свои на землю дубъ кидаетъ,
Но движимъ бурями стоитъ, не упадаетъ:

Такъ весь оружіемъ осыпанъ вкругъ своимъ,
Являлся Гидромиръ еще неколебимъ.
Князь Курбскій возопилъ, алкая съ нимъ схватиться:
Не стыдноль множеству съ единымъ купно биться?
Храните рыцарскій, герои, въ бранѣхъ чинъ;
Оставьте насъ; хощу съ нимъ ратовать единъ.
Услышавъ Гидромиръ отважну рѣчь толику,
Висящу вдоль бедры взялъ палицу велику;
Онъ ею въ воздухѣ полкруга учинилъ,
Часть Муромскихъ дворянъ на землю преклонилъ,
И Князябъ разразилъ шумящей булавою;
Но онъ къ главѣ коня, приникъ своей главою,
И тако угонзнулъ не поврежденъ ни чѣмъ;
Но Гидромира въ пахъ поранилъ онъ мечемъ;
Разсвирѣпѣлъ злодѣй, болѣнію не внемлетъ,
Какъ мачту палицу тяжелую подъемлетъ,
И Муромскихъ дворянъ, и Курбскаго разитъ;
Тамъ шлемы сокрушилъ, тамъ латы, тамо щитъ;
Какъ дикій вепрь въ чело стрѣлою уязвленный,
Такъ мечется вездѣ сей витязь разъяренный;
Князь Курбскій въ грудь его пускаетъ копіе;
Онъ палицей отбилъ оружіе сіе;
Дворяне тучу стрѣлъ въ Ордынца направляютъ,
Пускаютъ; но его еще не уязвляютъ;
Во твердую броню одѣянъ былъ злодѣй;
Но кровь текущая изъ раны какъ ручей,
Ослабила его нечеловѣчьи мочи;
Онъ тяжко обращать померклы началъ очи,
Едва и палицу къ землѣ не опустилъ;
Шатнулся, и коня ко граду обратилъ.
Младому Курбскому привѣтствуетъ побѣда;
Бѣгущаго врага не покидаетъ слѣда;

 Стрѣ-

Стрѣлой разитъ его, сѣкирою, мечемъ;
Онъ быстро въ градъ скакалъ не поврежденъ ни чѣмъ;
Но Курбскій бы низвергъ его въ предѣлы ада;
Вдругъ пуля засвиставъ со стѣнъ мятежна града,
Младому рыцарю ударилась во грудь;
Врагу очистила; ему пресѣкла путь.

Тогда вились, какъ прахъ, Казанцы въ градъ бѣгущи;
И бурей кажутся имъ Россы въ слѣдъ текущи;
Изображеніе Ордынскія бѣды,
Бѣгущихъ къ граду кровь означила слѣды;
Но окомъ различить, въ пыли, въ толпахъ смѣшенныхъ,
Со побѣдительми не можно побѣжденныхъ;
Равно стремителенъ и сихъ и тѣхъ побѣгъ;
Такъ съ градомъ иногда совокупляясь снѣгъ,
Летитъ въ ущеліе широкой полосою,
И вкупѣ падаетъ віясь чертой косою;
Лишь можно Росса тѣмъ съ Ордынцомъ разпознать,
Что сей спѣшилъ утечь, а тотъ спѣшилъ догнать;
Казанцы робкія не вдругъ врата отверзли,
Ихъ войски многія въ поляхъ, въ рѣкахъ изчезли.

И се! бѣжитъ Бразинъ, какъ молніей гонимъ;
Обороняется еще мечемъ своимъ;
Микулинскій у рва злодѣя достигаетъ;
Но онъ въ глубокій ровъ стремглавъ себя ввергаетъ;
Кидается съ бреговъ, ко граду онъ плыветъ;
Микулинскій коня за нимъ пускаетъ въ слѣдъ;
Какъ выжлецъ скачущій далеко волка гонитъ,
Туда склоняя бѣгъ, куда онъ бѣгъ уклонитъ;
Зубами кажется касается ему;
Такъ рыщетъ въ слѣдъ герой злодѣю своему;
Въ водѣ его разитъ; онъ трижды погрузился;
Микулинскаго мечь въ хребетъ его вонзился;

Но

Но зря разсѣлину, какъ змій утекъ онъ въ градъ;
Еще Микулинскій не шествуетъ назадъ;
За камень на стѣнѣ рукою ухватился,
Тряхнулъ его, и съ нимъ сей камень отвалился,
Осыпанъ прахомъ весь, Микулинскій падетъ;
Главу щитомъ покрывъ, ко брегу вспять плыветъ;
Свирѣпа смерть блюсти Казанцовъ возхотѣла;
На черныхъ крыліяхъ превыше стѣнъ взлетѣла;
Омытымъ кровію покровомъ облеклась,
И молнія вкругъ ней струями извилась;
Дыханьемъ воздухъ весь селитреннымъ згустила,
Ударилъ громъ, со стѣнъ градъ огненный пустила;
Въ Россійскія полки онъ тучей ударялъ;
За громомъ громъ другій мгновенно ускорялъ.
Благочестивый Царь людей своихъ жалѣя,
Съ плѣненными послалъ Ордынцами Алея;
Передъ стѣнами ихъ велѣлъ къ столбамъ вязать;
Не ярость тѣмъ хотѣлъ надъ ними оказать;
Но войски собственны отъ гибели избавить;
Ордынцовъ умягчить и звѣрства ихъ убавить.
Какъ жертву плѣнниковъ ко граду повлекли;
Ихъ видя у тыновъ Казанцы, имъ рекли:
Вамъ лучше умереть отъ рукъ Махометанскихъ,
Чѣмъ кончить свой животъ въ плѣну отъ Христіянскихъ;
По словѣ варварскомъ ударилъ паки громъ.
Какую пѣснь мнѣ пѣть, какимъ писать перомъ!
Ордынцы злобныя единовѣрныхъ губятъ!
Но се къ отшествію трубы Россійски трубятъ;
Напрасной смерти Царь злодѣямъ не хотѣлъ,
Отверженныхъ враговъ друзьями, пожалѣлъ;
И далъ приказъ отвлечь невольниковъ обратно;
Похвально побѣждать; но миловать пріятно!

Тогда все войско вспять, какъ море отлилось;
Сраженье у бойницъ еще не прервалось.
Сіяютъ храбростью тамъ Муромски дворяне;
Но имъ даютъ отпоръ изъ засѣкъ Агаряне,
Которы въ лѣсъ хотятъ орудія увлечь;
Какъ хворостъ огнь спѣшитъ немедленно возжечь,
Такъ мужество въ сердцахъ дворянъ возпламенилось;
Пожаромъ гибельнымъ Ордынцамъ учинилось;
Разсыпавшись, какъ дождь, бѣгутъ отъ стрѣлъ они;
Такъ пламень ѣстъ траву во знойны лѣтни дни;
Очистилось уже мгновенно ратно поле;
Ордынцы скрылись въ лѣсъ, не стало брани болѣ.
Но полемъ шествуя съ печалью Царь воззрѣлъ,
На груды цѣлыя въ крови лежащихъ тѣлъ;
Лицемъ ко небесамъ Россіяне лежали,
Возшедши души ихъ туда изображали;
Ордынцы ницъ упавъ потупя тусклый взглядъ,
Являли души ихъ низшедшія во адъ.
Царь сѣтуя о сихъ, болѣзнуя о чадахъ,
Крушеніе носилъ въ величественныхъ взглядахъ;
Тогда предать землѣ тѣла ихъ повелѣлъ;
Но витязя межъ нихъ стеняща усмотрѣлъ,
Который ослабѣвъ на мечь свой опирался;
Три раза упадалъ, три раза встать старался;
То Курбскій былъ младый; лишаемаго силъ,
Царь витязя сего въ объятія схватилъ;
Возставилъ; и въ душѣ смущенъ его судьбою,
Помалу шествуя, во станъ привелъ съ собою;
Не долженъ Князь отъ ранъ подъ градомъ умереть;
Но матерь въ старости его не будетъ зрѣть,
Въ ея объятія едва онъ возвратится,
Цвѣтущій вѣкъ его отъ раны прекратится;

Ско-

Скорбящій братЪ его разслабленЪ, утомленЪ,
КЪ погибели своей явится изцѢленЪ.
Сумнительная брань Цареву грудь печалитЪ;
Но мужество однихЪ, другихЪ успѢхи хвалитЪ,
ЛобзаетЪ витязей, какЪ чадЪ своихЪ отецЪ,
Награда взорЪ его, а слово имЪ вѢнецЪ;
Возженны вѢрною кЪ отечеству любовью,
Запечатлѣть ее хотятЪ своею кровью.
Ужѐ покровомЪ ночь обЪемлется густымЪ;
ВЪ поляхЪ являются огни и синій дымЪ,
КакЪ будтобы свѢщи возженныя при гробѢ;
УбитыхЪ предаютЪ вЪ поляхЪ земной утробѢ;
Преобращается вЪ могилу чистый лугЪ. . . .
Се вѢтры бурныя вЪ брегахЪ взревѢли вдругЪ;
ГромятЪ, какЪ будтобы перуномЪ воруженны,
Россійскія суда снарядомЪ нагруженны;
И гибнетЪ твердая ограда всѢхЪ полковЪ;
Металлы тяжкія летаютЪ средь валовЪ;
Напружилась вода; борей вЪ пучину дуетЪ;
СЪ водою бурный вихрь, а сЪ нимЪ вода воюетЪ;
Но вѢтрЪ, хребетЪ рѢки трезубцемЪ что разилЪ,
УсталЪ; на волну легЪ; снаряды погрузилЪ!
Какое зрѢлище? Царю, вельможамЪ, войску,
Вода вливаетЪ страхЪ во грудь и вЪ мысль геройску.
Царь будто вдругЪ претя сомнѢнью и волнамЪ,
ВѢщалЪ: Погибло все; осталась храбрость намЪ!
На храбрость воины надежду возложите;
И грудью грады брать искусство покажите;
Мы грудью градЪ возмемЪ! всѢ воины рекли;
ПотомЪ кЪ оставшимся оружіямЪ текли.
Тогда увидѢли при лунномЪ возсіяньѢ,
Котораго на станЪ простерлося блистанье;

Тамъ нѣкій юноша скрывался межъ шатровъ,
Пріявый Роскую одежду въ свой покровъ;
Но робкій ходъ его, на всѣ страны воззрѣнье,
Вселяютъ во Царя и въ войско подозрѣнье;
Прерѣзанъ путь ему, и юноша схваченъ;
Между мечами онъ къ Монарху привлеченъ;
Кто ты? у плѣнника герои вопрошаютъ,
Но твердости его вопросомъ не лишаютъ;
Увы! отвѣтствуетъ; бѣда мнѣ съ вами брань!
Не кроюся, мое отечество Казань;
Но что въ одеждѣ сей изшелъ изъ града смѣло,
Хотѣлъ сыскати здѣсь родительское тѣло.
Синонъ! вторый Синонъ! возопіялъ стеня,
Отецъ мой въ брань пошелъ сражаться за меня;
Увы! онъ кончилъ жизнь; мнѣ тѣнь его явилась,
И прахъ землѣ предать, рыдая, мнѣ молилась;
Ахъ! дайте тѣло мнѣ бездушное обнять;
По крови мнѣ моей легко его познать;
Имѣете отцевъ, о Россы! вы и сами;
Надъ сыномъ сжальтеся, молю васъ небесами;
За щедрости сіи услугу вамъ явлю,
Вамъ тайны, вамъ дѣла Казански объявлю.
Но Царь познавый въ немъ духъ лести и измѣны,
Вѣщалъ: Бѣги! скоряй нещастный въ градски стѣны;
Бѣги! и опиши Казанцамъ Роскій станъ;
Скажи, что съ войскомъ въ немъ не дремлетъ Іоаннъ;
Что безъ побѣды онъ отъ града не отступитъ,
И дружбы никогда измѣнничей не купитъ.
Едва сіи слова съ презрѣньемъ Царь изрекъ,
Какъ громомъ пораженъ лазутчикъ въ градъ потекъ.
Тогда, какъ хищныя изъ мрачныхъ нырищъ птицы,
Набѣги дѣлали Казанцы три седьмицы;

Рос-

Россійско воинство въ тѣ грозны времяна,
Не знаетъ пищи въ день, въ нощи не знаетъ сна.
Съ терпѣньемъ Іоаннъ сносилъ сію досаду,
Пекущійся свершить подземный ходъ ко граду;
Однако видимыхъ ко отвращенью бѣдъ,
Ревнительныхъ вельможъ въ свои шатры зоветъ;
Открылъ вину, почто осадою коснѣетъ;
Подземный ходъ, онъ рекъ, успѣховъ не имѣетъ;
Приступа явнаго не можно предпріять,
Но войскъ велику часть удобно потерять.
Тогда Хилковъ возсталъ, являющъ умъ во взорахъ;
Въ разсудкѣ плодовитъ, но краткокъ въ разговорахъ;
Онъ рекъ Царю: Во вѣкъ мы града не возмемъ,
Доколѣ изъ засадъ враговъ не изженемъ;
Межъ дебрей и заразъ они въ лѣсахъ стѣсненны;
Но имъ дороги къ намъ отвсюду отворенны;
Вели прерѣзать имъ со всѣхъ сторонъ пути,
Но скромность надлежитъ въ сихъ подвигахъ блюсти;
Засада, коими привыкла къ намъ стремиться,
Въ оврагахъ и горахъ вели своимъ сокрыться;
Ко истребленію Ордынскихъ наглыхъ силъ,
Ты въ стрѣчу имъ пойдешь; они ударятъ въ тылъ;
Есть Арскій близко градъ, тамъ скопище безбожно;
Сіе гнѣздо враговъ разрушить вскорѣ можно;
Пошли туда полки. Царь мужу внялъ сему,
И съ Суздальскимъ велѣлъ итти въ сей градъ ему.
Но войски раздѣливъ, какъ тучу, на двѣ части,
Едину поручилъ Тверскаго Князя власти;
Велѣлъ ему въ горахъ Ордынцовъ ожидать,
Въ окопы пропустивъ перуны въ нихъ кидать;
Къ порядку ратному оставшихся устроилъ;
И тако воинство и духъ свой успокоилъ.

ВЪ то время будтобы съ горы падущій снѣгъ,
Набѣгу слѣдовалъ стремительный набѣгъ;
Возлечь Россіяне на ихъ мѣстахъ не смѣли;
На копья опершись мгновенный сонъ имѣли;
ВЪ окопахъ, на поляхъ, тревожитъ ихъ Казань;
Ихъ пища хлѣбъ сухой; столы ихъ были длань;
Любовь къ отечеству Россіянъ подкрѣпила,
Сурову пищу ихъ, сонъ легкій заступила.
Велико зло сіе; но меньше было тѣмъ,
Что витязямъ судьба претила четыремъ
Изъ града изходить. Какъ будто хищны враны,
Отъ молній скрывшися, они цѣлили раны;
Смущенны не могли Россіянъ возмущать;
Причину ихъ тоски не время мнѣ вѣщать.
Но православія и нашихъ войскъ злодѣя,
Рокъ лютый въ градъ привлекъ Нигрина чародѣя,
Рамидина отца. Онъ внесъ войну, не миръ.
Ужѐ избавился отъ раны Гидромиръ;
Воскресли витязи Нигриномъ излеченны;
Но Россамъ грозы ихъ судьбою пресѣченны.
    Ужѐ три раза нощь згущала въ небѣ тѣнь;
Орда изъ засѣки въ четвертый вышла день;
Которыя себя въ ущеліяхъ вмѣстили,
Россіяне враговъ ко стражѣ допустили;
И стража начала въ окопы отступать,
Дабы скрываясь ровъ злодѣямъ изкопать;
Побѣда вѣрная стремящимся польстила;
Текутъ; Микулинскій ударилъ въ оныхъ съ тыла;
Безстрашны изскочивъ на холмы изо рвовъ,
Съ мечами встрѣтили Россіяне враговъ;
Какъ звѣзды въ лѣтню нощь въ рѣкѣ изображенны,
По небу движутся ни чѣмъ не возмущенны,

Но вѣтры прилетѣвъ на криліяхъ своихъ,
Взволнуютъ видъ рѣки и возколеблютъ ихъ:
Такъ Россы съ двухъ сторонъ коней своихъ пустили,
И ва́рварски толпы смѣшали, возмутили.
Казалось храбрый духъ на крыльяхъ Россовъ несъ;
Затворенъ градъ врагамъ; отрѣзанъ сзади лѣсъ;
Блистаютъ молніи; зіяетъ смерть отвсюду;
Ни гдѣ спасенья нѣтъ; подмоги ни откуду.
Начальникъ нашихъ войскъ ихъ бѣдствомъ умиленъ,
Злодѣямъ предложилъ неизбѣжимый плѣнъ;
Великодушію враги сіи не внемлютъ,
Отчаянную смерть отчаясь предпріемлютъ;
Какъ будто лютая склубившися змія,
Спѣшитъ раскинуться во чревѣ ядъ тая:
Такъ ва́рвары сперва въ единый кругъ вмѣстились,
И вдругъ во всѣ страны разсыпавшись пустились;
Но будто твердою плотиной сонмамъ водъ,
Прерѣзанъ воинствомъ Россійскимъ ихъ уходъ;
Блистающи мечи отвсюду засверкали;
Тамъ Орды гробъ нашли, побѣды гдѣ искали;
Перуны падаютъ, летаютъ ко́пья въ нихъ;
Пронзенъ въ гортань, упалъ Армазъ начальникъ ихъ;
Не узритъ вѣчно онъ ни дщерей, ни супруги;
Оставили его и ближнія и други,
Которыя пришли дѣлить корысти съ нимъ;
Судьба назначила подобный жребій имъ.
Армазовъ юный сынъ погибнулъ смертью злою;
Пронзенъ во грудь стрѣлой, песокъ чертитъ стрѣлою,
Его во стременахъ строптивый конь влечетъ,
И гдѣ влечется онъ, тамъ кровь ручьемъ течетъ.
Казалось, мечь схвативъ ужасный ангелъ бра́ни,
Какъ мѣльничны крылѣ вращалъ кровавы длани,

ВЪ Ордынцовъ бросился, поля окровавилъ,
Устами поглощалъ, стопами ихъ давилъ;
Кони и всадники извѣстный путь теряютъ;
Отъ смерти прочь текутъ, но смертью ускоряютъ;
Какъ сонныхъ будтобы людей ночный пожаръ,
Ввергаетъ грозный бой въ безпамятство Татаръ;
Текутъ въ Россійскій станъ исполненны боязни;
Не родъ войны то былъ, но родъ жестокой казни.
Побѣда поднесла Россіянамъ вѣнецъ; . . . .
Межъ тѣмъ подземный ходъ пріемлетъ свой конецъ,
За трудъ благій успѣхъ Россіянамъ награда;
Ужѐ приближились они подъ стѣны града;
Могила тайная, гдѣ лечь Казань должна,
Искуснымъ Розмысломъ была сооружена;
И соотвѣтствуя намѣреніямъ Царскимъ,
Прорѣзанъ былъ подкопъ въ Казань къ воротамъ Арскимъ.
Коль жилы жизненны когда прерѣжетъ мечь,
Тогда не можетъ кровь во связи оныхъ течь:
Въ утробѣ такъ земной устроенныя ходы,
Совокупленныя пресѣкли съ градомъ воды.
Достигъ искусный мужъ подъ градски тайники,
И въ полѣ удержалъ гуляніе рѣки,
Которая во градъ свободный ходъ имѣла;
Почувствуя свой токъ преторженъ онѣмѣла;
Казань къ струямъ ея печальный мещетъ взглядъ;
Летитъ на крыліяхъ тоскнива жажда въ градъ,
Смущенныхъ жителей приходъ ея тревожитъ;
Воображеніе ихъ жажду паче множитъ.
Но Розмыслъ тако рвы устроилъ въ сердцѣ горъ,
Что слышать могъ въ землѣ Казанцовъ разговоръ:
Увы! что дѣлать намъ, сквозь мрачны своды внемлетъ;
Москва теченіе воды у насъ отъемлетъ;

По сводамъ раздался плачевный нѣкій гласъ:
Се! храбрыхъ витязей любовь лишила насъ;
Погибли! вопіютъ, собравшись вкругъ бойницы,
Погибли! вопіютъ и жены и дѣвицы.
    Повѣдалъ Розмыслъ то, что въ градѣ слышалъ онъ;
Къ осадѣ города не зрѣлося препонъ;
Щедроту Іоаннъ небесну познаваетъ;
Селитрой наполнять подкопъ повелѣваетъ;
Но долго Царь познать о таинствѣ не могъ,
Коль грозный витязей сразилъ безъ брани рокъ.
    О Муза! отъ твоихъ очей не скрыта древность;
Вѣщай, коль пагубна сердцамъ бываетъ ревность;
Среди военныхъ бѣдствъ и зримыхъ стѣнъ въ крови,
Представь ужасное позорище любви;
Не бойся перервать военну повѣсть, Муза!
Ты къ страсти отлетишь сихъ пѣсней для союза.
    Въ горахъ, которыя объемлетъ мрачный лѣсъ;
Простершись, гдѣ лежитъ, высокихъ тѣнь древесъ,
Которыя Гидаспъ струями напояетъ,
Гдѣ вмѣстѣ грозный Евръ съ Зефиромъ обитаетъ;
Тамъ лютый волхвъ Нигринъ въ вертепѣ древнемъ жилъ;
Россіянъ истребить онъ въ мысляхъ положилъ;
Волшебной прелестью для рыцарей опасну,
Въ бою безстрашную имѣлъ онъ дочь прекрасну,
Котора за звѣрьми гонялась день и ночь,
Рамидою слыла пустынникова дочь.
Онъ вѣдая, что брань горитъ вокругъ Казани,
Умыслилъ пріобрѣсть вѣнецъ въ кровавой брани;
Противу Христіянъ воителей возжечь,
И храбрыхъ витязей въ Казань съ полей отвлечь;
Коль многія изъ нихъ забывъ гремящу славу,
Забывъ родителей, отечество, державу;

Въ

ВЪ пустыню рабствовать къ пустыннику пришли;
Женоподобныя съ Рамидой дни вели,
И къ нѣжности склонить прекрасну уповали.
Всегда пригожства лицъ виною золъ бывали;
Сердечной слабостью любовниковъ младыхъ,
Возпользовался волхвъ, и жаркой страстью ихъ;
Отъ дерзкихъ Христіянъ, онъ рекъ, Казань избавить,
Хощу я дщерь мою къ златой Ордѣ отправить;
Кто съ нею воинство Россійско побѣдитъ,
Со мною тотъ союзъ и съ нею утвердитъ;
Тому въ приданое Казань и всѣ народы,
Которыхъ тамо есть безчисленныя роды.
Не царство, не корысть; но тлѣнны красоты
Ввергаютъ рыцарей въ пріятныя мечты;
Сто храбрыхъ юношей ея очамъ предстали,
И мужество предъ ней мечами изпытали;
Но брачной раздѣлить съ Рамидою вѣнецъ,
Осталось только три героя наконецъ:
Свирѣпый Гидромиръ; Мирседъ неустрашимый;
Бразинъ во мнѣніяхъ своихъ непобѣдимый;
Всѣ трое думаютъ Рамидой обладать;
Но сердце женское удобноль отгадать!
Рамида никому любови не явила,
И паче ядъ въ сердцахъ геройскихъ разтравила;
Ласкаетъ всѣхъ троихъ и всѣхъ троихъ крушитъ;
Но случай! случай все докажетъ и рѣшитъ.
Колико взоръ она и мысль ни притворила;
Но рана страсть ея Мирседова открыла;
Едва ушамъ ея коснулся слабый стонъ,
Примѣтилъ Гидромиръ, что ей угоденъ онъ;
Разрывъ условія, съ Казанскихъ стѣнъ стремленье,
Догадкѣ витязя служило въ подкрѣпленье;

Тогда

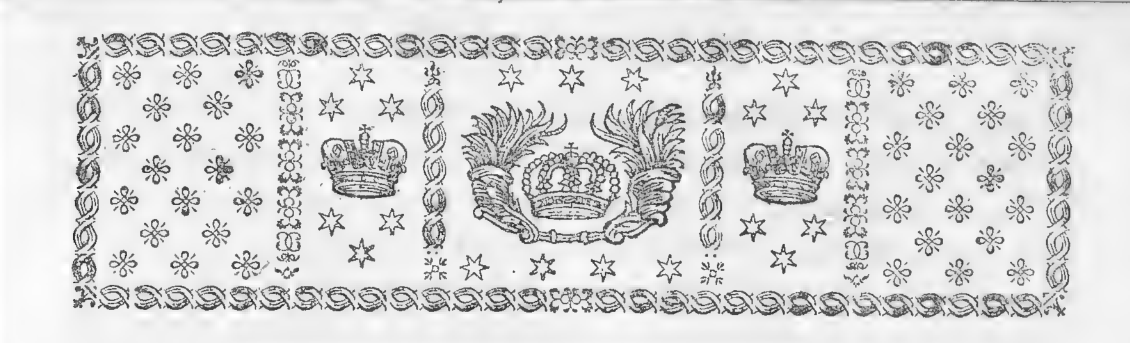
Тогда мечталъ въ тоскѣ и злобѣ Гидромиръ,
Что будто вкругъ его разрушился весь міръ;
Смутили умъ его коварства и обманы;
Онъ язву позабылъ, познавъ сердечны раны;
Сіи тѣлесныхъ ранъ болѣзненнѣй стократъ!
Пылая мщеніемъ, пришелъ обратно въ градъ;
Но громомъ пораженъ отчаянной любови,
Отъ скорби ослабѣлъ и отъ изтекшей крови;
Рука, которая отъ ранъ его спасла,
Погибель вѣчную Казани принесла.
Отринулъ Гидромиръ, имѣя мысли черны,
Спокойствія цвѣты, собравъ печали, терны;
И рыцарства уставъ и совѣсть гонитъ прочь;
Къ Рамидѣ во чертогъ пришелъ въ едину ночь,
И тако ей вѣщалъ: Рамида! знаешь вѣрно,
Что я люблю тебя, люблю тебя безмѣрно;
Твоею прелестью въ пустыню привлеченъ,
Не сѣтовалъ, что я отъ кровныхъ отлученъ;
Пещеры предпочелъ долинамъ я цвѣтущимъ,
И бѣдну хижину меня престоламъ ждущимъ;
То все ты вѣдаешь, и вѣдаешь и то,
Что храбростью со мной неравенъ есть никто;
Россію ли одну у стѣнъ совокупленну,
Могу къ ногамъ твоимъ повергнуть всю вселенну!
Мнѣ стыдно подвиги съ Россіей измѣрять;
Пойдемъ со мной, пойдемъ міръ цѣлый покорять;
Пойдемъ отсель! мнѣ брань безславная скучаетъ;
Да нашу страсть вѣнецъ вселенныя вѣнчаетъ.
Рамидѣ гордый духъ его извѣстенъ былъ;
Противенъ рыцарь ей, коль много ни любилъ;
Сказала: Мнѣ велѣлъ того избрать родитель,
Кто будетъ сильныхъ войскъ Московскихъ побѣдитель;

Я жду побѣды сей успѣховъ и конца;
Незнающей любви мнѣ всѣ равны сердца.
Тогда, какъ будтобы желѣзо разкаленно,
Которо кажется отъ млатовъ возпаленно,
Свирѣпо Гидромиръ на витязьку воззрѣлъ;
Сердечный вспыхнувъ огнь въ очахъ его горѣлъ;
Онъ рекъ: Жестокая! тебѣ нужна побѣда!
Мы всѣ тебѣ равны? а любишь ты Мирседа;
Индѣйца слабаго сравняла ты со мной?
Забудь его теперь, простися съ сей страной;
Пойдемъ туда, гдѣ ждутъ короны Гидромира;
Пусть рыцари туда всего зберутся міра;
Могу отвѣтъ я мой единый многимъ дать;
Умѣю ли тобой владѣть и побѣждать!
Толь жаркой страстію къ тебѣ никто не таетъ.
Тогда Рамиду онъ въ объятія хватаетъ;
Мой конь и щитъ и мечь готовъ ужѐ, речетъ,
И силою ее изъ храмины влечетъ;
Взлагаетъ на коня смущенну, вопіющу,
Мирседа къ помощи и всю Казань зовущу.
Изыти Гидромиръ изъ града чаялъ вонъ;
У вратъ съ Бразиномъ вдругъ Мирседа встрѣтилъ онъ;
Смутился видомъ ихъ, какъ агнца волкъ несущій,
Которому грозитъ во слѣдъ пастухъ текущій;
Стремился Гидромиръ чрезъ стѣны прескочить;
Но льзя ли въ чемъ успѣхъ злодѣйствомъ получить?
Какъ львы, у конхъ суть ихъ львицы похищенны,
Рамидинъ внемля стонъ два рыцаря смущенны,
На казнь преступнику, на помощь къ ней текутъ;
Чеканами біютъ, сѣкирами сѣкутъ;
Имѣющъ Гидромиръ въ объятіяхъ Рамиду,
Не кажетъ робкаго движенія, ни виду;

Изъ града шествуетъ бронями вкругъ закрытъ;
Проститесь съ ней на вѣкъ, съ насмѣшкой говоритъ.
Рамида всю тогда напасть вообразила;
Кинжалъ его схвативъ во грудь ему вонзила;
Но чающій ее изъ адскихъ устъ извлечь,
Мирседъ ошибкою вонзилъ ей въ сердце мечь.
Какъ громомъ сросшися два дуба разразились,
Бездушныя съ коня въ двѣ стороны свалились;
Къ ногамъ отчаянныхъ любовниковъ падутъ,
И токи къ ихъ стопамъ кровавыя текутъ.
Взирающи на нихъ убійцы онѣмѣли,
Подобны камнямъ ставъ, движенья не имѣли;
Упали ихъ мечи кровавыя изъ рукъ.
Потомъ опомняся, мечи схватили вдругъ;
Нещастіемъ своимъ другъ друга обвиняютъ,
И воплемъ воздухъ весь и стономъ наполняютъ;
Сражаясь, мщенію не вѣдая границъ,
Надъ убіенными поверглись мертвы ницъ.
Которыхъ молнія оружій не вредила,
Тѣхъ слабая любовь мгновенно побѣдила;
Въ слезахъ смущенный градъ на витязей смотрѣлъ,
Онъ въ грозной смерти ихъ свою кончину зрѣлъ.
Вливается въ сердца отчаянье народу,
Что скрылъ отъ оныхъ рокъ и рыцарей и воду;
Ужѐ нещастія не изчисляя мѣръ,
Въ уныніе пришелъ безсильный Едигеръ;
Съ народа для Москвы въ умѣ збираетъ дани,
И хощетъ отворить Царю врата Казани;
Но часъ назначенной побѣды не притекъ.
Предсталъ Нигринъ Царю, и тако злобный рекъ:
О Царь! не унывай; я власть еще имѣю,
Россіянъ отвратить отъ стѣнъ твоихъ умѣю.

Я воду източу изъ воздуха для васъ;
Отмщу за дщерь мою; воздвигну стужи, мразъ;
Воздвигну мщенія волшебныя отъ града,
И всѣ злощастія подвластнаго мнѣ ада;
Не могутъ казней сихъ злодѣи претерпѣть,
Оставятъ градъ; иль имъ подъ градомъ умереть!
Помедли три луны, о Царь! я сердцемъ льщуся,
Что съ бурями къ тебѣ и съ мразомъ возвращуся;
Вѣщая тѣ слова, на колесницу всѣлъ,
И влечь себя изъ стѣнъ драконамъ повелѣлъ.

ПѢСНЬ ВТОРАЯНАДЕСЯТЬ.

Въ пещерахъ внутреннихъ Кавказскихъ снѣжныхъ горъ,
Куда не досягалъ отважный смертныхъ взоръ;
Гдѣ мразы вѣчныя сводъ твердый составляютъ,
И солнечныхъ лучей паденье притупляютъ;
Гдѣ молнія мертва, гдѣ цепенѣетъ громъ,
Изсѣченъ изо льда стоитъ прозрачный домъ;
Тамъ бури, тамо хладъ, тамъ стужъ различны роды;
Тамъ царствуетъ Зима, снѣдающая годы.
Сія жестокая другихъ времянъ сестра,
Покрыта сѣдиной, является бодра;
Соперница весны, и осени, и лѣта,
Бѣлѣйшею снѣговъ порфирою одѣта;
Виссономъ служатъ ей замерзлыя пары;
Престолъ имѣетъ видъ алмазныя горы;
Столпы, изъ свѣтлаго кристала сотворенны,
Сребристый мещутъ блескъ лучами озаренны;
По сводамъ солнечно сіяніе скользитъ,
И кажется тогда громада льдовъ горитъ.
Тамъ воздухъ застуженъ; токъ водный каменѣетъ;
Стѣсненный мразомъ огнь и гаснетъ и блѣднѣетъ;
И будто въ зеркалѣ тамъ видны небеса;
Тамъ снѣжныя цвѣты, кристальны древеса;

Тамъ зрится перлами усыпанное поле;
Тамъ жизнь не дѣйствуетъ; натура тамъ въ неволѣ;
Сѣдыя мразы тамъ сѣдыхъ раждаютъ чадъ;
Кудрявы иніи, мятели, томный гладъ.
Развалины градовъ снѣга изображаютъ,
Единымъ видомъ кровь которы застужаютъ;
Навислыхъ льдовъ слои подобятся горамъ;
Студенымъ воздухомъ пещеры дышутъ тамъ.
Оттолѣ къ намъ Зима порфиру простираетъ,
Въ лугахъ траву, цвѣты въ долинахъ пожираетъ,
И соки жизненны древесныя сосетъ;
На хладныхъ крыліяхъ морозы къ намъ несетъ;
День гонитъ прочь отъ насъ, печальныя длитъ нóчи,
И солнцу отвращать велитъ чело и очи;
Ее со трепетомъ лѣса и рощи ждутъ,
И стужи ей ковры изъ бѣлыхъ волнъ прядутъ;
На всю натуру сонъ и страхъ она наводитъ.
Влекомъ драконами Нигринъ къ ней въ царство входитъ;
Безбожный чародѣй, вращая смутный взглядъ,
Почувствовалъ въ крови и въ самомъ сердцѣ хладъ;
И превратился бы Нигринъ во хладный камень,
Когдабъ не подкрѣплялъ волхва геенскій пламень.
Со страхомъ осмотрѣвъ бездушныя мѣста,
Отверзъ дрожащія и мерзлыя уста;
И рекъ Царицѣ мѣстъ: О страхъ всея природы!
Тебя боится громъ, тебя огонь и вóды;
Мертвѣютъ вкругъ тебя натуры красоты;
Она животворитъ, отъемлешь жизни ты;
Хаосъ тебѣ отецъ, и дщерь твоя ничтожность;
Поборствуй тартару, и сдѣлай невозможность.
Хоть замкнута поднесь твоей державы дверь,
И осень царствуетъ въ полунощи теперь;

Раз-

Разрушь порядокъ сей; сними со врашъ заклепы,
Мятели свободи, морозъ, снѣга свирѣпы;
Не обнаженная и твердая земля,
Но будутъ ихъ одромъ цвѣтущія поля;
Теперь безстрашныя Россіяне во брани,
Ругаяся тобой, стоятъ вокругъ Казани;
Напомни имъ себя; твою напомни мочь;
Гони ихъ въ домы вспять, отъ стѣнъ Казанскихъ прочь;
Твои способности, твою возможность знаю,
И тартаромъ тебя въ семъ дѣлѣ заклинаю,
Дай бури мнѣ и хладъ! . . . Согбенная Зима,
Россійской алчуща погибелью сама,
На льдину опершись, какъ марморъ побѣлѣла,
Морозамъ и снѣгамъ явиться повелѣла;
И сихъ въ алмазныя оковы заключивъ,
Вѣщала такъ она, Нигрину ихъ вручивъ:
Возьми ты цепь сію, влеки туда свободно,
Тебѣ гдѣ ярость ихъ изпытывать угодно;
Се! мразы; се! снѣга; иди. . . Явлюсь сама;
Явлюсь Россіянамъ. . . узнаютъ кто Зима!

Подобенъ съ вѣтрами плывущу Одисею,
Нигринъ отправился въ Казань съ корыстью сею;
При всходѣ третіей луны къ Царю притекъ;
Народу съ бурями спокойство онъ привлекъ;
При вихряхъ тишина явилася во градѣ,
Когда готовились Россіяне къ осадѣ.

Ужè въ подобіе надменныхъ горъ огнемъ,
Селитрою подкопъ наполненъ былъ совсѣмъ;
И смерть имѣющій въ своей утробѣ темной,
Горящей искры ждалъ во тѣснотѣ подземной;
Монархъ велѣлъ замкнуть подъ градомъ скрытый адъ,
Доколѣ Князь Хилковъ не придетъ въ станъ назадъ.

И се! полки его обратно возвратились;
И нужны времяна въ роскошны претворились;
Сокровища свои хранила гдѣ Орда,
Градъ Арскій, яко прахъ, развѣянъ былъ тогда;
Изчезнулъ древними гордящійся годами,
Пустыни принялъ видъ разставшись со стадами.
Россіяне его остатковъ не спасли;
Съ побѣдой многія богатства принесли;
Терпящи нищету, и гладомъ утомленны,
Россійски вдругъ полки явились оживленны;
На части пригнанныхъ дѣлятъ стада воловъ;
Пиры являются на высотѣ холмовъ;
Ликуютъ воины, довольствомъ утучненны,
И злато видно тамъ и ризы драгоцѣнны;
Но ахъ! тѣмъ воинствамъ нещастіе грозитъ,
Которыхъ злата блескъ и роскошь заразитъ;
Герои таковы защитники державы,
Которымъ льститъ единъ вѣнецъ безсмертной славы;
Но Царь внесенныя сокровища къ нему,
Въ награду воинству назначилъ своему;
Такою храбрость ихъ корыстью награжденна,
Могла корыстью быть единой побѣжденна;
И вскорѣ то збылось! . . Отважный Іоаннъ,
Ужѐ повелѣвалъ пренесть ко граду станъ;
Въ долинахъ воинство препятства не встрѣчало,
Осады пламенной являлося начало.

Преобратился вдругъ натуры тихій чинъ;
Пришедый съ бурями во смутный градъ Нигринъ,
На стѣны съ мразами и бурями возходитъ,
Оковы съемлетъ съ нихъ, въ движеніе приводитъ;
На войски указавъ стоящи за рѣкой,
Туда онъ гонитъ ихъ, и машетъ имъ рукой;

Ле-

Летите, вопіетъ, на Россовъ дхните прямо:
Разсыпьте тамъ снѣга, развѣйте вихри тамо;
Онъ бури свободивъ, вертится съ ними вкругъ (1).
Какъ птицы хищныя, спущенны съ путелъ вдругъ,
Поля воздушныя крилами раздѣляютъ,
На многи тучи птицъ паренье устремляютъ:
Съ шумленьемъ таковымъ, оставивъ томный градъ,
Во синихъ облакахъ несутся мразы, хладъ;
И воздухъ льдистыми наполнился иглами.
Россіянъ мерзлыми объемлетъ вихрь крилами;
Поблекла тучная зеленость на лугахъ;
Вода згущается струями въ берегахъ;
Свирѣпая Зима долины облегаетъ,
И грудь прижавъ къ землѣ, всю влажность притягаетъ;
У щедрой осени престолъ она беретъ,
И пухъ изъ облаковъ рукой дрожащей третъ;
Мертвѣютъ вѣтьвями лѣса кругомъ шумящи;
Главы склонили внизъ цвѣты, поля красящи;
Увяла нужная безвремянно трава.
Натура кажется заснувша, не жива;
Стада тѣснимыя необычайнымъ хладомъ,
Въ единый жмутся кругъ, и погибаютъ гладомъ;
Крутится по льду вихрь, и началъ воздухъ жать,
Не могутъ ратники оружія держать;
На снѣжныхъ мразъ крилахъ изъ облакъ вылетаетъ,
Онъ жалитъ какъ пчела, и за руки хватаетъ.
Горящи храбростью уже не ко стѣнамъ,
Бѣгутъ среди шатровъ къ разложеннымъ огнямъ;
Но тамъ студеный вихрь возженный пламень тушитъ,
И кажется союзъ стихіи свободныхъ рушитъ.

(1) О семъ волхвованіи Лѣтописатели тогдашнихъ времянъ согласно утверждаютъ.

Не грѣетъ огнь, вода рѣчная не течетъ;
И воздухъ и земля преобратились въ ледъ;
Спасенія себѣ Россіяне не чаютъ;
Смущенны на стѣнахъ Нигрина примѣчаютъ,
Который вкругъ бойницъ съ Казанцами ходилъ,
Руками машущій морозы наводилъ.
Сіе Казанское лукавое злодѣйство,
Признали ратники за адско чародѣйство;
Вступивше въ знакъ вѣсовъ свѣтило зря они;
Далеко отъ себя считали зимни дни;
Въ противны времяна естественному чину,
Назначили зимѣ волшебную причину;
Нигринъ, который ихъ тревожить продолжалъ,
Отчаяньемъ сердца и страхомъ поражалъ.
Монархъ благій совѣтъ чиновъ священныхъ внемлетъ,
Который помощью врачебною пріемлетъ;
И суевѣріе и тартаръ поразить,
Велѣлъ хоругвь поднять, и въ полѣ водрузить;
Благопріятствуетъ Россіи мысль Царева;
Во знамѣ часть была животворяща дре́ва,
На коемъ Божій Сынъ являя къ намъ любовь,
Въ спасенье грѣшниковъ, безцѣнну пролилъ кровь,
И жало смертное геены притупляетъ;
Се! вѣрныхъ крестъ святый вторично изкупляетъ.
Божественную пѣснь духовныя поютъ;
Возжегся фиміамъ, и бури престаютъ;
Свѣтило дневное лучами воздухъ грѣя,
Обезоружило свирѣпаго Борея;
Зефирами гонимъ онъ тяжко возстеналъ,
И бури предъ собой, какъ стадо вспять погналъ.
Теряютъ силу ихъ Нигриновы угрозы,
Лишился крыльевъ вѣтръ, ушли въ Кавказъ морозы;

Сѣ-

Сѣдыя у зимы растаяли власы;
Пріемлютъ жизнь въ поляхъ естественны красы;
Но риза, чѣмъ была Казань вкругъ стѣнъ одѣта,
Та риза солнечнымъ сіяніемъ согрѣта,
Лишилась бѣлизны, и распустилась врозь,
Тончаетъ; и хребетъ земный проходитъ сквозь.
Россіянъ строгая зима не побѣдила,
Но снѣжная вода подкопы повредила;
Она въ утробу ихъ ручьями протекла,
Селитру пламенну во влажность привела.
Явленіемъ святымъ животворятся войски,
Воскресли въ ихъ сердцахъ движенія геройски;
И видя помощь къ нимъ простерше божество,
Благоговѣйное имѣли торжество;
Къ осадѣ мысли ихъ, готовы къ бранямъ руки;
При пѣніи святомъ тамъ слышны трубны звуки.
Адашевъ и Алей, я вашу кротость зрю,
Вы міра сладости представили Царю;
Ко ближнему любви, и благости послушный,
Пріемлетъ вашъ совѣтъ Монархъ великодушный;
Онъ видѣлъ всѣхъ подпоръ лишенную Казань,
И руку удержалъ держащу громъ и брань;
Предпочитающій крутымъ войнамъ союзы,
Съ Казанца плѣннаго снимаетъ тяжки узы;
Велитъ его во градъ мятежный отпустить,
И тамо ихъ Царю съ народомъ возвѣстить:
Что рока близкаго себя они избавятъ,
Когда Россіянамъ ихъ древній градъ оставятъ;
Или врата свои Монарху отворя,
Пріимутъ отъ него законы и Царя;
И тако возвратятъ владѣніе и правы,
Обиженной отъ нихъ Россійской всей державы.

 Не-

Нечаянной своей свободой возхищенъ,
Казалось плѣнникъ былъ крилами въ градъ несенъ;
Простерла нощь тогда съ звѣздами ризу темну,
И Розмыслъ паки вшелъ во глубину подземну;
Сумнѣніе съ Ордой о мирѣ Царь имѣлъ,
Водой размытый путь исправить повелѣлъ;
Гробница мрачная была совсѣмъ ~~уже~~ отверста,
И городъ поглотить ждала ко знаку перста.
Въ то время звѣздныя надвиглись небеса,
Являя на земли различны чудеса:
Внѣ града слышались Казанскихъ тѣней стоны;
Внимались во стѣнахъ церквей Россійскихъ звоны;
Остановилося теченье свѣтлыхъ звѣздъ;
Простерлась лѣствица къ землѣ отъ горнихъ мѣстъ;
Небесны жители по оной низходили,
И Россамъ вѣрную побѣду подтвердили;
Надъ градомъ облако багровое лежитъ;
Вздыхаютъ холмы тамъ, и зданіе дрожитъ;
Тамъ жёны горкихъ слезъ не знаютъ утоленья;
Вѣщаютъ близкій рокъ толь страшныя явленья!
Ожесточенная и гордая Казань,
Крѣпится, бодрствуетъ, и движется на брань;
Такъ змій копьемъ пронзенъ болѣнію не внемлетъ,
Обвившись вкругъ копья, главу еще подъемлетъ.
Нигринъ пророчествомъ Казанцовъ веселитъ,
Даетъ видѣньямъ толкъ, побѣду имъ сулитъ;
Невольникъ присланный во градѣ остается;
Съ другими во стѣнахъ онъ вскорѣ погребется.
Едва заря луга румянить начала,
Упала предъ Царемъ пернатая стрѣла,
Которую Казань съ высокихъ стѣнъ пустила;
Писаніе сіе съ стрѣлой совокупила:

Какъ

Какъ древу сей стрѣлы во вѣкъ не процвѣтать;
Такъ Россамъ царства въ вѣкъ Ордѣ не уступать . . .
Уступите его! вѣщаетъ Царь съ досадой,
И войска двигнулся съ великою громадой.
Такъ басни брань боговъ изображаютъ намъ,
Когда Олимпъ отмщалъ ихъ злость земнымъ сынамъ;
Перунами Зевесъ со многозвѣздна трона,
Разилъ кичливаго и гордаго Тифона;
Весь адъ возтрепеталъ, и всей вселенной связь
Въ тревогѣ ропотной дрожала устрашась.
Военныя трубы во станѣ возгремѣли,
И робки жители въ Казанѣ онѣмѣли;
Но видя молніи оружій подъ стѣной,
Весь градъ стѣсняемый осадой и войной,
Казанцовъ Едигеръ на стѣны призываетъ;
Жестокость дщерію отчаянья бываетъ!
Отрыгнувъ подлую Россіянамъ хулу,
Готовятъ на стѣнахъ кипячую смолу,
Гортани мѣдныя рыгающія пламень,
Горящи углія, песокъ, разженный камень.
Блистаютъ тучи стрѣлъ Россіянъ отражать;
Но можетъ ли ихъ громъ и пламень удержать!
Какъ будто посреди цвѣтовъ въ глухой пустынѣ,
Россійскія полки подвиглись въ стройномъ чинѣ;
Что солнечны лучи доспѣхи ихъ горятъ;
Казалось то орлы противу тучь парятъ;
Се! воздухъ пѣніе святое наполняетъ.
Самъ Богъ! самъ Богъ! съ небесъ идущихъ осѣняетъ,
И лаврами побѣдъ благословляетъ ихъ;
Остановился вѣтръ, и шумъ рѣчный утихъ;
Повсюду теплое внимается моленье.
Во градѣ слышанъ стонъ, извнѣ увеселенье;

ВЪ стѣнахЪ гремящій звукЪ тревогу вострубилЪ;
Но онЪ пронзительнымЪ подобенЪ звонамЪ былЪ;
Унывны внемлются тамЪ гласы Мусикійски;
Благоговѣніе бодритЪ полки Россійски;
За вѣру и народЪ грядутЪ ополчены,
Со псалмопѣніемЪ священныя чины;
Святою воинство водою окропляютЪ,
И храбрости огни во ратникахЪ пылаютЪ.
КакЪ солнце зримое вЪ живительномЪ огнѣ,
ТакЪ войску Царь предсталЪ сѣдящій на конѣ;
ОнЪ взоромЪ нову жизнь безстрашію приноситЪ,
Господней помощи РоссійскимЪ войскамЪ проситЪ:
О Боже! вопіетЪ, вѣнчаемый тобой,
Мамая сокрушилЪ Димитрій предокЪ мой;
У НевскихЪ береговЪ тобой попранны Шведы,
ТамЪ храбрый АлександрЪ нашелЪ вѣнцы побѣды;
Коль благо мы твое умѣли заслужить,
Дай помощь намЪ, Казань, о Боже! низложить;
Вели торжествовать твоей святыни дому . . . . .
ОнЪ рекЪ; слова его подобны были грому,
Которыя вЪ сердцахЪ РоссійскихЪ раздались;
И стѣны гордыя Казани потряслись.
Се! войска слышанЪ гласЪ, какЪ нѣкій шумЪ дубровы,
Пролити нашу кровь за вѣру мы готовы!
Пронесся тихій шумЪ, и стала тишина;
ТакЪ вышедЪ на брега смиряется волна.
Тогда послѣдуя благоволеньямЪ ЦарскимЪ,
Князь Курбскій изцѣленЪ кЪ вратамЪ склонился АрскимЪ;
СЪ другой страны покрылЪ НагайскихЪ часть полей,
СЪ отборнымЪ воинствомЪ безстрашный Царь Алей;
КакЪ камни нѣкія являлися вЪ пучинѣ,
Вельможи храбрыя РоссійскихЪ войскЪ вЪ срединѣ;

Раз-

Различной красотой убранство ихъ цвѣтетъ;
Но разности въ огнѣ душевномъ къ славѣ нѣтъ.
Полки, какъ Богъ міры, въ порядокъ Царь уставилъ,
И давъ движенье имъ къ осадѣ ихъ отправилъ;
Вдохнувъ совѣты имъ, склонился Іоаннъ
Къ моленью теплому въ неотдаленный станъ;
Но войску повелѣлъ идущему ко граду,
Услышавъ громъ, начать со всѣхъ сторонъ осаду.
Сей знакъ съ надежной былъ побѣдой сопряженъ;
Ужъ Розмыслъ вшелъ въ подкопъ огнями окруженъ,
И молнія была въ рукахъ его готова;
Ужасный громъ родить онъ перста ждалъ и слова.
Тогда воздѣвъ глаза и руки къ небесамъ,
Молитвы во слезахъ Владѣтель пролилъ самъ.
Господь на небесахъ молитвамъ Царскимъ внемлетъ;
Любовь возноситъ ихъ, щедрота ихъ пріемлетъ;
Надежда съ горнихъ мѣстъ, какъ молнія изъ тучь,
Царю представилась и проліяла лучь.
Воззвалъ внимающій святую литургію:
О Боже! подкрѣпи, спаси, прославь Россію!
И Богъ къ нему простеръ десницу отъ небесъ.
Едва сей важный стихъ пресвитеръ произнесъ:
Единый пастырь днесь, едина будутъ стада; . . . .
Разрушилися вдругъ подъ градомъ связи ада;
Поколебалися и горы и поля;
Ударилъ страшный громъ, вспрянула вверьхъ земля;
Трепещетъ, зыблется, воздушный кругъ згущаетъ,
Казалось міръ въ хаосъ Создатель превращаетъ;
Разверзлась мрачна хлябь, изходитъ мракъ съ огнемъ;
При ясномъ небеси не видно солнца днемъ;
Разторгнувъ молніи проломъ въ стѣнахъ возженныхъ,
И побѣдителей страшатъ и побѣжденныхъ.

Ка-

Казалось цѣлый свѣтъ опасность ощутилъ;
Побѣду Россамъ, смерть Казанцамъ возвѣстилъ;
Изображенiе Казанскiя напасти,
Летаютъ ихъ тѣла разторгнуты на части.
Въ развалинахъ они кончаясь вопiютъ;
Но звуки слышать ихъ спасенья не даютъ.
Нигринъ угломъ во грудь отъ камня пораженный,
Валится вмѣстѣ съ нимъ въ геену погруженный;
Вращаяся летѣлъ три дни, три нощи онъ;
Въ геennѣ рветъ власы, пускаетъ тяжкiй стонъ;
Прiемлетъ таковый конецъ всегда злодѣйство!
Но дымъ густый закрылъ полковъ Россiйскихъ дѣйство;
Князь Курбскiй съ воинствомъ кидается въ проломъ;
Огонь черезъ огни, чрезъ громы вноситъ громъ;
Преходитъ градски рвы стѣною заваленны;
Преграды разметалъ, огнями возпаленны;
Какъ сильная вода плотину разорвавъ,
Вломился онъ во градъ примѣръ другимъ подавъ;
По стогнамъ жителей встрѣчающихся рубитъ,
Гремитъ, стѣсняетъ, жметъ, побѣду въ градѣ трубитъ.
Съ другой страны Алей, какъ вверьхъ стремнины левъ,
Съ полками на раскатъ, и съ громомъ возлетѣвъ,
По лѣствицамъ стрѣльницъ Казанскихъ досягаетъ;
Кипящiй варъ, песокъ, огонь пренебрегаетъ;
Онъ пламень отряхнувъ со шлема и власовъ,
Касается одной рукою стѣнъ верьховъ,
Другой враговъ разитъ, валитъ; на стѣны всходитъ;
Неустрашимостью Ордынцамъ страхъ наводитъ.
Какъ солнечнымъ лучемъ влекомая вода,
Текутъ ему во слѣдъ его полки туда;
О диво! взносятся знамена не руками,
Несутся быстрыми на стѣны облаками;

Какъ

Какъ легкимъ бурный вѣтръ играющій перомъ,
Такъ храбрость воиновъ подъемлетъ множа громъ;
Со трепетомъ мѣста Казанцы покидаютъ,
Спускаются со стѣнъ, иль паче упадаютъ;
Но яко часть горы отъ холма отдѣлясь,
Валитъ дубовый лѣсъ, со стукомъ внизъ катясь;
Или какъ грудью вѣтръ на стѣны налегаетъ,
Шумящъ оружіемъ Алей во градъ вбѣгаетъ;
Все ломитъ и крушитъ, отмщеніемъ разженъ,
Пренебрегаетъ стонъ мужей, и вопли женъ.
Россійскія полки Алеемъ ободренны,
Бросаются къ врагамъ, какъ тигры разъяренны;
Стѣсняютъ, колютъ, бьютъ, сражаются, и вдругъ
Услышали вблизи мечей и копій звукъ;
Россіяне враговъ, друзей Казанцы чаютъ;
Но Курбскаго съ мечемъ и съ воинствомъ встрѣчаютъ,
Который на копьѣ, противника небесъ,
Вонзенную главу Ордынска Князя несъ,
Померклыхъ глазъ она еще не затворила;
И мнится, жителямъ, смиряйтесь говорила;
Сей Князь съ державцемъ ихъ воспитанъ вмѣстѣ былъ,
Къ Россіи за вражду народъ его любилъ;
Но зря его главу несому предъ полками,
Закрыли очи вдругъ дрожащими руками;
Казалось молнія отчаянныхъ разитъ;
Обнявъ ихъ смертъ рукой отвсюду имъ грозитъ,
И челюсти ее являютъ остры жалы.
Лишенны помощи изторгли вдругъ кинжалы;
Единъ изъ воиновъ въ неистовствѣ речетъ:
Вы видите, друзья, что намъ спасенья нѣтъ;
Предупредимъ позоръ и намъ грозящи муки,
У насъ кинжалы есть, у насъ во власти руки;

И вдругъ кинжалъ вонзилъ внутрь чрева своего;
Дрожаща внутренна упала изъ него.
Жестокій сей примѣръ другихъ вооружаетъ;
Братъ брата, сынъ отца, кинжаломъ поражаетъ;
Междоусобное сраженье началось,
И крови множество со звѣрствомъ полилось.
Безчеловѣчное такое видя дѣйство,
Россійскія полкй забыли ихъ злодѣйство;
Ко избавленію отчаянныхъ текутъ,
Вломившись въ тѣсноту изъ рукъ кинжалы рвутъ,
Смиряютъ ва́рваровъ, ихъ злобу утоляютъ,
Хотящихъ смерти имъ, отъ смерти избавляютъ;
Но жалитъ и мертвитъ избавленна змѣя
Спасителей своихъ; въ утробѣ ядъ тая,
Единъ смирившимся Ордынецъ притворился,
Весь кровью орошенъ онъ Россамъ покорился;
Лишь только подступилъ Россіянинъ къ нему,
Онъ мечь его схвативъ, вонзилъ во грудь ему;
Къ Алею бросился съ поносными рѣчами,
И тамо кончилъ дни пронзенный сквозь мечами.
Другія жизнь скончать спокойно не могли;
На кровы зданіевъ горящихъ возтекли,
Стрѣлами и огнемъ Россіянъ поражали,
Сгорая, мщенья жаръ въ герояхъ умножали;
Россіянъ огнь губилъ, и улицъ тѣснота;
Но града часть сія ужѐ была взята.
Какъ два источника, съ вершины горъ текущи,
И камни тяжкія и съ корнемъ лѣсъ влекущи,
Кипящею волной разятъ далече слухъ;
Полста́да потерявъ на холмъ бѣжитъ пастухъ,
Трепещущъ и унылъ на пажити взираетъ,
Которы съ хижиной токъ водный пожираетъ:

Такъ

ТакЪ сЪ КурбскимЪ Царь Алей побѣды продолжалЪ;
ТакЪ робко ЕдигерЪ отЪ грома ихЪ бѣжалЪ;
Разрушилась его надежда со стѣнами;
ОнЪ скрылся вЪ истуканЪ сЪ прекрасными женами;
ПророчествомЪ своихЪ волхвовЪ предубѣжденЪ,
Еще ласкался быть на тронѣ утвержденЪ.
Ужè Россіяне препоны не встрѣчали,
И вскорѣбЪ лавры ихЪ побѣды увѣнчали;
Но вдругЪ сквозь бурный огнь, сквозь пыль, и черный дымЪ,
Корыстолюбіе представилося имЪ;
БлестящимЪ златомЪ ихЪ и бисеромЪ прельщаетЪ,
Ищите вЪ градѣ вы сокровищей, вѣщаетЪ;
Плѣняются сердцà, плѣняется ихЪ взорЪ;
О древнихЪ стыдЪ времянЪ! о воинства позорЪ!
Кто вЪ злато влюбится, тотЪ славу позабудетЪ,
И тверже сердцемЪ онЪ металловЪ твердыхЪ будетЪ.
Прельщенны ратники, вкусивЪ корысти ядЪ,
Для пользы собственной берутЪ казалось градЪ;
КакЪ птицы хищныя кЪ добычѣ устремились;
По стогнамЪ разошлись, во зданія вломились;
Корыстолюбіе повсюду гонитЪ ихЪ,
ВелитЪ оставить имЪ начальниковЪ своихЪ;
Ужè на торжищахЪ грабленіемЪ дѣлятся;
Но хищники своей бѣдою веселятся;
Сребро успѣло ихЪ отравой заразить;
Возможноль было ждать, возможноль вобразить!
ТамЪ жребій ратники на смерть свою метали;
Единодушныя враги другЪ другу стали;
РаздорЪ посѣялся, изЪ рукЪ одежды рвутЪ,
И рѣки за сребро кровавыя текутЪ,
Забыта нужная отечеству услуга;
ТамЪ гонятЪ, тамЪ разятЪ, Россіяне другЪ друга;

Коликихъ ты корысть бываешь золъ виной!
Отломки золота за градъ злечетъ иной;
Исполненъ храбрости, и въ подвигахъ надежды,
Окровавленныя уноситъ въ станъ одежды;
Но прежній другъ его за нимъ съ мечемъ бѣжитъ,
Сражаетъ, и надъ нимъ пронзенный самъ лежитъ.
Ко славѣ пламенемъ и ревностью возженны,
Но малымъ войскъ числомъ дерзаютъ окруженны
Князь Курбскій и Алей, и воинамъ рекутъ,
Которыя отъ нихъ къ грабленію текутъ,
Постойте! ежели отъ Россовъ вы рожденны,
То можете ли быть корыстью побѣжденны?
Вамъ слава громкая стяжаньемъ быть должна;
Рекутъ; но рѣчь сія бѣгущимъ не важна!
Ко строгости Алей и власти прибѣгаетъ;
Совѣтомъ не успѣвъ, онъ мечь свой изторгаетъ,
И потомъ орошенъ бѣгущимъ въ слѣдъ течетъ;
Вамъ лучше кончить жизнь, во славѣ онъ речетъ,
Чѣмъ жить въ такомъ стыдѣ! Тогда до Іоанна,
О градѣ лаврами достигла вѣсть вѣнчанна;
Доколь побѣдою пророкъ не возгремѣлъ,
Дотолѣ длани вверьхъ простертыя имѣлъ,
И тако поразилъ во брани Амалика;
Молитвой краткою рѣшилась брань велика;
Держалъ въ объятіяхъ своихъ святый олтарь,
Доколь побѣды гласъ не началъ слышать Царь.
Онъ пролилъ токи слезъ, какія знаетъ радость,
Почувствуя въ душѣ по тяжкихъ скорбяхъ сладость;
Но слёзы отеревъ промолвити возмогъ:
Законъ Россійскій святъ! великъ! великъ мой Богъ!
Надъ нимъ летающа съ трубою зрѣлась Слава,
Ликуетъ, кажется, въ лицѣ его держава;

По-

Подобенъ небесамъ его являлся взглядъ.
Средь множества вельможъ подвигся съ войскомъ въ градъ;
Такъ видится луна звѣздами окруженна;
Иль множествомъ цвѣтовъ въ лугахъ весна блаженна;
Или объемлемы волнами корабли;
Иль между селъ Москва стояща на землѣ;
Его пришествіе побѣда упреждаетъ;
Героя цѣлый полкъ героевъ провождаетъ;
Онъ другу своему вѣщаетъ наконецъ:
Не устыдится мной ни дѣдъ мой, ни отецъ;
Не устыдишься ты моею дружбой нынѣ,
Не имянемъ я Царь; благодаря судьбинѣ,
Я Царь и дѣломъ сталъ! Сія кротчайша рѣчь
Заставила у всѣхъ усердны слезы течь.
Но вдругъ достигшія подъ самы градски стѣны,
Увидѣли свои поверженны знамены;
Какъ агнцы робкія Россіяне текутъ,
И вопятъ къ воинству: Тамъ рубятъ, и сѣкутъ!
Какъ язва жителей терзающа во градѣ,
Или свирѣпый тигръ ревущій въ агнчьемъ стадѣ:
Такъ сильно дѣйствуетъ надъ воинами страхъ,
И мещетъ ихъ изъ вратъ, какъ буря съ камней прахъ;
Царя бѣгущихъ вопль и блѣдность огорчаетъ,
Печальный оборотъ побѣды видѣть чаетъ;
Ужѐ исторгнувъ мечь онъ самъ во градъ влеталъ;
Но посланный къ нему Алеемъ мужъ предсталъ,
Явились ясныя лучи во темномъ дѣлѣ;
Не ужасъ гонитъ ихъ, корысть влечетъ отселѣ,
И сребролюбіе сражаться имъ претитъ;
Тотъ робокъ завсегда, кого сребро прельститъ!
Алеемъ посланный Царю сіе вѣщаетъ:
Ни стыдъ отъ грабежа, ни страхъ не отвращаетъ;

И естьли Царь сея алчбы не пресѣчетъ,
То вскорѣ самъ Алей изъ града потечетъ,
Едва крѣпится онъ! . . Смущенный Царь рѣчами,
Велѣлъ своимъ полкамъ приближиться съ мечами;
И симъ оплотомъ бѣгъ текущимъ преградить;
Велѣлъ забывшихъ честь Россіянъ не щадить.
Стыдъ взорамъ ихъ предсталъ, изчезло ослѣпленье,
И къ славѣ въ ратникахъ воскресло разпаленье,
Отрынули корысть; обратно въ градъ летятъ,
За малодушіе свое Казани мстятъ.
Трепещетъ, стонетъ градъ, рѣками кровь ліется;
Послѣдній Россамъ шагъ къ побѣдѣ остается,
Разтерзанъ былъ Драконъ, осталася глава,
Зіяюща еще у Тезицкаго рва.
Подобно вихрямъ внутрь пещеры заключеннымъ,
И мѣста тѣснотой и тмой ожесточеннымъ,
Которы силятся въ движеньѣ и борбѣ,
Сыскать отверзтіе чрезъ своды горъ себѣ,
Казанцы воинствомъ Россійскимъ окруженны,
Противуборствуютъ громами пораженны;
Прорваться думаютъ сквозь тысящи мечей,
Текутъ; но не они, то крови ихъ ручей;
Волнуются, шумятъ, кидаются, дерзаютъ;
Но встрѣтивъ блескъ мечей, какъ тѣни изчезаютъ.
Князь Курбскій и Алей полками подкрѣпленъ,
Ни тотъ сраженіемъ, ни сей не утомленъ,
Подобны тучамъ двумъ являются идущимъ,
Перуны пламенны во мрачности несущимъ,
Котора вдалекѣ блистаетъ и гремитъ;
Возходятъ вверьхъ горы, гдѣ Царскій Дворъ стоитъ;
Тамъ робкій Едигеръ съ женами затворился,
Сокрывшись отъ мечей, отъ страха не сокрылся;

От-

Отчаянье туда вбѣжало вѣ слѣдѣ за нимѣ;
Свѣтѣ солнца у него згущенный отнялѣ дымѣ;
Казалось, воздухѣ тамѣ пріемлетѣ видѣ измѣны,
Земля вздыхаетѣ тамѣ, трепещутѣ горды стѣны;
Рыданіе дѣтей, тамѣ слышны вопли женѣ;
И многими смертьми онѣ зрится окруженѣ . . .
Еще избранныя его полки біются,
Послѣдней храбрости вѣ нихѣ искры остаются;
Тѣнь мужества еще у Царскихѣ вратѣ стоитѣ,
Колеблется, и входѣ Россіянамѣ претитѣ;
Усердіе кѣ Царю побѣды не впускаетѣ,
Почти послѣдній вздохѣ у враговѣ изпускаетѣ;
Но силится еще Россіянѣ отражать.
Возможноль тлѣннымѣ чѣмѣ перуны удержать!
Алей и Курбскій Князь, какѣ вихри напряженны,
Которыхѣ крылья суть кѣ дубравѣ приложенны,
Лѣсѣ ломятѣ и ревутѣ; Князь Курбскій сѣ копіемѣ,
Алей по трупамѣ тѣлѣ бѣжитѣ чрезѣ ровѣ сѣ мечемѣ;
Какѣ будто Ахиллесѣ гремящѣ у вратѣ Сціискихѣ;
Тамѣ видѣнѣ брани богѣ, и духѣ стрѣльцовѣ Россійскихѣ;
Вѣщаетѣ грозну смерть мечный и трубный звукѣ,
У стражи падаютѣ оружія изѣ рукѣ;
Униніе вѣ сердцахѣ, на лицахѣ томна блѣдность,
Тѣлохранителей являютѣ страхѣ и бѣдность.
Какѣ будтобы народѣ на храмѣ сѣ печалью зритѣ,
Который возпаленѣ отѣ молніи горитѣ;
И видя пламенемѣ отвсюду окруженно,
Любезно божество внутрь стѣнѣ изображенно,
Спасая свой животѣ, отѣ храма прочь течетѣ;
Нашѣ богѣ спасайся самѣ, вѣ отчаяньѣ речетѣ:
Такѣ видя молніи и стѣны вкругѣ дрожащи,
Рѣкой кипящу кровь, тѣла кругомѣ лежащи,

Ка-

Казански воины у Збойливых воротЪ,
Творящи Царскому Двору живый оплотЪ,
Который какЪ тросшникЪ герои врозь метали;
ТѢлохранители сражаться перестали;
РоссїянЪ укротивЪ на малый часЪ, рекли:
Цареву жизнь доднесь, какЪ нашу мы, брегли;
Россїяне! тому свидѢтели вы были,
Что крови мы своей за царство не щадили:
Но днесь, коль васЪ вѢнчалЪ побѢдою вашЪ БогЪ,
Когда падетЪ нашЪ градЪ, и Царскїй сЪ нимЪ чертогЪ;
Когда Ордынская на вѢки меркнетЪ слава;
ВручаемЪ вамЪ Царя нещастлива, но здрава;
И вашему Царю корону отдаемЪ;
Но смертну чашу пить теперь за градЪ пойдемЪ.
Спускаются сЪ горы, текутЪ за стѢны прямо;
БѢгущихЪ Палецкїй сЪ полка́ми встрѢтилЪ тамо;
УставилЪ щитЪ кЪ щиту, противу грома громЪ;
Ордынцы мечутся, чрезЪ стѢны во проломЪ,
Окровавляются брега́ рѢкѝ Казанской,
И кровь Ордынская смѢшалась сЪ Христїянской;
Багровыя струи, Казанка гдѢ текла,
НесутЪ пронзенныя и блѢдныя тѢла . . . .
Внезапно вопль возсталЪ, и внемлется стенанье;
Се городЪ, изпустивЪ послѢднее дыханье,
КолѢна преклонилЪ! . . Но робкая Орда
Ласкается, что ей погибнуть не чреда;
Россїйской храбрости себя не покоряютЪ,
БолотамЪ и рѢкамЪ плачевну жизнь ввѢряютЪ;
ОтЪ покровительства отторглися небесЪ;
ВЪ свирѢпствѢ предпочли подданству темный лѢсЪ;
СЪ перуномЪ Курбскїй Князь по ихЪ стремится слѢду;
ДостигЪ, сразилЪ, попралЪ, и увѢнчалЪ побѢду.

Ме-

Между печальныхъ женъ во истуканѣ скрытъ,
Увидѣвъ Едигеръ, что градъ кругомъ горитъ;
Что стражи обнажась, трепещутъ за́мка стѣны;
Наполненныя рвы кровавой видя пѣны;
Что робость погнала воителей въ поля;
Нещастный Царь тоскѣ, и пла́чу женъ внемля,
Біетъ стенящу грудь, вѣнецъ съ главы свергаетъ;
Но въ ужасѣ еще къ лукавству прибѣгаетъ;
Какъ будто плаватель богатствомъ удрученъ,
На мѣль бываетъ водъ стремленіемъ влеченъ,
Спасая жизнь свою, души его пріятства,
Въ боязни не щадитъ любезнаго богатства;
И что чрезъ долгій вѣкъ пріобрѣтенно имъ,
То мещетъ съ корабля во снѣдь волнамъ сѣдымъ.
Такъ войска окруженъ свирѣпыми волнами,
И вкупѣ сѣтуюцъ съ прекрасными женами,
Умыслилъ Едигеръ, еще ласкаясь жить,
Пригожство женъ противъ Россіянъ воружить;
Которы иногда героевъ умягчаютъ,
Надъ побѣдительми побѣды получаютъ;
Отчаянный на все дерзаетъ человѣкъ!
Златыми ризами наложницъ онъ облекъ,
Украсилъ въ бисеры, и камни драгоцѣнны,
Пріятства оживилъ, печалью потушенны;
Въ убранствахъ повелѣлъ имъ выйти ко вратамъ,
И взорами Князей обезоружить тамъ.
Ужѐ прекрасный полкъ съ высокихъ лѣствицъ сходитъ,
Единый ихъ Царевъ воспитанникъ предводитъ;
Выносятъ не мечи; въ рукахъ несутъ цвѣты,
Пріятства, нѣжности, заразы, красоты;
Гла́вы ихъ пестрыми вѣнками увязенны;
Власы по раменамъ, какъ во́лны разпущенны;

 Сте-

Стенанья извлеклись, и слёзы наконецъ;
Оружія сіи опасны для сердецъ!
Выходятъ, ко стопамъ героевъ упадаютъ,
Обнявъ колѣни ихъ терзаются, рыдаютъ;
И злато, вольности на выкупъ отдаютъ;
Спасите нашего Монарха, вопіютъ,
Взнесенныя мечи, свирѣпость отложите,
И человѣчество при славѣ докажите;
Для насъ Царя, и насъ спасите для него;
Остались мы ему, и больше никого!
Россіянъ трогаетъ красавицъ сихъ моленье,
И близко прилегло къ сердцамъ ихъ сожалѣнье;
Сабинки древнія такъ нѣжностью рѣчей,
Смягчили сродниковъ, кидаясь средь мечей.
Теряютъ мужество совокупленны мочи;
Въ сердца желаніе, приходитъ нѣжность въ очи;
Младыя воины не храбростью кипятъ,
Кипятъ любовію, и миръ ужè гласятъ;
Побѣду прелести надъ мужествомъ пріемлютъ;
Россіяне ужè прекрасныхъ женъ обьемлютъ.
Но вдругъ какъ нѣкій вихрь поднявшійся съ полей,
Вломились во врата Мстиславскій и Алей;
Примѣтивъ, что любовь героевъ унижаетъ,
Мстиславскій ихъ стыдомъ, какъ громомъ поражаетъ:
Гдѣ Россы? вопіетъ, гдѣ дѣлися они?
Здѣсь храбрыхъ нѣтъ мужей; но жёны лишь одни!
При словѣ томъ Алей Ордамъ обиду мстящій,
Преходитъ сквозь толпу, какъ камни, ключь кипящій;
Подъемлетъ копіе, и яростью разженъ,
Разитъ онъ юношу стоящаго средь женъ.
Сей юноша самимъ воспитанъ Едигеромъ,
И женской наглости являлся быть примѣромъ;

По-

Пораненный въ чело бѣжитъ въ чертоги онъ;
Отвсюду слышатся, роптанье, плачь и стонъ.
Какъ вѣтръ играющій кипящими валáми,
Или какъ горлицы шумящія крилами,
Которыхъ ястреба летящи къ нимъ страшатъ:
Такъ жéны обратясь за юношей спѣшатъ;
Тѣснятся, вопіютъ, бѣгутъ ко истукану;
Но юноша схвативъ своей рукою рану,
Изъ коей кровь текла багровою струей,
Къ Алею возопилъ: Спаси меня Алей!
Не убивай меня, оставь Царю къ отрадѣ;
Я не былъ на войнѣ, ни въ полѣ, ни во градѣ,
Не омочалъ моихъ въ крови Россійской рукъ.
Алей на то ему: Но ты Казани другъ;
Довольно и сего! . . Въ немъ ярость закипѣла,
Ужè главу его хотѣлъ отнять отъ тѣла,
Се храбрый Іоаннъ, какъ вихрь во дворъ вбѣжалъ,
И руку острый мечь взносящу удержалъ;
Вѣщая такъ Царю: Престанемъ быть ужасны
Врагамъ, которыя не стали намъ опасны;
Казань ужè взята! вложи обратно мечь;
Не крови; милостямъ теперь пристойно течь.
Явились яко свѣтъ словà его предъ Богомъ;
И славу онъ послалъ Царю щедротъ залогомъ. . .
Молчитъ вселенная; пресѣкся бѣгъ планетъ;
Казалось, Іоаннъ въ правленье миръ беретъ.
Но только робкихъ женъ Казанскій Царь увидѣлъ,
И скипетръ и престолъ и жизнь возненавидѣлъ;
Примѣтивъ мужество презрѣвшую любовь,
Багрову на челѣ воспитанника кровь;
Внимая громъ мечей, внимая трубны звуки,
Отчаянъ, рветъ власы, рыдаетъ, взноситъ руки;

 Коль

Коль младость не мягчитъ сердецъ, ни красоты,
Чѣмъ льстишься, Едигеръ, смягчить героевъ ты,
Онъ тако возопилъ! и разтерзая ризу,
Низвергнуться хотѣлъ со истукана къ низу;
Хотя со трепетомъ на глубину взиралъ;
Но руки онъ ужѐ далеко простиралъ;
Главою ко землѣ отчаянъ понижался;
Висящъ на воздухѣ одной ногой держался.
Се! вдругъ клокочущій въ поляхъ воздушныхъ шаръ,
Направилъ пламенный во истуканъ ударъ;
Громада потряслась; глава съ него свалилась;
Весь градъ затрепеталъ, какъ внизъ она катилась;
Разсѣлся истуканъ. . . Но робкаго Царя,
Небесный духъ схватилъ, лучами озаря;
Онъ пальмы на главѣ вѣнцемъ имѣлъ сплетенны;
Лилеи онъ держалъ въ Едемѣ обрѣтенны;
И ризу въ небесахъ сотканную носилъ;
Взявъ руку у Царя сіи словà гласилъ:
Нещастный! ободрись; отринь Махометанство,
Россіи покорись; наслѣдуй Христіянство!
Закономъ замѣни мірскія суеты;
Не трать твоей души утративъ царство ты;
Россійскій кротокъ Царь, не недругъ побѣжденнымъ,
Живи, гряди, и вновь крещеньемъ будь рожденнымъ!
Во изумленіи взирая на него,
Смущенный Едигеръ не взвидѣлъ вдругъ его;
Но благовѣстіе воспомнивый небесно,
Призналъ божественнымъ явленіе чудесно;
Разстроенную мысль судьбинѣ покорилъ;
Низходитъ съ высоты пареньемъ быстрыхъ крилъ;
Течетъ, является Царю во Дворъ входящу,
Спасите Царску жизнь! воителямъ гласящу.

И се! его зоветъ военная труба,
Явился Едигеръ во образѣ раба;
Глава его была на плечи преклоненна,
Покрыта пепеломъ, печальна, откровенна;
Омыта токомъ слезъ его являлась грудь;
Сквозь воиновъ сыскавъ лишенный царства путь,
Отчаянъ, блѣденъ, нищъ и въ рубищѣ раздранномъ,
Склонился, возрыдавъ, къ землѣ предъ Іоанномъ;
Челомъ біющій пыль, стопы Монарши зря,
Вѣщаетъ: Не ищи Казанскаго Царя!
Ужъ нѣтъ его; ужъ нѣтъ! . . . Ты Царь сея державы,
Съ оставшими хощу твои принять уставы;
Всеобщей вѣрности я ставлю жизнь въ залогъ;
Ты будь моимъ Царемъ; твой Богъ, мой будетъ Богъ!
Со умиленіемъ Герой сей рѣчи внемлетъ,
И плѣннаго Царя, какъ друга онъ объемлетъ;
Вѣщая: Вѣрой мнѣ и саномъ буди братъ!
Услыша тѣ слова взглянулъ и ожилъ градъ.
Тогда умножились по граду звучны бои;
Являются Царю Россійскія герои:
Князь Курбскій кровію и пылью покровенъ,
Вѣщалъ: Да будетъ въ вѣкъ сей день благословенъ;
О! Царь, великій Царь! твои побѣды громки
Со времянемъ прочтутъ съ плесканіемъ потомки!
Мстиславскій мечь въ рукѣ какъ молнію носящъ,
Царей Казанскихъ скиптръ въ другой рукѣ держащъ;
Сіе величества тщеславное блистанье
Къ Монаршескимъ стопамъ приноситъ на попранье.
Щенятевъ плѣнниковъ окованныхъ привлекъ;
Ордынскихъ многихъ силъ, се! тѣнь послѣдня, рекъ;
Твоею Царь они рукою побѣжденны;
Мы славны ставъ тобой, за подвигъ награжденны.

 Ро-

Романовъ съ торжествомъ текущій по тѣламъ,
Приноситъ знамя то къ Монаршескимъ стопамъ,
Которо мятежей Ордынскихъ знакомъ было;
Оно затрепетавъ луну къ землѣ склонило.
Шемякинъ окруженъ добычами предсталъ;
Но славой паче онъ, чѣмъ бисеромъ блисталъ.
Микулинскій, сей мужъ Россійскихъ силъ ограда,
Оружія принесъ разрушеннаго града;
Мечи кровавыя, щиты, пищали тамъ,
Какъ горы видятся Монаршескимъ очамъ.
Адашевъ возопилъ: О! Царь и храбрый воинъ,
Ты славенъ сталъ; но будь сей славы въ вѣкъ достоинъ!
Спокойство возвратилъ ты не единымъ намъ,
Доставилъ ты его и позднымъ времянамъ.
О! естьлибъ ты смирить Казани не рѣшился,
Какихъ бы ты похвалъ, какихъ торжествъ лишился?
Явился Палецкій парящій какъ орелъ;
По грудамъ онъ къ Царю щитовъ и шлемовъ шелъ;
Хотя рука его корыстей не имѣла;
Но вкругъ него хвала Россійскихъ войскъ гремѣла.
У Шереметева еще и въ оный часъ
Геройскій духъ въ очахъ и пламень не погасъ.
Плещеевъ плѣнниковъ збираетъ Христіянскихъ;
Въ темницахъ ищетъ ихъ, въ развалинахъ Казанскихъ,
И вкупѣ возвративъ свободу имъ и свѣтъ,
Ко Іоанну ихъ въ объятія ведетъ.
Збираетъ въ тѣсный кругъ вельможей храбрыхъ
Вдругъ новый Царь насталъ и новая держава! (Слава;
Ликуй, Россійскій Царь, вѣщалъ ему Алей,
Казань ты покорилъ, и всѣхъ Срацыновъ съ ней;
Отнынѣ въ вѣкъ Москва останется спокойна;
Но служба ежели моя наградъ достойна,

ВЪ корысть прошу одну Сумбеку, Государь!
И дружбу съ ней мою прими, вѣщаетъ Царь.
ВЪ восторгахЪ радостныхЪ МонархЪ привѣтствамЪ вне-
Вельможей, воиновЪ, съ потокомЪ слезЪ объемлетЪ, (млетЪ;
И рѣчь сію простерЪ: Сей градЪ, вѣнцы сіи,
Дарите РоссамЪ вы, сотрудники мои;
И естьли нашихЪ дѣлЪ потомки не забудутЪ,
ВамЪ славу воспоютЪ, и вамЪ дивиться будутЪ;
А мнѣ коль славиться возможно вЪ жизни чѣмЪ,
Я славлюсь, что мужей великихЪ есмь ЦаремЪ!
Внимая небо то, одѣлось новымЪ блескомЪ,
И рѣчь окончилась общенароднымЪ плескомЪ.
Разженный кЪ Вышнему благодареньемЪ Царь,
Во градѣ повелѣлЪ соорудить олтарь.
Вѣдомыя кЪ Царю небесной благодатью,
Сопровождаются чины священны ратью;
ЛикуютЪ небеса, подземный стонетЪ адЪ;
БлагоуханіемЪ наполнился весь градЪ;
Гдѣ вопли слышались, гдѣ стонЪ и плачь не давно,
ТамЪ нынѣ торжество сіяетЪ православно;
Божественны стихи пронзаютЪ небеса;
Животворящая является роса;
Водою зданія святою окропленны,
Свой пепелЪ отряхнувЪ явились оживленны;
И псалмопѣнію священному внемля,
Возрадовались вкругЪ и воздухЪ и земля.
Тогда среди кадилЪ на гору отдаленну,
Олтарь возносится являющій вселенну;
Хоругвями вокругЪ явился огражденЪ,
И сталЪ недвижимо на камняхЪ утвержденЪ;
ПередЪ лицемЪ святой и таинственной сѣни,
ПервосвященникЪ палЪ со страхомЪ на колѣни;

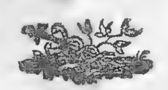
ОнЪ

Онъ руки и глаза на небо возносилъ,
И Бога къ олтарю низшедша возгласилъ!
Народъ и Царь главы на землю преклонили;
И радостны огни въ стѣнахъ возпламенили.
Тогда дабы вселить святую благодать,
Тѣла во градѣ Царь велѣлъ землѣ предать,
Онъ теплыхъ слезъ своихъ злодѣевъ удостоилъ;
По стогнамъ наконецъ священный ходъ устроилъ;
Повсюду пѣнiе, повсюду фимiамъ;
Гдѣ тартаръ ликовалъ, ликуетъ вѣра тамъ;
Злочестiе взглянувъ на святость воздохнуло.

Но солнце на Казань съ веселiемъ взглянуло;
Спустились Ангелы съ лазоревыхъ небесъ;
Возобновленный градъ главу свою вознесъ;
Отъ крови въ берегахъ очистилися волны;
Явились радостью лѣса и горы полны.
Перуномъ пораженъ раздоръ въ сiи часы,
Терзаетъ на главѣ змiиныя власы;
Со трепетомъ глаза на благодать возводитъ;
Скрежещетъ, мещется, въ подземну тму уходитъ

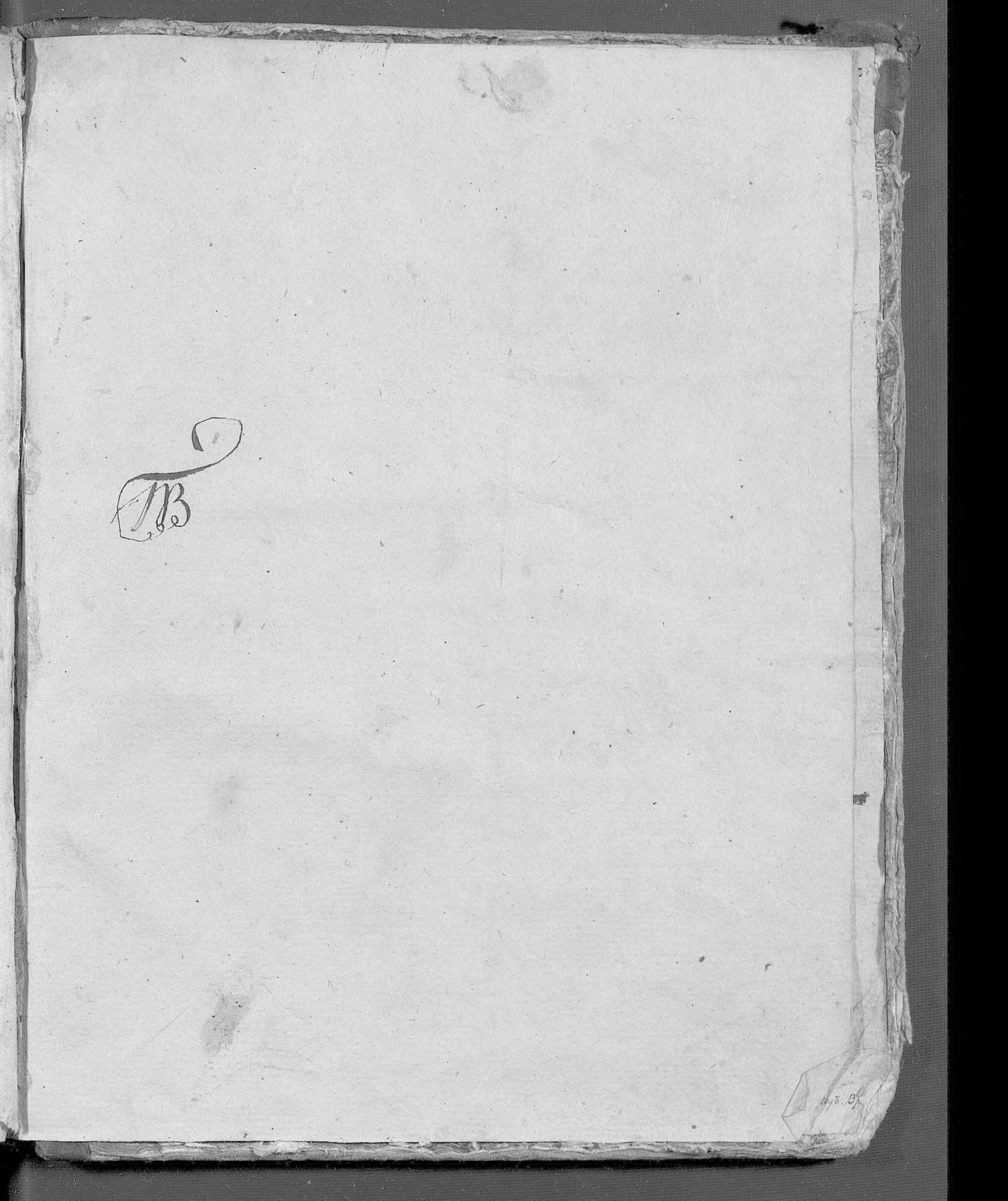
Чело ко облакамъ Россiя подняла,
И взоры обративъ сама себѣ рекла:
Хвала Всевышнему! Се члены раздробленны,
Съ моей державою я зрю совокупленны;
Теперь являюся, какъ чистая луна,
Въ моей окружности спокойна и полна!
По всей подсолнечной сей гласъ промчала слава;
И стала процвѣтать Россiйская держава.

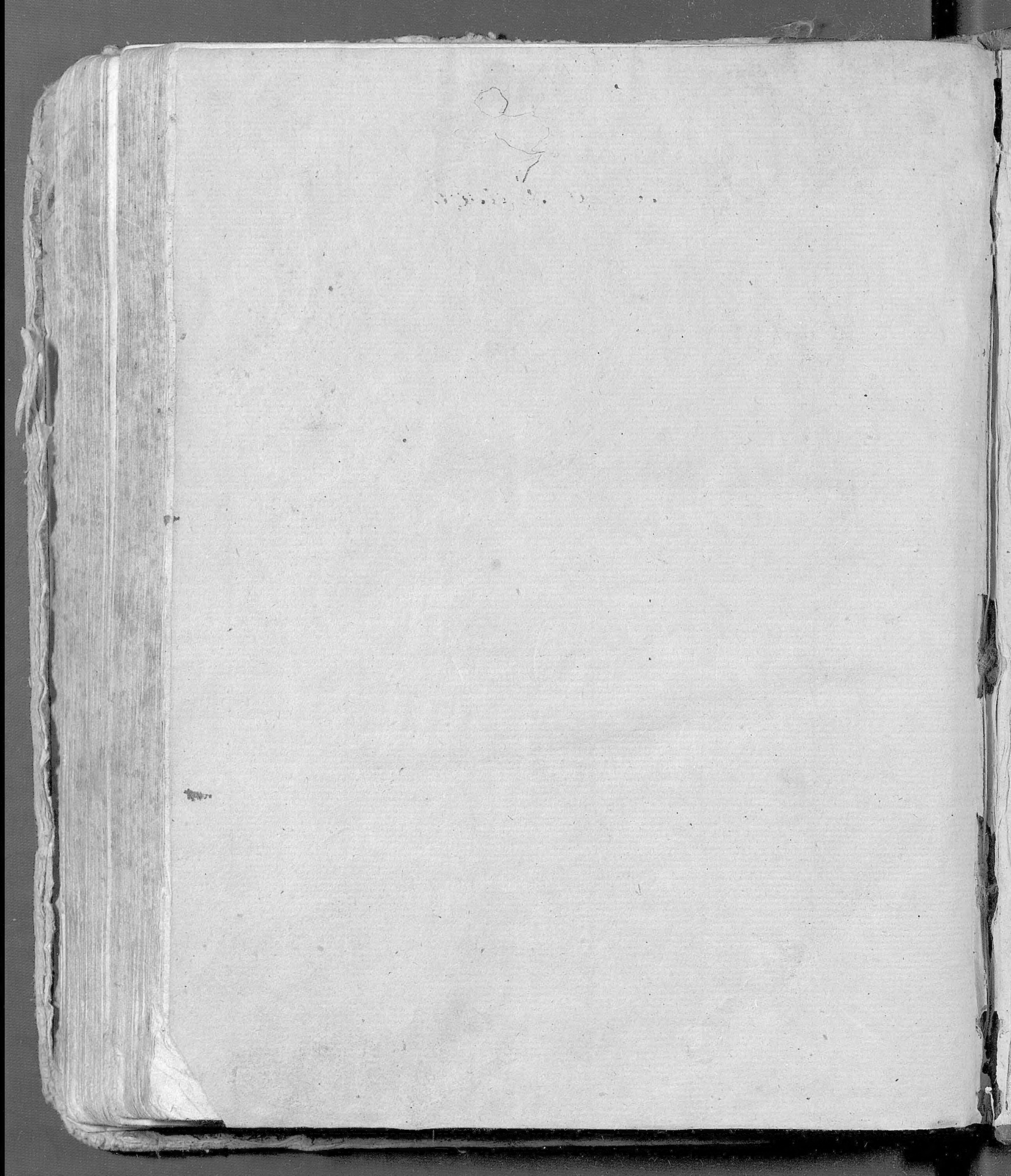
КОНЕЦЪ.

Погрѣшности.

Стран.	*Стр.*	*Напечатано*	*Читай.*
14	12	не попущенна,	не потушенна;
22	29	не пологаяся	не полагаяся
34	12	вниманья	вниманье
46	7	постра́мить,	посрамить,
——	15	Евкеладъ,	Енкеладъ,
49	10	не себя	на себя
51	21	сетра	сестра
54	26	съ супружнымъ	съ супружнимъ
55	2	дремучіи	дремучій
——	10	усыплитъ	усыплетъ
71	21	Токтоманъ,	Тохтомышъ
72	26	къ конецъ	въ конецъ
81	3	умножитъ	умножить
90	2	собраны	собранны
102	18	Котрость	Котросль
111	29	войнительный	воительный
117	32	рѣшитъ ужаный бой;	рѣшить ужасной бой,
137	11	Злочастіе	Злочестіе
——	25	вокругъ любезныхъ его	вокругъ ему любезныхъ
155	22	поспѣли.	посмѣли.
159	28	Полестина	Палестина
164	1	помогу,	по могу,
166	29	сіяющихъ	зіяющихъ
167	9	нектарь	нектаръ
~~190~~	~~6~~	~~гласъ;~~	гласъ;
196	26	Царевнину	Царицыну
——	28	Царевна	Царица
198	26	вдохнулъ,	вздохнулъ,
200	3	ты,	тѣ,
215	24	вождами	вождями
218	8	врдугъ	вдругъ
250	2	Роскую	Росскую
——	25	Роскій	Росскій

поэма Поэма Россіяда

Казённая

17, 17,

1820
1779

12,15, 15, 15,15,

